

ROSSICA

**Литературные
СВЯЗИ
И КОНТАКТЫ**

2023 № 4

ISSN 2782-3792

ROSSICA

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И КОНТАКТЫ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2023

№ 4

ROSSICA

LITERARY CONTACTS & CONNECTIONS

SCHOLARLY JOURNAL

Москва

Moscow

Р е д а к ц и я

О.Ю. Панова (МГУ им. М.В. Ломоносова; ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, Москва) –
ответственный редактор

С.И. Панов (ИМЛИ им.А.М. Горького РАН, Москва) – **издатель**

О.И. Щербинина (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) – **секретарь редакции,
редактор**

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я

К.М. Азадовский (Германская академия языка и литературы, Дармштадт, Германия /
Санкт Петербург, Россия)

А.А. Арустамова (Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермь, Россия)

В.Е. Багно (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург,
Россия)

М.Э. Баскина (Маликова) (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-
Петербург, Россия)

К.А. Болдуин (Тулейнский университет, Новый Орлеан, шт. Луизиана, США)

Е.Е. Дмитриева (ИМЛИ им. А.М. Горького РАН; РГГУ, Москва; Институт русской
литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия)

А.Ф. Строев (Университет Новая Сорбонна –Париж 3, Париж, Франция)

Р.Д. Тименчик (Еврейский университет, Иерусалим, Израиль)

С. Филипс (Университет Индианы, Блумингтон, шт. Индиана, США)

М. Шруба (Миланский университет, Милан, Италия)

Учредитель

ООО издательство «ЛИТФАКТ»

E d i t o r s:

Olga Yu. Panova (M.V. Lomonosov Moscow State University; A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia) – **executive editor**

Sergei I. Panov (A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia) – **publisher**

Olga I. Shcherbinina (M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia) – **editorial secretary, editor**

E d i t o r i a l B o a r d:

Konstantin M. Azadovsky (German Academy for Language and Literature, Darmstadt, Germany / St. Petersburg, Russia),

Anna A. Arustamova (Perm State University, Perm, Russia)

Vsevolod E. Bagno (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia)

Maria E. Baskins (Malikova) (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences; National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia)

Kate A. Baldwin (Tulane University, New Orleans, Louisiana, USA)

Ekaterina E. Dmitrieva (A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow; Russian State University for the Humanities, Moscow; Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia)

Sarah Phillips (Indiana University, Bloomington, Indiana, USA)

Alexander F. Stroev (New Sorbonne University – Paris 3, Paris, France)

Roman D. Timenchik (The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel)

Manfred Schruba (Milan University, Milan, Italy)

Publisher:

Limited Liability Company *LITFACT*

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	6
--------------------	---

ТРАВЕЛОГИ. ПУТЕШЕСТВИЯ

О.Ю. Панова.

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)	7
---	---

А.В. Добряшкина.

Паломничество в страну Востока: Визит Стефана Андреса в СССР	67
--	----

ЛИТЕРАТУРА И ПОЛИТИКА

Ю.А. Скальная.

Конституция для «новой цивилизации»: проект советской Конституции 1936 г. в оценке Б. Шоу и супругов Уэбб	99
--	----

Д.М. Цыганов.

Негативная рецепция: Жан-Поль Сартр в пространстве литературной жизни позднего сталинизма	115
--	-----

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОНТАКТЫ И РЕЦЕПЦИЯ

Л.А. Трахтенберг.

Комическая опера Ж.-М. Буте де Монвеля в шереметевском театре: дворяне и крестьяне во Франции и в России	175
---	-----

В.Э. Молодяков, А.С. Александров.

«Я с удовольствием возьму на себя охрану Ваших интересов»: письма В.Л. Бинштока к М.А. Булгакову (1927–1930)	193
---	-----

С.И. Быкова.

Советский школьник как читатель зарубежной литературы (по страницам дневника Ивана Хрипунова 1937–1941 гг.)	223
--	-----

CONTENTS

Editor's Note	6
---------------------	---

TRAVELS & TRAVELOGUES

Olga Panova.

“Soviet Russia and the Negro”: Claude McKay in the Soviet Union, 1922–1923	7
--	---

Anna V. Dobryashkina.

Journey to the East: Stefan Andres' Visit to the USSR	67
---	----

LITERATURE & POLITICS

Yulia A. Skalnaya.

Constitution for the “New Civilisation”: The 1936 Constitution of the Soviet Union Project as Assessed by G.B. Shaw and the Webbs	99
---	----

Dmitry M. Tsyganov.

Negative Reception: Jean-Paul Sartre in the Literary Situation of Late Stalinism	115
--	-----

LITERARY CONTACTS & RECEPTION

Lev A. Trakhtenberg.

J.-M. Boutet de Monvel's comic opera in Sheremetev's theatre: nobles and peasants in France and in Russia	175
---	-----

Vassili E. Molodiakov, Alexander S. Alexandrov.

“I will be happy to take on the protection of your interests”: Letters of V.L. Bienstock to M.A. Bulgakov (1927–1930)	193
---	-----

Svetlana I. Bykova.

Soviet Schoolboy as a Reader of Foreign Literature: Ivan Khripunov's Diary, 1937–1941	223
---	-----

2023 год – трагический для России и мира, полный боли и утрат. Печально, что он принес и невосполнимые потери отечественной гуманитаристике. В том числе, 28 июля ушел из жизни Александр Николаевич Николюкин (26.05.1928, Воронеж – 28.07.2023, Москва), старейший из российских американистов, исследователь американской, английской, русской литературы и философии, литературы русского зарубежья.

20 лет Александр Николаевич проработал в академическом Институте мировой литературы (1956–1974), более 40 – в Институте научной информации по общественным наукам. Он создал «Российский литературоведческий журнал» (с 1993), организовал выход десятка многотомных собраний сочинений, в том числе В.В. Розанова, З.Н. Гиппиус, М.Н. Каткова, С.П. Шевырева... Готовил издания в «Литературных памятниках», в серии «История эстетики в памятниках и документах» и др.

Многие десятки работ А.Н. Николюкина посвящены зарубежным связям русской литературы. Широтой охвата материала выделяется его двухтомник – «Литературные связи России и США: становление литературных контактов» (1981) и «Взаимосвязи литератур России и США: Тургенев, Толстой, Достоевский и Америка» (1987).

Светлая память.

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

© 2023 О.Ю. Панова

“Soviet Russia and the Negro”: Claude McKay in the Soviet Union, 1922–1923

© 2023 Olga Yu. Panova

УДК 82.-01

https://doi.org/10.54791/27823792_2023_4_7_66

Информация об авторе:

Ольга Юрьевна Панова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН; профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: olgapanova65@gmail.com

Ключевые слова: Клод Маккей, Советская Россия, травелог, мемуары, советско-американские литературные контакты, Коминтерн, Л. Троцкий, Г. Зиновьев, Корней и Николай Чуковские, архивные материалы.

Аннотация: В статье на основе опубликованных и архивных материалов реконструируется история пребывания в СССР афроамериканского поэта, писателя и публициста Клода Маккея (с начала ноября 1922 до начала июня 1923). Основными источниками, позволяющими воссоздать события этих семи месяцев, а также историко-литературный контекст, стали два текста Маккея о его русском путешествии – статья-травелог «Советская Россия и негр», вышедшая на рубеже 1923-1924 гг. во влиятельном

Information about the author:

Olga Yu. Panova, Doctor hab. of Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: olgapanova65@gmail.com

Keywords: Claude McKay, Soviet Russia, travelogue, memoir, Soviet-American literary contacts, Comintern, Leon Trotsky, Grigory Zinoviev, Korney and Nikolai Chukovsky, archival documents.

Abstract: The paper offers a detailed reconstruction of Claude McKay’s travel to the USSR (November 1922 – early June 1923). Two texts by Claude McKay describing his pilgrimage to revolutionary Russia – “Soviet Russia and the Negro”, his travel essay published in *The Crisis* (December 1923 – January 1924) and his memoir *A Long Way from Home* (1937) – help to recreate his seven month stay there, its historical and literary context. Facts stated by McKay are being checked, verified, specified and supplemented by referring to Soviet, American and Britain press, unpublished materials

журнале *The Crisis*, и мемуарная книга «Далеко от дома» (1937). Факты, изложенные самим Маккеем, верифицируются, корректируются и дополняются с помощью публикаций в американской, британской и советской прессе, неопубликованных материалов из фондов отечественных архивов, свидетельств современников, сохранившихся в воспоминаниях и дневниках. В Приложении в статье публикуются русский перевод статьи К. Маккея «Советская Россия и негр» и письмо Г. Зиновьева К. Маккею.

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393, «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке», <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>. Автор выражает искреннюю признательность Виктории Юрьевне Поповой за предоставленные неопубликованные материалы из архивов Санкт-Петербурга.

from Russian archives, memoirs and diaries of McKay's contemporaries. The Russian translation of Claude McKay's essay "Soviet Russia and the Negro" and Grigory Zinoviev's letter to McKay are published in the Addendum.

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Science Foundation, grant no 23-18-00393, "Russia and the West viewing each other: Literature at the intersection of culture and politics, XX century", <https://rscf.ru/en/project/23-18-00393/>.

The author expresses her sincere gratitude to Victoria Popova for providing unpublished materials from St.-Petersburg archives.

Принятые сокращения:

LWN – *McKay C. A Long Way from Home / Ed., introd. by G.A. Jarrett. New Brunswick, NJ; London: Rutgers University Press, 2007.*

SR&N – *McKay C. "Soviet Russia and the Negro." The Crisis. Vol. 17, nos 2–3. Dec. 1923 – Jan. 1924, pp. 61–65, 114–118.*

Афроамериканский писатель, поэт и публицист Клод Маккей провел в Советской России семь месяцев – с начала ноября 1922 г. до начала июня 1923 г. Спустя год после IV Конгресса Коминтерна (5 ноября – 5 декабря 1922), для участия в котором Маккей и приехал в СССР, в двух номерах (декабрь-январь 1923–1924 гг.) ежемесячного журнала *The Crisis*¹ была

¹ «*The Crisis*» (осн. 1910; ориг. название *The Crisis: A Record of the Darker Races*) был создан группой афроамериканских общественных деятелей, в т.ч. писателей и журналистов, как орган Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (НАСПЦН). Одним из его основателей и многолетним главным редактором

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

напечатана большая статья «негритянского делегата» «Советская Россия и негр» (“Soviet Russia and the Negro”) о его путешествии в страну Советов. Позже, по прошествии более десяти лет, Маккей опубликовал книгу воспоминаний о своих поездках по разным странам мира «Далеко от дома» (*A Long Way from Home*, 1937)¹. В этой мемуарной книге он отвел своему пребыванию в России четвертый раздел «Волшебное паломничество» (Magic Pilgrimage), включающий 7 глав (14–20). Два рассказа об этом путешествии, написанные с интервалом более десяти лет, заметно отличаются друг от друга, и эта разница определяется не только объемом и содержанием (раздел мемуарной книги – повествование гораздо более развернутое, полное, детальное), но и прагматикой текста. В мемуарах, писавшихся в тот период, когда Маккей уже отходит от увлечения коммунизмом и большевизмом, расстается с иллюзией, что марксизму под силу разрешить расовый вопрос, главным является собственно рассказ о русском путешествии, и в итоге появляется содержательное, живое и увлекательное повествование, несомненные литературные достоинства которого позволяют определить его как художественно-документальное. Статья для *The Crisis*, писавшаяся «по горячим следам», – это не только травелог, но и образчик злободневной, остросоциальной публицистики, что соответствовало профилю самого влиятельного и читаемого негритянского журнала США. Маккей мог рассчитывать на самую широкую, в том числе и «высоколобую» аудиторию черных и цветных американцев и стремился не только информировать читателей о происходящем в России, но и обратить их в свою веру.

Маккей не случайно начинает свою статью с вопроса о пропаганде и литературе. Как поэт он прославился после публикации стихотворения «Коль умереть нам суждено...» (“If We Must Die”) в журнале Макса Истмена *The Liberator* в июльском выпуске 1919 г. Этот гимн протеста, полный гнева, боли и решимости, появившийся в разгар «красного лета» (Red Summer) – кровавых расовых беспорядков, сотрясавших США летом-осенью 1919 года, – стал визитной карточкой Маккея, в том числе и в России. В том же 1919-м Маккей из США отправляется в Лондон и везет с собой рекомендательные письма своих американских друзей к британским товарищам, в том числе письмо Уолтера Фуллера (англичанина, мужа извест-

был У.Э.Б. Дюбуа (1910–1934). В 1910–1920-е – самый влиятельный афроамериканский журнал общественно-политической, экономической и культурной тематики. Название журнала восходит стихотворению У. Рассела Лоуэлла «Нынешний кризис» (“The Present Crisis”, 1854) об американско-мексиканской войне.

¹ В качестве названия взята строка из известного спиричуэлс «Дитя без матери»: “Sometimes I feel like a motherless child / A long way from home”.

ной суфражистки, социалистки Кристал Истмен, сестры Макса Истмена) Чарльзу Огдену – писателю, лингвисту, философу, создателю «Общества еретиков» (осн. 1909) и журнала *Cambridge Magazine* (1912–1922). Маккей и Огден, у которых было много общего во взглядах, быстро прониклись взаимной симпатией, и Огден стал помогать новому другу с публикациями: он поместил большую поэтическую подборку из 23 стихотворений Маккея в своем журнале (*Cambridge Magazine*, 1920, Vol. 10, no 1) и свел его с издателем, который выпустил поэтический сборник Маккея «Весна в Нью-Гэмпшире»¹. Однако несмотря на свои левые взгляды, интеллектуальную смелость, склонность к иконоклазму, Чарльз Огден не принимал ангажированную, протестную и революционную поэзию Маккея, в том числе и самое знаменитое его стихотворение «Коль умереть нам суждено», и настаивал на исключении этих опусов и из журнальной подборки, и из сборника. Возражал он и против названия сборника, предложенного Маккеем, – «Песни борьбы» (*Songs of Struggle*). Маккей пошел на уступки ради того, чтобы британское издание его стихов все же состоялось, но внутренне не смирился с этим компромиссом и всегда считал его своей ошибкой и проявлением слабости².

Клод Маккей приехал в СССР с вполне сложившимися левыми убеждениями, без пяти минут коммунистом, и хотя главным для него всегда был расовый, а не классовый вопрос, он любил при случае подчеркнуть свое «рабоче-крестьянское происхождение»: в статье для *The Liberator* о своем пребывании в Британии (1919–1920) он называет себя «прокаженным в глазах общества, представителем расы изгоев и класса изгоев» (a social leper, a race outcast from an outcast class)³. Перед поездкой в Лондон Маккей провел в США семь лет и постоянно ощущал себя «чернокожим пролетарием», который вынужден зарабатывать на жизнь физическим трудом – официантом, посудомойщиком, стюардом-проводником в железнодорожной компании⁴.

¹ McKay C. *Spring in New Hampshire and Other Poems*. London: Grant Richards, 1920.

² См.: James W. *A Race Outcast from an Outcast Class: Claude McKay's Experience and Analysis of Britain // West Indian Intellectuals in Britain / ed. B. Schwartz*. Manchester: Manchester University Press, 2018, pp. 77–79.

³ McKay C. *How Black Sees Green and Red // The Liberator*. 1921. July. Vol. 4. No 6, pp. 17–19.

⁴ См. предисловие М. Истмена к поэтическому сборнику К. Маккея «Тени Гарлема»: *Eastman M. Introduction // McKay C. Harlem Shadows: The Poems of Claude McKay*. New York: Harcourt, Brace, 1922, pp. xvi–xvii.

Уроженец Ямайки и британский подданный Клод Маккей (наст. имя Фестус Клаудиус Маккей, 1890, Кларендон, Ямайка – 1948, Чикаго, США) происходил из зажиточной крестьянской семьи, получил хорошее школьное образование. К левым взглядам (социализм, феминизм, антиколониализм, скептический рационализм и атеизм) его приобщил старший брат, студент педагогического колледжа Юрая Теодор («Ю. Тео»), который позже стал школьным учителем, известным и уважаемым в профессиональном учительском сообществе Ямайки. В 1912 г. Маккей отправился в США, намереваясь получить сельскохозяйственное образование в Институте Таскиги – престижном высшем учебном заведении для афроамериканцев, созданном Букером Т. Вашингтоном, влиятельным политиком и общественником, просветителем, литератором, лидером негритянского народа Америки. Однако Маккей проучился там недолго: его сразу стала удручать «машина Таскиги» с ее строгой иерархией, дисциплиной, механистичным и прагматичным духом, Маккей перевелся в Канзасский сельскохозяйственный колледж, а в 1914 г., разочаровавшись в выбранной специальности, вовсе бросил обучение и переехал в Нью-Йорк. Еще будучи на Ямайке, Маккей, благодаря знакомству с Уолтером Джекилом – известным собирателем и знатоком фольклора, издал поэтический сборник «Песни Ямайки» (*Songs of Jamaica*, 1912) на ямайском креольском диалекте патуга. Продолжением его поэтической карьеры в США стала публикация стихотворений в нативистском журнале *Seven Arts* (1917; подписаны псевдонимом Эли Эдвардс). В 1918 г. Маккей познакомился с Фрэнком Харрисом, редактором *Pearson's Magazine*, в сентябрьском номере которого за 1918 г. появились стихи Маккея. В 1919 г. состоялось знакомство с Максом Истменом и его сестрой Кристал. По приглашению Истмена Маккей начинает печататься в *The Liberator* и работает там редактором – до закрытия журнала в 1922 г. В этот же период Маккей становится «уоббли» – вступает в ИРМ, международную организацию «Индустриальные рабочие мира» (*Industrial Workers of the World – IWW, Wobblies*, осн. 1905).

Во время первого пребывания Маккея в США три фактора обусловили его радикализацию и рост интереса к марксизму и коммунизму. Один из них – мировая война, воспринятая Маккем как торжество «слепой, грубой силы, первобытного хищничества, которые таятся в самой сердцевине цивилизованного общества» (*blind brute forces of tigerish tribalism which remain at the core of civilized society*), когда «брат шел на брата, друг на друга» (LWH: 47). Другим фактором стала русская революция, которая сразу привлекла внимание Маккея, и вскоре он стал убежденным апологетом большевистского социального эксперимента. Накануне второй годовщины

Октября он вел дебаты об этом событии с черными националистами – последователями Маркуса Гарви. В письме в газету *Negro World* (орган движения Гарви) Маккей заявлял:

Каждый негр, который претендует на лидерство, должен изучать большевизм и объяснять его смысл массам цветных. Это величайшая и самая научная идея из всех, что распространяются сегодня в современном мире, и пролетариат легко может воплотить ее на практике для улучшения материальных и духовных условий жизни. Большевизм <...> обеспечил евреям безопасность в России. Он избавил крестьян от попов и бюрократов, которые больше не могут подстрекать славян истреблять евреев и тем самым поддерживать свою прогнившую социальную систему. Он, быть может, способен обеспечить неграм безопасность в этих Соединенных Штатах¹.

Наконец, еще один фактор – расизм, с которым Маккей столкнулся в США, в первую очередь на американском Юге, сразу по приезде – особенно поразила его сегрегация на транспорте и в общественных местах. После «красного лета» 1919 года он принимает решение отправиться в Британию – и в этом его поддерживали американские коллеги и друзья.

Сразу по прибытии в Лондон, осенью 1919-го Маккей знакомится с социалисткой, суфражисткой Сильвией Панкхерст и начинает сотрудничать с ее партией «Рабочая социалистическая федерация» (*Workers' Socialist Federation*) и ее журналом *Workers' Dreadnought*, присутствует на собраниях Международного социалистического клуба (*International Socialist Club*), где знакомится с рабочими и профсоюзными лидерами, представителями левой прессы, в том числе с Джорджем Лэнсбери, редактором социалистической газеты *Daily Herald*, посещает клуб «Друри-лейн», учрежденный YMCA для черных и цветных военных – афроамериканцев и солдат колониальных войск. Также Маккей бывает в «Клубе 1917» в Сохо, созданном участниками кружка Блумсбери; в этом клубе часто бывали Леонард и Вирджиния Вулф, Литтон и Джеймс Стрэчи, а также Чарльз Огден. Тем не менее, и в Британии Маккей повсюду замечает проявления «англо-саксонского расизма» и, шире, европейского расизма – и на идейном, и на бытовом уровне². Естественно, эта тема

¹ *Negro World*. 1919. Sept. 20. См. об этом: *James W. A Race Outcast from an Outcast Class*, p. 73.

² См., напр., описанный Маккеем случай в Лондоне на соревнованиях по боксу (LWH: 59–60).

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

становится ведущей в его публицистике 1919–1921 гг. Так, он участвует в обсуждении расового аспекта Рейнского вопроса.

В ходе Рурского восстания рабочих в середине марта 1920 г. была создана Рурская Красная армия (РКА), которая в течение недели заняла Эссен, Дюссельдорф и еще ряд городов. 3 апреля 1920 г. 20-тысячная немецкая правительственная армия вошла в Рурскую область и завязала бои с РКА. Ввод германских войск в демилитаризованную и частично оккупированную Антантой (левобережье Рейна) Рейнскую зону нарушал условия Компьенского перемирия (11.11.1918) и Версальского мира. 4 апреля французские войска форсировали Рейн и заняли Франкфурт, Дармштадт, Ганау, Хомбург. В апреле 1920 г. социалистическая *Daily Herald* откликается на начало Рурского конфликта серией публикаций, направленных против присутствия французских войск в Руре. В первой публикации от 9 апреля на первой полосе газеты печатается репортаж «Кровопролитие во Франкфурте: французские чернокожие войска стреляют по гражданским из автоматов» ('Frankfurt Runs With Blood / French Black Troops Use Machine Guns on Civilians'). На следующий день, 10 апреля, в газете появилась статья журналиста, политика и известного пацифиста Эдмунда Д. Морела «Черные – бич Европы: сексуальный террор, развязанный французами на Рейне» ('Black Scourge in Europe: Sexual Horror Let Loose by France on the Rhine'), в которой автор обращался к наболевшему вопросу об участии французских колониальных (африканских) частей, в первую очередь сенегальских стрелков, в оккупации Рейнланда.

Во время Первой мировой немецкая пресса создавала негативный образ французских колониальных войск, которые представляли дикарями, канибалами. Во время оккупации левобережья Рейна, начавшейся в конце 1918 г., африканских солдат обвиняли в совершении массовых изнасилований немцев, в убийствах и грабежах. В Германии нагнеталась паника – этот феномен получил название «позор черных» (die schwarze Schande или die schwarze Schmach)¹. Э.Д. Морел в статье, напечатанной в *Daily Herald*, от-

¹ Известно, что некоторые немки выходили замуж за чернокожих солдат; появлялись и незаконнорожденные дети, которые получили презрительную кличку («рейнландские ублюдки»). В период Третьего рейха рейнландских полукровок насильственно стерилизовали. См., напр.: *Camp T. Other Germans: Black Germans and the Politics of Race, Gender, and Memory in the Third Reich*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2004; *Roos J. Women's Rights, Nationalist Anxiety, and the "Moral" Agenda in the Early Weimar Republic: Revisiting the "Black Horror" Campaign against France's African Occupation Troops // Central European History Journal*. 2009. Sept. Vol. 42. No 3, pp. 473–508.

давал дань расистским стереотипам о неграх как сексуальной угрозе для белой расы. В редакторской заметке, сопровождавшей статью, Джордж Лэнсбери подчеркивал, что газета против расовых предрассудков, но при этом сам воспроизводил некоторые распространенные представления о «недоцивилизованности» и гиперсексуальности черной расы. 11 апреля Маккей прислал в редакцию *Daily Herald* письмо с критикой статьи Э. Морела. Лэнсбери не стал его печатать и даже не ответил Маккею, который тогда отправил свой материал Сильвии Панкхерст, и вскоре ответ Маккея Морелу и *Daily Herald* появился в *Workers' Dreadnought*¹. Маккей был поражен тем, что столь явная расистская пропаганда могла появиться в социалистическом журнале и распространяться среди рабочих: по прошествии полугода на съезде английских профсоюзов в сентябре 1920-го участникам раздавались листовки со статьей Морела, и в поддержку этих идей выступил ряд рабочих лидеров, в том числе руководитель Федерации шахтеров Роберт Смилли, которого Маккей хорошо знал лично и высоко ценил². К теме Рурского конфликта Маккей вернется в 1923 году, во время своего пребывания в СССР.

В Лондоне сбылась давняя мечта Маккея – познакомиться с Бернардом Шоу, который стал его кумиром еще в школьные годы. Фрэнк Харрис, редактор *Pearson's Magazine*, снабдил Маккея рекомендательным письмом к знаменитому драматургу. Свой визит к Шоу домой (10 Adelphi Terrace), состоявшийся в 1920 г., Маккей подробно описал в 5-й главе («Приключения в поисках Бернарда Шоу») своих мемуаров «Далеко от дома». В частности, Маккей передает следующие сказанные ему слова Шоу:

Должно быть, для чувствительного негра быть поэтом – это трагедия. Почему Вы не выбрали кулачный бой вместо поэзии в качестве профессии? <...> Благодаря тренировкам из Вас мог бы получиться преуспевающий боксер. А поэты всегда бедствуют, если у них нет империи, которую они, подобно Киплингу, могли бы прославлять и рекламировать» (LWH: 52–53).

Маккею было важно, что Шоу поддерживал русскую революцию:

Спустя некоторое время после моего визита к Шоу, я отправился слушать его лекцию в Кингсуэй-холл, где он открыто заявил, что верит в Ленина.

¹ *McKay C. The Black Man Replies // Workers' Dreadnought. 1920. April 24.*

² Маккей опубликовал статью о Р. Смилли в в журнале С. Панкхерст (под псевдонимом): *C.E. Edwards [McKay C.]. Robert Smillie // Workers' Dreadnought. 1920. August 14.*

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

Со мной был Уильям Галлахер, который сейчас стал коммунистом-членом парламента¹. Когда настало время вопросов, Галлахер сказал, что для Шоу хвалить Ленина в теории – это очень хорошо, но рабочим нужны практические действия. На это Шоу ответил, что практические действия – это очень хорошо, но лично он уже в таком возрасте, что предпочел бы предоставить действие молодым людям, вроде Галлахера (LWH: 54–55).

Будучи в Британии, Маккей опубликовал в социалистическом журнале Сильвии Панкхерст стихотворение ««Святой» Руси»:

Long struggling under the Imperial heel,
Some dared not see the white flame of your star
Dimmed by the loathsome shadow of your Tsar.
But men who clung to sacred dreams could feel

Some day you would put forth your arm of steel
And drag the mannikins from near and far,
Before the mighty people's judgment bar,
To answer for the ruined commonweal

Down from their high, dishonoured place you hurled
The cowed, incompetent, corrupted few;
The blood-bathed flag of a new life unfurled,

Revealed your soul to Slav and Jew:
The eyes of the too-long submissive world,
Lifted in golden hope, are turned to you!²

Маккей пишет о «священной мечте», «золотой надежде», «новой жизни», в которой уже нет места вражде «славянина и еврея» – и он верит, что большевизм может принести освобождение также и неграм, покончить с расизмом.

¹ Уильям Галлахер (William Gallacher, 1881–1965) – шотландский профсоюзный активист, один из основателей британской компартии и лидеров т.н. «Красного Клайдсайда» (Reid Clydeside, 1910–1930) —периода массового подъёма и радикализации рабочего движения в Великобритании, и в Шотландии в частности. Депутат Палаты общин (1935–1950), возглавлял компартию Великобритании (1956–1963).

² *McKay C.* To 'Holy' Russia // *Workers Dreadnought*. 1920. February 28.

В первый раз речь о приезде Маккея в Советскую Россию зашла в 1920 году, когда Джон Рид рекомендовал Ленину пригласить чернокожего поэта на Третий Конгресс Коминтерна (22 июня – 12 июля 1921) в качестве делегата, способного достойно выступить по негритянскому вопросу¹. Однако в октябре 1920-го Джон Рид умер, и поездка Маккея не состоялась. В начале 1921-го Маккей вернулся из Британии в США. В течение полутора лет, предшествовавших его советской одиссее, он продолжает дрейф ко все более радикально левой позиции: продолжает сотрудничать с ИРМ и *The Liberator*, активно участвует в деятельности Африканского кровного братства по освобождению и возвращению африканцев (African Blood Brotherhood for African Liberation and Redemption – АБВ)².

Осенью 1922 года Маккей решает отправиться в Россию на IV Конгресс Коминтерна – как он подчеркивает, по собственному почину, в качестве сочувствующего коммунистическому движению представителя угнетенного расового меньшинства. В поисках денег Маккей обратился к знаменитому писателю, поэту и дипломату Джеймсу Уэлдону Джонсону, который в тот момент занимал пост секретаря НАСПЦН. При поддержке НАСПЦН, Макса и Кристал Истменов и журнала *The Liberator* была организована рекламная кампания по продаже только что вышедшего поэтического сборника Маккея «Тени Гарлема» (*Harlem Shadows*, 1922), но, разумеется, покрыть расходы на путешествие за счет собранной суммы было нельзя. Перед отъездом друзья, белые и черные, устроили для Маккея прощальную вечернику – на ней были в числе прочих Дж Уэлдон Джонсон,

¹ См.: Carew J.G. Translating Whose Vision? Claude McKay, Langston Hughes, Paul Robeson and the Soviet Experiment // *Intercultural Communication Studies*. 2014. Vol. XXXIII. No 2, p. 4; Cooper W.F. Claude McKay: Rebel Sojourner in the Harlem Renaissance: A Biography. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press, 1987, p. 107.

² Африканское кровное братство, организация, созданная в 1919 г. в Нью-Йорке Сирилом Бриггсом (Cyril V. Briggs, 1888–1966), журналистом, активистом, выходцем из Вест-Индии, изначально ставило своей целью деколонизацию Африки, репатриацию «черной дисапоры» на африканский континент и солидаризовалось с Маркусом Гарви и его UNIA, однако после «красного лета» 1919 года лидеры АБВ С. Бриггс и К. Маккей сменили основной вектор и стали рассматривать Братство как организацию по борьбе с расизмом и самозащите от насилия – линчеваний и расправ в ходе расовых беспорядков, включая и вооруженное сопротивление белому террору. С 1920 года АБВ окончательно размежевывается с гарвеизмом и берет курс на сближение с коммунистами, который заканчивается слиянием Братства с компартией США в 1922-м.

У. Дюбуа, романистка и литературный редактор журнала *The Crisis* Джесси Фосет, писатель и активист, видный член НАСПЦН Уолтер Уайт, редактор *The Bookman* Джон Фаррар, известная суфражистка Рут Хейл и ее муж, журналист Хейвуд Броун. Чтобы добраться из США до Британии Маккей нанялся кочегаром на грузовое судно, идущее из Нью-Йорка в Ливерпуль. Из Ливерпуля он направился в Лондон, где встретился со знакомыми из Международного социалистического клуба, узнал, кто из британских коммунистов готовится ехать на Конгресс Коминтерна и обратился к Артуру Макманусу, влиятельному участнику «Красного Клайдсайда», с просьбой о включении в британскую делегацию. Однако в этой просьбе ему было отказано – согласно версии самого Маккея, это произошло из-за разногласий в британском левом движении: просоветски настроенные британские коммунисты не хотели принимать в свою компанию бывшего участника группы Сильвии Панкхерст. Формальной причиной стало требование «рекомендации от компартии США» (LWH: 122–123). Маккей отправился в Берлин, где отыскивал сотоварища по работе с «группой Панкхерст», который помог ему получить русскую визу, и вскоре отплыл из Штеттина в Петроград.

В мемуарах 1937 года, говоря о прибытии в Петроград, Маккей размышляет о судьбе России прошлой и новой, символами которой становятся для него Петр Великий и Ленин:

Петроград! Ленинград! Когда я думаю об этом великом городе, подобном мощному дереву, до самых корней потрясенному ураганом и все же устоявшему, когда я думаю о гордом Медном всаднике – памятнике Петру Великому, запечатлевшем мощные свершения диктатора, я чувствую, что поэзия прекрасного имени утрачена, его радужные сияющие краски выцвели, когда Петроград был переименован в Ленинград.

Ленин мощнее Петра Великого. Но в имени «Ленинград» нет магии. Есть магия в имени «Ленин», есть блистательное великолепие в слове «Москва». Быть может, сам Ленин, посвятивший свою жизнь идее сотворения славного нового мира, предпочел бы оставить Петроград Петроградом – как признание стремления Петра Великого изменить страну и народ. <...>

Я видел Петроград! Он был, как огромное дерево, которое до самых корней потряс ураган, в которое ударила молния, но которое все же устояло. Осенний Петроград, наполовину опустевший и немного грустный. Я видел памятники царям и аристократам, валяющиеся в грязи, сброшенные пролетарскими массами. Но массы сохранили в неприкосновенности прекрасный и гордый памятник Петру Великому, мощный символ индивидуальной воли и величия (LWH: 124).

К. Маккей и М. Истмен. Москва. Февраль 1923. Источник: Richard M. Whitney. *Reds in America* (New York: Beckwith, 1924).

Конгресс открывался 5 ноября, его открытие совпадало с празднованием пятилетия революции. Встретившись в Петрограде со своим другом Максом Истменом, Маккей участвует в торжествах, он вдохновлен теплым приемом, энтузиазмом и праздничной атмосферой:

Петроград был великолепен, весь в красных флагах и вымпелах. Красные флаги на фоне снега, на высоких гранитных зданиях. Украшено было все – поезда, автомобили, фабрики, магазины, гостиницы, школы. Это было торжество, в котором активно участвовал и я, представитель негритянской расы. Меня принимали так, словно давно ждали моего приезда. Когда 7 ноября мы с Максом Истменом пытались протиснуться сквозь плотную толпу на Тверской, крепкие молодые люди подхватили меня и стали качать, подбрасывая в воздух... вскоре я был уже нарасхват – лекции перед поэтами и журналистами, митинги среди рабочих и солдат. Постепенно я осознал, что меня чествовали как символ, как представителя американских негров... которых в моем лице радостно приветствовали освобожденные советские рабочие (SR&N: 65).

После торжественного открытия 9 ноября Конгресс должен был продолжиться в Москве и работать там вплоть до закрытия – до 5 декабря. Маккей отправляется в столицу Советской России и обращается в Комин-

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

терн с просьбой разрешить ему присутствовать на заседаниях Конгресса в качестве независимого наблюдателя. Однако он столкнулся с препятствиями, которые едва не разрушили все его планы – фронт со стороны делегации от американской компартии. В своих воспоминаниях Маккей оставил весьма язвительное описание раздираемой противоречиями американской делегации и царившей в ней атмосферы:

Вскоре меня вернули с небес на землю: после романтической атмосферы я столкнулся лицом к лицу с суровой реальностью в лице делегации американских коммунистов. Я имел наглость и бесстыдство явиться в Россию вместе с несколькими британскими делегатами. <...> Мое присутствие вызвало отторжение. Американской делегации я был тут не нужен. Делегация представляла Америку, а я приехал с другими коммунистами как гость Четвертого Конгресса. Мне надо было, чтобы делегация одобрила меня в качестве неофициального гостя. Но руководитель делегации¹ отказал мне в этом. Он хотел, чтобы меня выслали из России и отправили обратно домой.

В американской делегации шла яростная борьба. Меньшинство, лидером которого был Джеймс Кэннон², хотело, чтобы американская компартия была легальной и могла открыто вести пропаганду среди американских рабочих. Большинство, во главе с руководителем делегации, боролись за то, чтобы партия оставалась на нелегальном, подпольном положении (LWN: 125–126).

Маккея выселили из «Люкса» – гостиницы Коминтерна на Тверской, и он был вынужден снять комнату в коммуналке: он оказался «в ответ-

¹ Джон Карр (John Carr), настоящее имя – Людвиг Эрвин Альфред Каттерфилд – «Голландец» (Ludwig Erwin Alfred “Dutch” Katterfeld, 1881–1974) – заметный деятель американской компартии, занимавший там ряд ответственных должностей и бывший, в числе прочего, представителем в Коминтерне.

² Джеймс Патрик Кэннон (James Patrick Cannon, 1890–1974) – уроженец Канзаса, сын ирландских эмигрантов, член социалистической партии США (с 1908) и ИРМ (с 1911), ученик и последователь знаменитого «убобли» «Биг Билла» Хейвуда. С момента образования компартии США (1920) входил в группу Чарльза Э. Рутенберга и вместе с ним был главным инициатором создания легальной части компартии – Рабочей партии Америки (Workers’ Party of America – WPA, осн. декабрь 1921), существовавшей одновременно с подпольной частью организации. В 1920-х занимал ответственные должности в Коминтерне, американской компартии и близких к ней организациях, в т.ч. был членом исполкома общества «Друзья советской России» (Friends of Soviet Russia, осн. 1921). С конца 1920-х, особенно после поездки в СССР в 1928 г., перешел в лагерь сторонников Троцкого.

К. Маккей и Сен Катаяма
на Четвертом конгрессе Коминтерна.
Москва, 1922. Источник: РГАЛИ. Ф. 2854.

тетному японскому коммунисту делегату Конгресса Сен Катаяме, который имел большой вес в Москве и был тесно связан с американским левым движением, в частности, с кругом Джона Рида. Катаяма быстро уладил проблему, подтвердил компетентность Маккея в области негритянского вопроса, как и его право выступать от лица негритянского пролетариата². В итоге Маккей был включен в списки делегатов, получил пропуск на заседания Конгресса и вернулся в гостиницу «Люкс». В воспоминаниях Маккей подробно пишет о Сен Катаяме и, в частности, сообщает, что познакомились они благодаря *The Liberator*, что Сен Катаяма учился в США в негритянском университете Фиска, а в Москве – в Коммунистическом университете

шавшем здании, в темном, мрачном переулке»: «В голлой комнате был только армейский матрац, в ней царил степной холод – окно было разбито, и оттуда шел поток сибирского воздуха»¹. Теплолюбивому гостю пришлось срочно бежать в магазин и обзавестись одеялами и парой валенок. Жившая в соседней комнате русская семейная пара утешила его, заверив, что «тысячи русских живут гораздо хуже» (LWH: 128).

Приобщившись к условиям жизни советских трудящихся масс, Маккей, тем не менее, не собирался сдаваться, и вскоре нашел способ добиться своего. Он обратился за помощью к своему знакомому, авторитетному

¹ Ibid.: 128.

² См.: *Carew J.G.* Translating Whose Vision?, p. 4; *Cooper W.F.* Claude McKay, pp. 173–174; *Gosciac J.* Claude McKay and the “Black Specter” of African American Poetry in the 1920s // *Modernism on File: Writers, Artists, and the FBI, 1920-1950* / eds C.A. Culleton, K. Leick. New York: Palgrave Macmillan, 2008, p. 80.

О. Хьюисвуд и К. Маккей на Четвертом конгрессе Коминтерна.
Москва, 1922. Public Domain.

трудящихся Востока – КУТВ, который Маккей посетил вместе со своим японским другом (LWH: 157–158). Особенно важным было для Маккея обостренное внимание Сен Катаямы к расовой и, в том числе, негритянской проблеме, он подчеркивал, что японский коммунист постоянно поднимал эти вопросы в Коминтерне (LWH: 140–141).

Официальным негритянским делегатом от США был уроженец Суринама коммунист Отто Э. Хьюисвуд (зарегистрированный на Конгрессе под партийным псевдонимом «Дж. Биллингс»), член Африканского кровного братства, вступивший в компартию США летом 1922 г.¹ Маккей не слишком доброжелательно отзывается об этом «делегае-негроиде, светлокожем

¹ См. о нем: *Enckevort M. van. Otto Huiswood: Political Praxis and Anti-Imperialism // St. Martin Studies. 2006. No 1–2. http://consultants2006.tripod.com/st_martin_studies_2006.1-2.htm#_Toc155903776; Carew J.G. Blacks, Reds, and Russians: Sojourners in Search of the Soviet Promise. Trenton: Rutgers University Press, 2009, p. 25; Carew J.G. Translating Whose Vision?, p. 5.*

Выступление К. Маккея на Четвертом конгрессе Коминтерна.
Тронный зал московского Кремля. 1922. Public Domain.

мулате» (LWH: 125) и подчеркивает, что тот вначале презирал своего черного собрата, но потом стал искать его общества: ведь только когда они находились рядом, полукровка Хьюисвуд воспринимался окружающими как цветной – а быть черным и цветным оказалось престижным в столице большевиков (LWH: 133–134). Такое проявление гордости чистокровного представителя африканской расы подогревалось доброжелательным интересом, который Маккей именно в этом качестве встречал повсюду в России. Восторженному приему, который ждал его в стране Советов, посвящена 15-я глава воспоминаний Маккея «Личный триумф».

Ни разу в жизни не был я так горд тем, что я – черный, африканец. <...> Я триумфально шествовал из Москвы в Петроград и из Петрограда в Москву – сюрприз за сюрпризом, сопровождаемый щедрыми приветствиями со всех сторон (LWH: 132).

Благодаря колоритной внешности Маккей был объектом внимания фотографов: было сделано много снимков, в том числе и знаменитая фотография, запечатлевшая его выступление в Тронном зале Кремля. Исследователи подчеркивают, что темнокожий делегат стал орудием советской

А. Голичер, К. Цеткин и К. Маккей в Москве
на Четвертом конгрессе Коминтерна. 1923. Public Domain.

пропаганды¹; по свидетельству самого Маккея, на это ему неоднократно указывал его сотоварищ Хьюисвуд; однако поэт вовсе не считал это унижительным, а, напротив, был польщен:

...мое черное лицо, запечатленное на фотографиях вместе лицами советских руководителей, было повсюду – на центральных улицах, на стенах домов... меня фотографировали вместе с популярными лидерами мирового коммунизма – Зиновьевым, Бухариным, Радеком, Кларой Цеткин, Сен Катаямой, Роем, с офицерами советского флота, армии и военно-воздушных сил, с красными кадетами...; с профессорами и академиками; с детьми Москвы и Петрограда; с делегатами из Египта, Индии, Японии, Китая, Алжира (LWH:134).

Маккей благодушно относился к такому вниманию (более того, оно ему льстило), потому что не считал его проявлением расизма – а, наоборот, доброжелательного интереса, и, главное, поскольку он воспринимал этот те-

¹ Baldwin K.A. *Beyond the Color Line and the Iron Curtain: Reading Encounters Between Black and Red, 1922–1963*. Durham, NC: Duke University Press, 2002, p. 39; Carew J.G. *Translating Whose Vision?*, p. 4.

AN INTERNATIONAL GROUP INCLUDING A CHINESE, RUSSIAN JEW, NEGRO, RUSSIAN GENTILE, BULGARIAN, HINDU, AMERICAN MULATTO, ALGERIAN, JAPANESE, ARMENIAN, KOREAN, AND WHITE AMERICAN

Делегаты Четвертого конгресса Коминтерна:
К. Маккей, Н. Бухарин, Сен Катаяма и др. 1922. Public Domain.

пный прием как выражение братского чувства солидарности с угнетенной негритянской расой.

В 16-й главе своих воспоминаний Маккей подробно описывает первое заседание Конгресса в Москве, в Большом театре, рассказывает, как вначале он сел было рядом с Мартином Андерсенем-Нексе, но его тут же забрали в Президиум и усадили вместе с Максом Истменом и председателем ИККИ Г. Зиновьевым, причем последний лично просил его произнести речь от лица американских негров (LWH: 135–136). Оба негритянских делегата – и коммунист Хьюисвуд-Биллингс, и «сочувствующий» Маккей – выступили по «негритянскому вопросу», внесенному в повестку Конгресса. Хьюисвуд заявил о необходимости объединения трудящихся негритянской расы как в США, так и в Африке для борьбы с империализмом и колониализмом и созыва в Москве конгресса негритянских организаций. Маккей начал выступление напоминанием о том, что он не политик, а поэт, упомянул свое самое знаменитое стихотворение «Коль умереть нам суждено». Он назвал негров «расой земледельцев, лесорубов и водоносов»,

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

которая не может не разделять главную цель Коминтерна – освобождение трудящихся во всем мире, и отметил, что мировая буржуазия, стараясь воспрепятствовать революционному движению, разыгрывает «карту расового вопроса», разжигая предрассудки и раскалывая единство рабочего движения. Тексты выступлений Хьюисвуда и Маккея были напечатаны в органе Коминтерна «Инпрекоре», а резюме выступлений помещены также и в советской прессе¹. Также в «Известиях» была напечатана беседа корреспондента газеты с «товарищем Маккеем». Корреспондент так представил гостя Конгресса:

Тов. Клод Маккей – негр, учившийся в Америке; в настоящее время он находится в России с целью, главным образом, оказаться полезным в изучении негритянского вопроса; тов. Маккей – журналист и поэт, его специальность – агрикультура, он окончил сельскохозяйственную академию².

В этом довольно большом материале Маккей описывает дискриминацию негров в США, приводя статистику и аналитические выкладки, приводит неутешительные данные о положении дел в системе образования, рассказывает о линчеваниях, сегрегации, негативно характеризует деятельность негритянских организаций – Национальной Городской лиги (National Urban League, осн. 1910) и движения Маркуса Гарви – деятельность которых «может только способствовать ослаблению революционизирования негритянских масс». При этом Маккей подчеркивает отсталость и пассивность афроамериканцев, утверждая, что от них не стоит ждать в ближайшем будущем никакой революционной активности: «...негр – это затравленный парий, в настоящее время, по крайней мере ни о каком самостоятельном политическом движении, а тем более движении революционном среди совершенно несознательных масс черных рабов, в жизни и смерти каждого из которых волен всякий белый, не может быть и речи». Маккей характеризует дискриминацию как «неравенство буквально во всем и буквально на каждом шагу»; беседа заканчивается его эмоциональным восклицанием: «Нас за людей не считают – поймете ли вы это?»

¹ Негритянский вопрос. Доклад т. Биллингса. Речь т. Маккея // Известия. 1922. 26 ноября; Правда. 1922. 26 ноября; Report on the Negro Question. Billings. McKay // International Press Correspondence. Vol. III. No 2. 5 Jan. 1923, pp. 14–17; McKay C. The Racial Issue in the USA // International Press Correspondence. Vol. II. No 101. Nov. 21, 1923, pp. 817.

² Бор. М. Расовый вопрос в Америке. Беседа с тов. Клодом Маккей // Известия. 1922. 18 ноября.

На Конгрессе была принята разрабатывавшаяся ИККИ с начала 1922 г. «Резолюция по негритянскому вопросу» – о положении негров и задачах Коминтерна в связи с негритянским вопросом в Африке и Северной Америке; снова была подчеркнута необходимость проведения в Москве «всеобщего негритянского съезда»¹. Сразу после Четвертого Конгресса было учреждено Негритянское бюро Коминтерна, с мая 1923 г. начались его регулярные заседания.

* * *

После Конгресса Маккей решил задержаться в России. Он был в числе первых гостей, на которых «обкатывались» программы и маршруты «культпоказов». В 1922–1923 гг. ритуал советского гостеприимства только начинает складываться, но его основные контуры уже вырисовываются. В своих воспоминаниях Маккей упоминает о посещении фабрик и заводов, советских учреждений (загсы, суды, больницы), органов власти – наркоматов и советов – городских (Моссовет, Петросовет) и районных, о «культпоходах» (музеи, театры, знакомство с памятниками архитектуры). Однако в отличие от второй половины (и даже середины) 1920-х, иностранные гости тогда еще пользовались большой свободой передвижения и общения, нередко бывали предоставлены сами себе и могли почти без ограничений выбирать, куда пойти и с кем встретиться. Круг общения Маккея был достаточно широким, причем в нем оказывалось немало людей, недовольных новым режимом и даже настроенных враждебно по отношению к большевикам. В 18-й главе своих воспоминаний Маккей подробно описывает посещение московской вечеринки «русской буржуазии» (нэпманов) и «бывших» (дворян) и воспроизводит долгую беседу с хозяйкой – «барышней» (barishna), которая сделала ему выговор за отказ поцеловать у нее руку и предъявила длинный список своих претензий к новой власти (LWH: 151–153). В мемуарах есть и рассказ о встрече в Петрограде с военным моряком и его женой, светлокожей окторонкой родом из Латинской Америки, которого не принимали на службу на флот как «царского офицера». Маккей ходатайствовал за него, обратившись к «другу, красному офицеру, коммунисту, члену Петросвета» (LWH: 168–169). В Москве негритянскому гостю запомнился разговор со «старорежимной» преподавательницей училища:

¹ Документы готовились к Конгрессу на протяжении 1922 г. См. напр.: Выписка из решения ИККИ по негритянскому вопросу. 18.12.1922. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 2; предложение ИККИ о созыве всемирного негритянского конгресса. 01.01.1922. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 5.

Поразительно, но даже русские буржуа мне доверяли. Они знали о том, что я сочувствую коммунистам, у которых я в гостях. И все же некоторые из них честно и наивно признавались мне, что не любят большевиков. <...> Когда я посещал училище вместе с переводчиком, который, несомненно, был из ОГПУ, одна из преподавательниц языка рассказала мне о том, как трудно работать при новом режиме. Она говорила, что ей обязательно нужно выезжать за границу, чтобы поддерживать уровень владения языком, который она преподает, но сейчас это стало невозможно. Она пожаловалась, что студенты-пролетарии тупоумны и мешают учиться более способным студентам из семей буржуа. Еще она призналась, что один из ее самых одаренных студентов – сын бывшего губернатора, но она не скажет, кто, потому что если это станет известно, он больше не сможет оставаться в этом училище (LWH: 132).

С декабря 1922-го по февраль 1923-го Маккей жил в основном в Москве и только один раз съездил в Петроград. В обеих столицах он часто выступал на разных митингах и встречах, и с иронией отмечал потом в своих мемуарах, что русские очень любят длинные речи и готовы слушать ораторов часами, если только эти ораторы говорят то, что хотят услышать «массы». Маккей признается, что не стремился потрафить своим слушателям и нередко вызывал у них разочарование и протест, поскольку положил себе за правило бескомпромиссно бороться с ложной иллюзией о близящейся социальной революции в Америке. Маккея поразило, что убеждение, будто революция в Штатах случится не сегодня-завтра, было практически невозможно поколебать – люди либо пропускали контраргументы мимо ушей, либо реагировали на них яростным афронтом. Этой иллюзией, как отмечает Маккей, были заражены все русские – от простых рабочих и матросов до советских руководителей. Описывая общение Бухарина с американской делегацией, Маккей замечает: «Пока Кэннон информировал Бухарина о реальном положении дел в Америке, тот воображал себе Америку, описанную Джеком Лондоном в “Железной пяте”» (LWH:140). Примечательно, что, по словам Маккея, в отличие от Кэннона – сторонника легализации компартии в США, убежденные подпольщики, составлявшие бóльшую часть американской делегации, поддерживали вредную иллюзию «русских», упорно повторяя тезис о скором начале американской революции (LHW: 137–138).

Маккей общался с рядом крупных советских партийных и государственных деятелей – Зиновьевым, Бухариным, Троцким, Каменевым, Радеком, Крупской. Бухарина он охарактеризовал, как самого демократичного и «доступного» из «большевистских больших шишек» (LWH: 160). Радек

Г. Зиновьев, Н. Бухарин и К. Маккей. 1923. Public Domain.

пригласил Маккея на обед, познакомил со своим семейством – но весьма разочаровал негритянского гостя, попытавшись «с кавалерийского наскока» разрешить расовый вопрос в США через слишком простое объяснение причин расовых предрассудков (LWN: 142–143).

Маккею вручили членский билет ВКП(б), обоих негритянских делегатов сделали почетными членами Московского Совета¹, и их принимал лично Л.Б. Каменев, председатель Моссовета (1918–1926).

Каменев имел в высшей степени благородный вид в безупречном черном костюме с белым воротничком и при галстукe – он был одет по высшему европейскому стандарту, лучше всех большевистских руководителей, которых мне довелось видеть. Он приветствовал меня вежливой улыбкой, дал мне автограф, пожал мне руку и сказал, что гордится тем, что имеет честь принять меня от имени Моссовета. <...> Простота и вместе с тем достоинство в обращении Каменева очень меня тронули, поскольку в таком идеаль-

¹ См.: *Turner J.M. Caribbean Crusaders and the Harlem Renaissance. Champlain, IL: University of Illinois Press, 2005. P. 107, 109.*

Членский билет ВКП(б) К. Маккея.

Источник: Yale Slavic Collection. <https://rees.macmillan.yale.edu/news/relics-empire-new-exhibit-shares-story-behind-yales-slavic-collections>

но пригнанном, традиционном одеянии его можно было принять за важного банкира, протестантского пастора или высокопоставленного европейского дипломата (LWH: 150).

Прямо противоположное впечатление произвела на Маккея Н.К. Крупская, с которой он познакомился на одном из заседаний Конгресса: «Крупская была очень некрасивая женщина, просто безобразная. Макс Истмен, увидев ее, пришел в такой ужас, что заявил: “Ленин, пожалуй, выздоровел бы, если бы с ним была хорошенькая девушка!”» (LWH: 159). Маккей пытался добиться встречи с Лениным через Крупскую и М.И. Ульянову, но ему было отказано из-за состояния здоровья вождя (LWH: 159). Он также пытался получить аудиенцию у Сталина – поскольку тот занимал тогда пост наркома по делам национальностей, и обратился за помощью к члену Оргбюро ЦК А.А. Андрееву и заместителю Наркома иностранных дел Л.М. Карахану, но встречу организовать не удалось. Впрочем, неудача Маккея не расстроила: «...эта просьба начисто выветрилась из моей памяти, когда состоялось мое знакомство с магнетической личностью – Троцким». (LWH: 159–160).

Пальму первенства среди всех советских лидеров Маккей безоговорочно отдает Троцкому. Ему посвящено немало страниц в мемуарах «Далеко от дома». Там подробно описана первая встреча и беседа Троцким (19 глава). Маккей не скупится на панегирики, подчеркивая блестящие качества «военного наркома», его глубокий и острый ум, волю, широту кругозора. Можно предположить, что это особое отношение отчасти объясняется влиянием Макса Истмена – поклонника Троцкого и адепта его идей. Главный знак признания со стороны Маккея – констатация компетентности Троцкого в негритянском вопросе.

Троцкий сидел за своим столом в военном мундире, он был красив, отличался естественностью и изяществом манер. Он сказал, что учит английский и постарается поговорить со мной на этом языке.

Троцкий задал мне несколько прямых и острых вопросов об американских неграх, их организации, политических взглядах, образовании, религии, об их горестях и социальных устремлениях и, наконец, о том, как относятся друг у другу американские и африканские негры. Я отвечал, используя все мои знания, всю информацию, которой я владел на тот момент. Затем Троцкий сформулировал свое собственное мнение о неграх. Это было самое умное из всего, что я слышал по этому поводу от других русских руководителей – не то, что редактор «Известий» Стеклов, представлявший себе негров как огромную армию, пригодную для пушечного мяса, не то, что Радек с его скороспелыми объяснениями источников расовых предрассудков у белых. Он вообще не делал никаких выводов, и, к моему облегчению, не молот сентиментальной чуши о братстве белых и черных. Он рассуждал практически и говорил вещи, которые радикально настроенные американские негры могли бы счесть реформизмом. Троцкий сказал, что в условиях современной цивилизации негры являются отсталой группой в социальном, политическом и экономическом плане. Я точно помню, что он использовал именно это слово – «отсталый». Он подчеркнул, что негры нуждаются в образовании – не только университетском, но в широком образовании, охватывающем все сферы жизни современного индустриального общества, что позволит им как общности добиться подъема и встать наравне с белыми. И опять я точно помню, что он использовал это слово – «подъем»¹. И он настаивал на необ-

¹ В оригинале – “lift or uplift”. Словосочетание «подъем черной расы» (racial uplift) – расхожий термин в афроамериканском научном, общественном, политическом, публицистическом дискурсе рубежа XIX-XX вв. Им пользовались Букер Т. Вашингтон, У. Дюбуа и мн. др. афроамериканские лидеры и мыслители, провозглашая это главной задачей черной расы в США после отмены рабства.

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

ходимости повышения грамотности негров в области профсоюзного движения. В заключение он сказал, что хотел бы дать практический образец этого по линии своего ведомства и предложил прислать в Россию группу негров, которые смогут пройти такое же обучение, как у офицеров Красной Армии (LWH: 160–161).

Обсуждение негритянской проблемы с Троцким оказалось для Маккея очень плодотворным, а само это обсуждение попало в советскую печать, правда, с нарушением хронологии событий. Маккей написал письмо военному наркому, в котором рассказал о своем опыте общения с черными и цветными солдатами в лондонском клубе Друри-лейн, о своей полемике с Э. Морелом и изложил свою оценку расового аспекта оккупации Рейнланда. Это письмо было опубликовано в «Правде» только 1 апреля 1923 г.¹ Тема, поднятая Маккеем, была весьма востребована в советской прессе: во время пребывания Маккея в СССР в «Правде» и «Известиях» постоянно освещался Рурский конфликт, это был одна из центральных тем международной повестки. Ответ же Троцкого Маккею был напечатан на полтора месяца раньше – 15 февраля 1923 г. одновременно в «Правде» и в «Известиях»², так что читатель не знал, что именно спрашивал Маккей и мог только догадываться об этом, опираясь на текст Троцкого. Ответ Троцкого был напечатан на английском в «Инпрекоре»³, а также вошел в публицистическую книгу Маккея «Негры в Америке», написанную и изданную в СССР в 1923 г.⁴. Написание этой книги Маккея вдохновил Троцкий.

В своем ответе Троцкий начинает с вопроса об использовании французских колониальных войск входе оккупации Рейнской области и говорить о необходимости просвещения и самоорганизации негров, чтобы они смогли перейти к организованному протесту против использования их в конфликтах империалистических колониальных держав. В письме Маккею Троцкий особо отмечал роль передового отряда чернокожих интеллектуалов, главной задачей которых является ведение пропаганды среди трудящихся негритянских масс:

¹ Письмо Мак-Кея т. Троцкому // Правда. 1923. 1 апреля.

² Л. Троцкий. Ответы товарищу Клод Маккей // Правда. 1923. 15 февраля. Известия. 1923. 15 февраля.

³ Trotsky on the Negro Question. A letter from comrade Trotsky to comrade McKay // International Press Correspondence. Vol. III. No 10. March 1923, pp. 158–159.

⁴ Мак-Кэй К. Негры в Америке. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 135 с. Ответ Троцкого Маккею напечатан на сс. 15–20.

...важно иметь уже сейчас, немедленно, хоть небольшое количество передовых негров, молодых, самоотверженных, кровно заинтересованных в поднятии материального и морального уровня негритянской массы и способных в то же время умственно связывать ее судьбу... с судьбой международного рабочего класса. Воспитание черных пропагандистов есть неотложнейшая и крайне важная революционная задача настоящего времени. В Северной Америке дело осложняется отвратительным тупоумием и кастовым высокомерием привилегированных верхов самого рабочего класса, не желающих видеть в негре собрата по труду и борьбе...Одной из важнейших областей этой борьбы против капиталистического рабства сознания пролетарских масс является пробуждение человеческого достоинства и революционного протеста в черных рабах американского капитала. Эту работу могут выполнить лучше всего...только самоотверженные и политически воспитанные негры-революционеры¹.

Маккей увлеченно работал над книгой об американских неграх, пользуясь не только привезенными с собой справочниками и изданиями НАСЦПН, но и библиотекой Коминтерна. В книге девять глав, посвященных истории негров в США, их социальной, экономической, политической ситуации, их фольклору и культуре; разумеется, есть там и очерк негритянской литературы с выразительными портретами писателей-современников Маккея (У. Дюбуа, Дж. Фосет, У. Уайта и др.), с характеристикой их взглядов и творчества, которую Маккей старается давать в соответствии с духом марксизма. Как отмечает М. Маклеод, «несмотря на ряд недостатков, порой весьма существенных, эта книга дает нам редкую возможность наблюдать известного черного писателя в роли социального аналитика и критика»².

Вторым советским книжным изданием Маккея стал сборник «Судом Линча. Рассказы о жизни негров в Северной Америке» (пер. с англ. А.М., П. Охрименко; М.: Огонек, 1925. 45 с.), включивший три небольших рассказа – «Судом Линча», «Мулатка», «Возвращение солдата». Темой, как явствует из заглавия, стала практика линчеваний, бывшая в ходу на Юге США со времен окончания Реконструкции. Обе эти книги, выпущенные в период увлечения К. Маккея коммунизмом и советским социальным экспериментом, были изданы на русском языке, а их английские оригиналы

¹ *Мак-Кэй К.* Негры в Америке. С. 17.

² *McLeod M.B.* Claude McKay's Russian Interpretation: *The Negroes in America* // CLA Journal. 1980. March. Vol. 23. No 3, p. 350.

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

оказались утрачены. Обратные переводы на родной язык автора были сделаны только в 1970-х гг.¹ Постоянное сотрудничество сложилось у Маккея с П.Ф. Охрименко, который переводил его тексты – обе книги, стихотворения и прозу для журнальных подборок. Сохранились два дружеских прощальных письма Маккея П. Охрименко – из Петербурга накануне отъезда (от 18 мая) и из Берлина (от 30 июня) по пришествии примерно трех недель после отъезда из СССР².

Поскольку Маккей решил задержаться в Советской России и в итоге провел там семь месяцев, ему делались обычные в таких случаях предложения – заниматься «работой по специальности» (т.е. литературным и журналистским трудом), получая за это гонорар. Далеко не все, написанное им, шло в печать, однако гонорары, по заверению Маккея, платили исправно, и он мог позволить себе жить на широкую ногу, ни в чем не нуждаясь. Маккей описывает свою встречу с главредом «Известий» Ю.М. Стекловым (наст. имя О.М. Нахамкис, 1873–1941) – «крупным мужчиной с лвиной головой, который впечатлял своей внешностью, но не умом». Такое нелестное суждение Маккея обусловлено уровнем представлений руководителя главной правительственной газеты о негритянском вопросе: «Он сказал мне, что очень заинтересован в том, чтобы увлечь негром коммунизмом, поскольку это молодой, свежий народ, из которого получатся отличные солдаты» (LWH: 142). Тем не менее, сотрудничество с «пресс-холдингом» «Известий» состоялось; в частности, Маккея печатали в «Красной ниве» – новом тонком литературном журнале (осн. 1923) при газете «Известия»³.

¹ *McKay C.* The Negroes in America/ ed. A.L. McLeod, transl. R.J. Winter, ed. M.B. McLeod. New York: Kennikat Press, 1979; *McKay C.* Trial by Lynching: Stories about Negro Life in North America, transl. R.J. Winter. Mysore, India: Centre for Commonwealth Literature and Research, 1977. Перевод последней книги был выполнен с русской рукописи, хранившейся в Нью-Йоркской публичной библиотеке. См. *Baldwin K.A.* Beyond the Color Line and the Iron Curtain, pp. 28, 59, 67, 72; *Cooper W.F.* Claude McKay, pp. 185–191; *Maxwell W.J.* New Negro, Old Left: African-American Writing and Communism between the Wars. New York: Columbia University Press, 1999, pp. 68, 72, 75–88; *Zumoff J.A.* Mulattoes, Reds, and the Fight for Black Liberation in Claude McKay's "Trial by Lynching" and "Negroes in America" // *Journal of West Indian Literature*. 2010. Nov. Vol. XIX, No1, pp. 22–53.

² Опул.: *Панова О.Ю.* Экзотический гость: Клод Маккей в Советском Союзе // Литература двух Америк. 2019. № 6. С. 261–265.

³ *Маккей К.* Америка. В плену. Суд Линча. Усталый рабочий / пер. В. Василенко, П. Охрименко // Красная нива. 1923. № 2. С. 22.

К. Маккей на аэроплане. Поездка в Кронштадт. Март 1923.
Источник: ЦГАКФФД СПб.

Еще одним важным для Маккея результатом общения с Троцким стало близкое знакомство с военной инфраструктурой новой России. Нарком по военным делам дал поручение организовать для гостя целый ряд встреч, экскурсий и поездок, так что Маккей побывал в расположении разных частей и родов войск армии и флота, а также в военно-учебных заведениях, в частности, у кремлевских курсантов (LWH: 162–162).

В Петрограде у Маккея также состоялся целый ряд встреч с преподавателями и курсантами военных училищ, с представителями Балтийского военного флота. Маккей побывал на военно-морской базе в Кронштадте – полет туда на аэроплане сквозь снежную бурю красочно описан в мемуарах (LWH: 164–167). Кронштадтская эпопея пришлось на третью, предпоследнюю поездку Маккея в Петроград: в начале второй декады марта 1923-го. Официальная часть поездки включала участие в праздновании 25-летней годовщины РКП, которое состоялось 13 марта в Мариинском театре под председательством главы Петросовета Г. Зиновьева. Маккей также выступил на литературном вечере с чтением стихов, о чем в «Известиях» была помещена краткая заметка петроградского корреспондента:

К. Маккей и О. Хьюисвуд с сопровождающим у памятника Петру Великому. Петроград, 1923. Источник: ЦГАКФФД СПб.

Прибывший в Петроград американский поэт Клод Маккей выступил на литературном вечере в театре «Юный зритель». Поэт прочел свои стихи на английском языке. Стихотворения Мак-Кея, переведенные на русский язык, об угнетаемой и эксплуатируемой черной расе произвели большое впечатление на слушателей, тепло приветствовавших поэта-негра¹.

Была и обязательная для пребывания в Петрограде культурная программа: Маккей посетил целый ряд музеев, архитектурных памятников и других достопримечательностей столицы бывшей Российской империи. В Мариинском театре он слушал оперу «Князь Игорь», которая ему понравилась больше, чем «Евгений Онегин» в Большом; но особенно сильное впечатление на него произвел балет. В своих мемуарах Маккей сравнивает гастрольи Анны Павловой в Нью-Йорке со спектаклями, увиденными в России, вспоминает свои споры с Айседорой Дункан о современном танце и приходит к выводу, что «экстравагантный модернизм» нынешнего русского балета гораздо интересней классического танца Павловой (LWH: 163).

¹ Клод Мак-Кей в Петрограде // Известия. 1923. 23 марта.

К началу апреля Маккей вернулся в Москву, откуда планировал выехать поездом в Европу – через Польшу в Германию. Однако в Коминтерне приняли решение отправить гостя тем же путем, каким он прибыл в Россию, так что в середине апреля Маккей снова оказался в Петрограде, где ему пришлось ждать отплытия целых полтора месяца. В этот приезд он побывал на Путиловском заводе, резиновом заводе «Красный треугольник». Также Маккей упоминает свой визит в Женотдел Петроградского губернского комитета РКП(б) в Смольном: там его засыпали вопросами о положении афроамериканских женщин, условиях их труда, должностях, которые они имеет право занимать, уровне зарплат, социальных льготах. Присутствующие также интересовались женскими организациями в США и в конце встречи с энтузиазмом взялись за составление приветственного письма трудящимся афроамериканкам с приглашением отрядить делегацию в Советский Союз для налаживания контактов, обучения и повышения революционной сознательности черных работниц и крестьянок. Маккей хорошо запомнил незаурядную женщину – Клавдию Ивановну Николаеву, революционерку, члена партии с 1909 года, с 1918 до 1924 гг. заведовавшую Женским и Агитационно-пропагандистским отделами Петроградского губернского комитета РКП (б).

Примерно за две недели до отъезда из России Маккей написал прощальное благодарственное письмо переводчику П.Ф. Охрименко, у которого он несколько раз был в гостях и с которым близко подружился. Из этого письма ясно, насколько серьезно Маккей воспринял обращенные к нему слова Троцкого о пропаганде как первоочередной задаче афроамериканских левых интеллектуалов:

С тех пор, как я покинул Москву, у меня почти нет известий из внешнего мира – пока не удалось достать ни английских, ни американских газет. Но я все время занят: пишу, бываю на митингах и коплю последние наблюдения и впечатления, которые можно использовать для пропаганды – Петрограду есть, что предложить в этом смысле¹.

Одной из последних акций афроамериканского гостя по части пропаганды стало обращение к председателю Петросовета Г. Зиновьеву: Маккей задал ему несколько вопросов (как ранее Троцкому), ответы на которые он обещал передать американским неграм. Вопросы касались решения расо-

¹ К. Маккей – П.Ф. Охрименко. 18.05.1923. Петроград // Литература двух Америк. 2019. № 6. С. 263.

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

вой и национальной проблемы в новой России, политики Коминтерна по искоренению расизма в среде рабочих и самоорганизации черных и цветных трудящихся и их солидарности с белыми собратьями по классу в соответствии с марксистским подходом¹.

Маккей серьезно относился к своей социально-политической миссии в России, но ни на минуту не забывал, что он в первую очередь поэт и писатель. В этом качестве он был представлен в публикации «Правды», появившейся в самом начале 1923 года. В статье приводилась его биография, давалась краткая характеристика его творчества. В статье также утверждалось, что он коммунист («состоит членом Американской рабочей партии, примыкающей к Коминтерну, и развивает коммунистическую пропаганду среди негров»)². Материал включал три стихотворения Маккея в переводе П. Охрименко – «Если нам суждено умереть» (“If We Must Die”), «Призыв» (“Exhortation – Summer 1919”), «На Бродвее» (“On Broadway”).

* * *

В своих воспоминаниях о поездке в СССР Маккей постоянно подчеркивает, что для него самым важным было общение с русской интеллигенцией, литературными и артистическими кругами. Это справедливо не только для его мемуаров «Далеко от дома», но и для написанной «по горячим следам» большой статьи «Советская Россия и негр». Маккей оставил зарисовки «кафе поэтов на Тверской» (кафе «Домино»)³, заседаний Пролеткульта на Арбате, а также петроградского Дома Ученых, где он жил в свой последний приезд в Петроград, в апреле-мае 1923 года. В этом здании, бывшем дворце великого князя Владимира Александровича Романова, Маккею выделили комнату для проживания, и он мог участвовать в проходивших там встречах творческой и научной интеллигенции⁴. Среди тех, с кем познакомился Маккей, были Борис Пильняк, поэт и критик из круга Ахматовой и Гумлева И.А. Аксенов, поэт и переводчик, создатель Ордена дерзо-поэтов Василий Федоров, Евгений Замятин, Сергей Маршак, Корней Чуковский (в Петрограде). Описывая атмосферу в Доме Ученых и общее настроение в кругах петроградской интеллигенции, Маккей отмечает, что здесь доминирует неприятие большевизма:

¹ См. Приложение 2 к статье.

² Клод Мак-Кэй – негр-поэт // Правда. 1923. 6 января.

³ Самый популярный в Москве литературный клуб по адресу Тверская ул. д.18, где проходили собрания московского отделения Всероссийского союза поэтов.

⁴ Дворцовая наб., 26 или ул. Миллионная, 27. Сейчас в этом здании находится гостиница Академии наук РАН.

В Петрограде встречи интеллигенции показались мне более формальными, круг более широким. Там были такие выдающиеся люди, как критик Чуковский, знаменитый романист Евгений Замятин и Майшак [Маршак. – *О.П.*] – поэт и переводчик Киплинга. Были и представители артистического и театрального мира. На этих собраниях интеллигенции отсутствовал коммунистический дух. Если быть совсем честным, надо признать, что чувствовалась какая-то враждебность к большевикам. <...> ...здесь у меня были только приятные встречи, просвещающие беседы с обитателями Дома Ученых и его гостями, которые открыто выражали свое неприятие советской власти, хотя им было известно, что я сочувствую новому режиму (SR&N: 115–116).

Маккей подчеркивает полное отсутствие расовых предрассудков у русской интеллигенции – и это для него, конечно, было особенно важно и ценно:

Меня приглашали выступить, прочесть стихи, и все относились ко мне вежливо и внимательно. В кругу этих утонченных, культурных русских, многие из которых говорили на двух или даже четырех языках, нельзя было столкнуться ни с чрезмерной корректностью, ни, напротив, с вульгарным высокомерным удивлением при виде негра-поэта. Я был для них просто поэтом, и их острые вопросы демонстрировали, что их интересует моя поэтическая техника и мое мнение о современных литературных течениях, а не цвет моей кожи (SR&N: 116).

Маккей с гордостью пишет о том, что в России он заслужил признание как поэт; символом этого признания он счел подаренный ему неким петербургским профессором портрет молодого Пушкина «из старинной книги», в котором были «явственно были различимы негритянские черты» (LHW: 133). Этот портрет представлял для Маккея особую ценность. Т. Тагирова сообщает, что обнаружила этот портрет в коллекции негритянской литературы и искусства Дж Уэлдона Джонсона в отделе рукописей библиотеке редких книг и рукописей Бейнеке Йельского университета¹. Об особой любви Маккея к Пушкину – собрату по расе и по поэтическому цеху – упоминает и Николай Чуковский в своем очерке о Клоде Маккее².

¹ *Tagirova-Daley T.A.* Claude McKay's Liberating Narrative. Russian and Anglophone Caribbean Literary Connections. New York: Peter Lang, 2012, p. 70.

² *Чуковский Н.* Поэт с острова Ямайка // Чуковский Н. Литературные воспоминания. М.: Советский писатель, 1989. С. 206.

У Маккея сложились близкие дружеские отношения с семейством Корнея Ивановича Чуковского. Сын Корнея Чуковского Николай в качестве гида-переводчика сопровождал Маккея в Петрограде и оставил яркие воспоминания о «поэте с острова Ямайка»¹. Маккей неоднократно бывал у Чуковских дома. Корней Иванович оставил несколько записей о Маккее в своем дневнике, например:

24 апреля [1923]. Опять негр Мак Кэй. Потолстел, но говорит, что это от морозу: отмороженные щеки. Очень много смеется, но внутренне серьезен и когда говорит о положении негров в Америке – всегда волнуется. Я сдуру повел его к Клячко; с изумлением увидел, что Клячко не знает, что негры в Америке притесняемы белыми. «Как же так? – спрашивал он . – Ведь там свобода! Ай да американцы!» и т. д. Мак Кэй ждет к себе в гостиницу Wine-merchant'a (виноторговца. – *О.П.*), про которого он говорит, что д[окто]р двоюродный брат Александра Блока. Wine-merchant снабжает его бесплатно вином².

Маккей высоко ценил Чуковского как поэта и переводчика, как человека талантливого, образованного, глубоко порядочного и честного. Но в их отношениях не все было гладко. Одним из пунктов разногласий была оценка деятельности в Советской России Американской Администрации помощи (АРА), боровшейся с голодом в разоренной социальными потрясениями и войнами стране. Чуковский, как явствует из его дневника, высоко ценил усилия АРА по поддержке русской интеллигенции, был знаком с несколькими американцами-сотрудниками АРА. Особенно тесная дружба сложилась у Корнея Чуковского со Спердженом Мильтоном Кини-старший (Spurgeon M. Keeny Sr., 1893–1988). Уроженец Шрусбери, шт. Пенсильвания, С. Кини окончил Геттисбери-колледж, затем учился в Оксфорде, где получил степень магистра литературы. В конце Первой мировой войны участвовал в гуманитарной миссии YMCA при британской армии, затем – в лагерях для военнопленных на советско-польской границе и при Чехословацком корпусе в Сибири. В 1922–1924 гг. работал в АРА в СССР: в его обязанности входило обеспечение интеллигенции гуманитарной помощью (продукты, денежные пособия). Корней Чуковский часто бывал в гостях у С. Кини и его жены, приглашал их на разные

¹ См. об этом: *Панова О.* Экзотический гость. С. 258–260.

² *Чуковский К.* Дневник. Т. 1: 1901–1929. М.: Сов. писатель, 1991. С. 241–242. Далее все цит. из дневника К. Чуковского даны по этому изд.

культурные и научные акции, ходатайствовал о выделении помощи особо нуждающимся коллегам по цеху – все это отражено в дневниковых записях Чуковского от 1923 года.

Февраль 13 вторник [1923]. <...> Очень милые многие люди в Ара, лучше всех Кини (Keeny). Я такого человека еще не видал. Он так легко и весело хватает жизнь, схватывает все знания, что кажется иногда гениальным; а между тем он обыкновенный янки. Он окончил Оксфордский Университет, пишет диссертацию о группе писателей Retrospective Review¹ (начало XIX в.). Узнав о голоде рус. студентов, он собрал в Америке среди Young Men Christian Association² изрядное количество долларов, потом достал у евреев (Hebrew Students³) небольшой капитал и двинулся в Россию, где сам, не торопясь, великолепно организовал помощь русским профессорам, студентам и т. д. Здесь он всего восемь месяцев, но русскую жизнь знает отлично – живопись, историю, литературу. Маленький человечек, лет 28, со спокойными веселыми глазами, сам похож на студента, подобрал себе отличных сотрудников, держит их [в] дисциплинированном виде, они его любят, слушаются, но не боятся его. Предложил мне посдействовать ему а раздаче пайков. Я наметил: Гарину-Михайловскую, Замирайло, жену Ходасевича, Брусянину, Милашевского и др. (с. 235–236).

Маккей в статье «Советская Россия и негр» с неодобрением упоминает дружбу Чуковского с буржуазным филантропом («одним высокопоставленным работником АРА») и его «женой-южанкой» (для Маккея это значит «расисткой»). Маккей описывает Чуковского как «фанатичного поклонника англо-американской культуры» – и эта черта явно неприятна Маккею (учитывая его собственное негативное отношение к Британии и США как к цитадели расизма). Как естественное следствие англomanии расценивается Маккеем скепсис, с которым Чуковский воспринимает рассказы о бедственном положении негров в Америке. Чуковский же усматривает в цикленности Маккея на расовом вопросе как минимум пристрастность, если не слепой фанатизм, а также считает, что Маккей настроен слишком пробольшевистски, что его распропагандировали, и потому от него не стоит ждать правдивых публикаций о Советской России:

¹ Ретроспективный обзор (англ.).

² Молодежная христианская ассоциация (англ.).

³ Еврейские студенты (англ.).

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

7 мая [1923]. <...> Был у меня ночью Мак Кэй. Он написал стихи о первом Мае и хочет, чтобы я переводил. Очень ругательно отзывался об Аре, я защищал, мы поругались. Я уже чувствую, что он в свои будущие очерки о России внесет много клевет, сообщенных ему всякой сволочью (с. 244–255).

Пессимистические ожидания Чуковского подтверждали стихи Маккея, написанные под впечатлением от пребывания в России. В стихотворении «Москва» (“Moscow”, 1922) русская столица предстает в облике Византии. В «Русском Соборе» (“Russian Cathedral”, 1925)¹, навеянном посещением Исаакиевского собора, поэт, восхищенный величием храма, восторженно описывает грандиозное сооружение, но, несмотря на религиозную лексику и торжественность интонаций, все же призывает склониться не перед Богом, а перед красотой и перед человеческим гением – «божественной сущностью человека, живо воплощенной в камне» (man’s divinity alive in stone). Чуковский в дневниковой записи упоминает последнее стихотворение, написанное Маккеем в России, – «Петроград: Первомай»² в котором выразился энтузиазм поэта, приобщившегося к яркому празднованию дня трудящихся. В своих мемуарах Маккей утверждает, что стихотворение произвело фурор: «Меня засыпали похвалами. Что стихотворение будут хвалить коммунисты, было ясно заранее. Но я был особенно рад тому, что меня хвалила петроградская интеллигенция... переводчик Уолта Уитмена (К. Чуковский. – О.П.) сказал, что это классика» (LWH: 172).

Маккей остался в неведении относительно истинного мнения Чуковского об его прощальном русском стихотворении. Однако и Чуковский не был точен в своих прогнозах. Несмотря на декларации Маккея о пропаганде как первейшей задаче афроамериканского интеллектуала, в обоих его текстах, посвященных русскому путешествию, – и в написанном «по горячим следам» очерке для *The Crisis*, и в мемуарах 1937 года – образ Советской России предстает вовсе не одномерным, не пропагандистским, но сложным и многогранным. Прямо заявляя о своей поддержке большевизма, о симпатиях к коммунизму, Маккей выказывает себя чутким и внимательным наблюдателем, готовым выслушать и понять резоны противников новой власти, способным оценить по достоинству русскую «старорежимную» интеллигенцию. Он весьма критически и без всякого пиетета оценивает советских партийных и государственных руководителей, и при этом

¹ Опул. в *Survey Graphic* 1.03.1925; вошло под названием “St. Isaac’s Church, Petrograd” в собрание избранных стихотворений – *Selected Poems of Claude McKay* (1953).

² “Petrograd: May Day”, опул. в *The Liberator*, vol. 8, no 64, 1923, August.

романтически верит в революционный энтузиазм и созидательную энергию масс. Однако самым главным аргументом в пользу русского эксперимента была его убежденность в том, что в большевистской России нет расизма, что здесь удалось разрешить расовый вопрос.

С таким убеждением Маккей покидал страну Советов. Это ясно видно из его письма к переводчику П.Ф. Охрименко¹, написанному из Берлина, сразу после отъезда из России:

Кажется, я незаметно для себя очень полюбил Россию и все-таки, мой любимый город – Петроград, а не Москва. <...> Берлин действует на меня угнетающе. Это центр цивилизации, здесь царят веселье и роскошь. И все же я ни разу не встречал столько примет отчаяния и явного упадка ни в одном из больших городов. В Москве и Петрограде гораздо лучше. Берлин для меня символизирует полное падение нашей фальшивой западной цивилизации, всех ее фальшивых идеалов².

* * *

В 1923 году, покидая Россию, Маккей был все еще настроен прокоммунистически, пробольшевистски. Однако из «попутчика» Маккей так и не стал партийцем-сталинистом, а напротив, к началу Второй мировой войны превратился в убежденного антикоммуниста, о чем свидетельствует, в частности, недавно обнаруженный в архивах сатирический роман Маккея «Зубастая любезность: роман о любви коммунистов и бедной черной овечки из Гарлема»³, посвященный Гарлему периода

¹ Петр Федорович Охрименко (1888–1975) родился в Черниговской губернии в крестьянской семье, начал работать с 12 лет – слесарем, кузнецом. Во время революции 1905 года был сослан в Сибирь на каторгу за раздачу революционных листовок. В 1908–1911 гг. жил в США, работал на заводе Томаса Эдисона. Вернувшись в Россию, жил на Донбассе, участвовал в революционном движении, был членом партии меньшевиков. После гражданской войны в 1919 г. переехал с Донбасса в Москву, стал переводчиком в Отделе печати ИККИ. С этого времени начал заниматься художественным переводом с англ. и украинского языков.

² К. Маккей – П.Ф. Охрименко. 30.06.1923. Берлин // Литература двух Америк. 2019. № 6. С. 264–265.

³ Первое издание романа: *McKay C. Amiable with Big Teeth: A novel of the love affair between the communists and the poor black sheep of Harlem* / eds Jean-Christophe Cloutier, Brent Hayes Edwards. New York: Penguin Books, 2017. Рукопись этого романа в 2009 г. была обнаружена аспирантом Колумбийского университета Ж.-К. Клаутье: эта находка произвела сенсацию в афроамериканистике. См. об этом, напр.: *Lee F.R. New Novel of Harlem Renaissance is Found* // *The New York Times*. 2012. Sept. 14.

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

Великой депрессии и «красных тридцатых», борьбе с фашизмом, реакции черной интеллигенции и левых кругов на аннексию Эфиопии в 1935 г. Он содержит не только характерные для Маккея сцены «веселой» гарлемской жизни (знакомые по его знаменитому роману «Домой, в Гарлем», 1928), но и сатирические зарисовки, в том числе карикатуры на коммунистов.

В середине 1940-х Маккей обратился в католицизм, объяснив свой выбор в небольшой публикации 1946 года в журнале *Ebony*¹. Став противником коммунизма и атеизма, Маккей при этом по ряду позиций сохранял левые взгляды: он сотрудничал в качестве советника по вопросам афроамериканцев при «прогрессивном» епископе Бернардe Шейле, который был известен своими выступлениями против джимкроуизма, а в 1950-е – против маккартизма². Дополнительный свет на причины такой эволюции Маккея проливают воспоминания о нем Н. Чуковского. По его мнению, коммунизм, Коминтерн и СССР интересовали Маккея исключительно как силы, борющиеся за равновесие негров.

Он не имел ни малейшего представления о марксизме. Пораженный, я стал толковать ему о классовом устройстве общества, о международной рабочей солидарности, об интернационализме. Но он слушал меня невнимательно и без всякого интереса. Для марксизма он казался совершенно непромокаем. Его симпатии к нашей стране строились на двух обстоятельствах: во-первых, здесь хорошо относились к неграм и, во-вторых, в жилах нашего национального поэта Пушкина текла негритянская кровь³.

Воспоминания Н. Чуковского – еще одно свидетельство того, что не скрывал и сам Маккей, а именно, что расовый вопрос занимал несравненно больше классового, и переживания «представителя угнетенной нации» – гнев, оскорбленная гордость, ненависть к белым угнетателям, сочувствие собратьям по расе – значили для поэта гораздо больше, чем любая социальная теория.

¹ *McKay C.* Why I Became a Catholic // *Ebony*. No I. 1946. March, p. 32.

² *Goldweber D.* Home at Last. The Pilgrimage of Claude McKay // *Commonwealth*. Sept. 1999, pp. 11–13.

³ *Чуковский Н.* Поэт с острова Ямайка. С. 205–206.

Литература

Панова О.Ю. Экзотический гость: Клод Маккей в Советском Союзе // Литература двух Америк. 2019. № 6. С. 237–274.

References

Baldwin K.A. *Beyond the Color Line and the Iron Curtain: Reading Encounters Between Black and Red, 1922-1963*. Durham, NC: Duke University Press, 2002.

Carew J.G. *Blacks, Reds, and Russians: Sojourners in Search of the Soviet Promise*. Trenton: Rutgers University Press, 2009.

Carew J.G. “Translating Whose Vision? Claude McKay, Langston Hughes, Paul Robeson and the Soviet Experiment.” *Intercultural Communication Studies* XXXIII: 2 (2014): 1-16.

Cooper W.F. *Claude McKay: Rebel Sojourner in the Harlem Renaissance: A Biography*. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press, 1987.

Gosciac J. “Claude McKay and the ‘Black Specter’ of African American Poetry in the 1920s.” *Modernism on File: Writers, Artists, and the FBI, 1920-1950*, eds C.A. Culleton, K. Leick. New York: Palgrave Macmillan, 2008: 73-104.

Lee F.R. “New Novel of Harlem Renaissance is Found.” *The New York Times* (14 Sept. 2012).

McLeod M.B. “Claude McKay’s Russian Interpretation: *The Negroes in America*.” *CLA Journal* 23: 3 (March 1980): 336- 351.

Maxwell W.J. *New Negro, Old Left: African-American Writing and Communism between the Wars*. New York: Columbia University Press, 1999.

Panova O. “Exotic Visitor: Claude McKay in the Soviet Union.” *Literature of the Americas* 6 (2019): 237–274. (In Russ.)

Tagirova-Daley, T. A. *Claude McKay’s Liberating Narrative. Russian and Anglophone Caribbean Literary Connections*. New York: Peter Lang, 2012.

Zumoff J. A. “Mulattoes, Reds, and the Fight for Black Liberation in Claude McKay’s ‘Trial by Lynching’ and ‘Negroes in America’.” *Journal of West Indian Literature* XIX: 1 (Nov 2010): 22–53.

Дата поступления в редакцию: 07.06.2023

Received: 07.06.2023

Дата публикации: 30.08.2023

Published: 30.08.2023

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Письмо Г.Е. Зиновьева тов. Маккею, представителю негров-рабочих Америки

14 мая 1923 г.¹

Уважаемый тов. Зиновьев!

Тов. Мак-Кей просил от Вас следующее:

1. Разрешения передать неграм-рабочим Америки привет, в котором указать, что Россия разрешает национальные и расовые проблемы путем пролетарской диктатуры.

2. Что Коминтерн проводит на практике политику равенства и братства всех рабочих, независимо от цвета их кожи.

3. Чтобы Вы призвали негров-рабочих организоваться и присоединиться к классово сознательным белым рабочим для разрешения своих расовых проблем и указать неграм, что они должны помнить эмансипацию от рабства в 1865 г., что они должны помнить, что К. Маркс, первый учитель научного социализма, также обращался к ним, и что теперь они должны пойти вперед и освободиться от нового рабства.

Т. Мак-Кей просит написать ему обо всем этом, пока он находится в Питере (дня 2 или 3)². Он знает, насколько Вы заняты и поэтому не хочет побеспокоить Вас в работе, хоть и хотел бы перед отъездом поговорить с руководителем Коминтерна.

С ком. приветом, П. Охрименко.

P.S. Его адрес Дом Ученых, Миллионная, № 27, ком. 12³.

Тов. Мак-Кею⁴.

Дорогой товарищ, на Ваше письмо отвечаю следующим образом:

По п. 1. Как разрешает национальные и расовые проблемы советская Россия?

Вы знаете, что Россия населена десятком различных национальностей. Господствующие класс великорусской национальности угнетали до революции все не великорусские национальности самым бесстыдным образом. Взяв власть в свои руки, рабочий класс России, осуществляющий диктатуру пролетариата вот уже шестой год, счел одной из своих первых обязанностей внимательнейшее отношение к национальным вопросам. В настоящее время Советская Россия представляет собой Союз Совет-

ских Социалистических Республик. При этом каждой, даже малейшей из входящих в Союз Республик, обеспечено полное и действительное равноправие не на словах, а на деле. Памятуя, что все не великорусские национальности до октября 1917 г. стонали под двойным игом, русский пролетариат стремится теперь поставить все эти национальности в такое положение, при котором они как можно скорее могли бы забыть проклятое прошлое. Разница между Советской Россией и буржуазными государствами Европы и Америки заключается не в том, что у буржуазии есть национальный вопрос, а в советской России его будто бы нет. Разница заключается в том, что буржуазные государства не хотят и не могут справедливо разрешить национальный вопрос, между тем как Советская Россия хочет и может справедливейшим образом разрешить эту важнейшую проблему.

По п. 2. Что Коминтерн на практике проводит политику равенства и братства всех рабочих, независимо от цвета и расы, это само собой разумеется. II Интернационал, даже в годы своего расцвета, был организацией только рабочих белой кожи, между тем как III Интернационал с самого начала своего существования поставил себе задачу объединять не только рабочих белой кожи, но и негров, и японцев, и китайцев, словом, действительно всех тружеников всего мира. Коминтерн ставит себе задачей подготовку не только европейской, но и мировой революции. Мировая же революция может прочно победить лишь в том случае, если под наше знамя станут народы Востока, рабочие негры и т.д.

По п. 3. IV Конгресс Коминтерна братски призвал рабочих негров как можно скорее организовать и присоединиться к классово-сознательным белым рабочим для разрешения между прочим и расовой проблемы. Мы отдаем себе отчет в том, как нелегко рабочим неграм создать свою рабочую организацию. Коминтерн ни на минуту не забывает, каким преследованиям подвергаются рабочие негры даже в самых цивилизованных буржуазных республиках. Еще и еще раз мы через Вас призываем рабочих негров образовывать свои кружки, входить в Профсоюзы, одним словом, всячески стараться как можно скорее создать свою массовую организацию и примкнуть к остальным отрядам борющегося пролетариата.

По п. 4. Рабочие негры должны помнить, что ни кто иной, как основоположник научного социализма и идейный вождь I Интернационала Карл Маркс уже в 60-х годах обращался с пламенным призывом к рабочим неграм встать под красное знамя Интернационала. С тех пор прошло уже пол столетия. Коминтерн твердо надеется на то, что призыв Карла Маркса теперь воплотится в жизнь.

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

Еще раз мы пользуемся случаем, чтобы через Вас послать братский привет и лучшие пожелания рабочим неграм.

Печатается по источнику: ЦГА СПб. Ф. Р-1000. Оп. 186. Ед. хр. 326.

¹ Рус. рук. ориг. на бланке секретаря Секретариата Председателя Петросовета. Письмо Г.Е. Зиновьеву с изложением просьбы и вопросов К. Маккея, написано переводчиком П.Ф. Охрименко, с которым К. Маккей постоянно сотрудничал, находясь в СССР: в переводе П.Ф. Охрименко публиковались стихотворения и другие тексты Маккея в советской печати, а также были изданы книги Маккея «Негры в Америке» (1923), «Суд Линча и другие рассказы» (1925). Г.Е. Зиновьев занимал в 1923 г. посты Председателя Петросовета и председателя ИККИ (Исполкома Коминтерна).

² К. Маккей, приехавший в Петроград из Москвы в середине апреля, ожидал разрешения на выезд и средств на обратный путь, обещанных ему как делегату Конгресса Коминтерна. Он не знал точного времени отъезда, и в итоге пробыл в Петрограде гораздо дольше, чем ожидал – до начала июня 1923 г.

³ К. Маккей в этот приезд в Петроград жил в Доме Ученых (бывшем Владимирском дворце) по адресу Дворцовая наб. 26 или Миллионная ул. 27.

⁴ Рус. маш. коп., без даты и без подписи.

К. Маккей обратился к Г.Е. Зиновьеву, используя уже имевшийся опыт общения с Л. Троцким. Маккей написал письмо военному наркому, в котором рассказал о своем опыте общения с черными и цветными солдатами в лондонском клубе Друрилейн, о своей полемике с Э. Морелом и изложил свою оценку расового аспекта оккупации Рейнской области Германии (опубл.: Правда. 1923. 1 апреля). Троцкий ответил Маккею письменно, сформулировав свои взгляды на проблему присутствия французских колониальных войск в Рейнланде, а также сформулировал задачи черной интеллигенции – посредством просвещения и пропаганды поднимать уровень самосознания и способствовать самоорганизации и революционизированию негритянских трудящихся масс. Ответ Троцкого Маккею был опубл. 15 февраля 1923 г. одновременно в «Правде» и в «Известиях». Схожую «технологию» Маккей применил в случае с Г.Е. Зиновьевым, предложив ему письменно высказаться по расовой проблеме.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Клод Маккей

Советская Россия и негр

На то, что я здесь говорю, будет наклеен ярлык «Пропаганда». Что ж, не стану возражать; пропаганда теперь пользуется уважением, и я горжусь тем, что я – пропагандист. Разница между пропагандой и искусством отпечаталась в моем сознании, еще когда я был мальчишкой, и все благодаря моему учителю литературы, который всегда ставил публицистику Мильтона так же высоко, как и его поэзию. Однако мой прекрасный учитель, че-

ловек широких взглядов, все же подсознательно был настроен против того, что считал пропагандой, и полагал, что искусственная позолота «Портрета Дориана Грея» переживет «Оружие и человека» и «Другой остров Джона Булля»¹. Когда я стал старше, мне пришлось пересмотреть свое мнение о пропаганде. Я наткнулся на один из величайших сонетов Мильтона, который был чистой воды пропагандой; по мере расширения кругозора мне стало ясно, что некоторые лучшие представители литературы Нового времени – Вольтер, Гюго, Гейне, Свифт, Шелли, Байрон, Толстой, Ибсен – были не чужды пропаганде. Более широкий взгляд не просто обогатил мои представления о литературе, включив в нее литературную пропаганду; если раньше я по-детски искал в творчестве чисто эстетического удовольствия и удовлетворения своего любопытства, то теперь меня бросило в другую крайность: за любым по-настоящему интересным литературным произведением я усматривал пропагандистскую подоплеку, которая придавала ему силу и убедительность.

Принадлежность к черной расе, причастность к ее истории обусловила мое уважительное и чуткое отношение к пропаганде, а мировые события, начиная с 1914 года, доказали, что это не просто наука информировать и убеждать.

Американские негры еще недостаточно охвачены массовым движением и поэтому не понимают всей важности организованной пропаганды. Как раз в этом Маркус Гарви² был первопроходцем, в этом состоял его величайший вклад в негритянское движение, его подвиг – и за ним должны двигаться его последователи, люди с более широкими взглядами и здравыми идеями. Только впервые приехав в Европу в 1919 году³, я смог вполне осознать и оценить эффективность злокозненной пропаганды, направленной против негритянской расы. И это знание я получил не от горстки цивилизованных негодяев, которые, будучи за границей, занимались грабежом цветных народов у себя на родине; я приобрел это знание благодаря тем вопросам о неграх, которые задавали мне искренне сочувствующие и культурные люди.

Средние европейцы, которые читают газеты, популярные книги и журналы, ходят на обычные пьесы и фильмы с Мэри Пикфорд⁴, плохо разбираются в негритянской проблеме; они-то и составляют ту часть широкой публики, до которой могут достучаться негритянские пропагандисты. Для этих европейцев трагедия американского негра закончилась «Хижинкой дяди Тома» и Прокламацией об освобождении рабов⁵. Все, что им известно, – это комические минстрел-шоу⁶, водевили, киношные ампула кормилицы-негритянки и черного дядюшки, а еще бокс⁷, убогие романы и суд Линча над дикарем, изнасиловавшим красивую белую девушку.

Еще некоторые спрашивают, как там Букер Т. Вашингтон⁸, работает ли «Блэк Стар Лайн»; порой кто-то, не страдающий излишней скромностью и не блещущий умом, поинтересуется, почему даже угроза линчевания не может обуздать вожделие, которое испытывают цветные мужчины к белым женщинам. Невежество, равнодушие и легкомыслие – этими тремя словами сказано все об отношении Западной Европы к неграм. Есть горстка высоколобых интеллектуалов, которые лучше представляет себе положение дел, но их влияние на общественное мнение ничтожно, так что белым американским пропагандистам, в чьих интересах представлять негров в ложном свете, не так уж трудно обратить всеобщее безразличие во враждебность, если только американские негры, которые должны обеспечивать интеллектуальную защиту расовых интересов, не смогут организоваться для того, чтобы по всему миру вести эффективную борьбу с белыми эксплуататорами и клеветниками.

Мировая война коренным образом изменила положение негров в Европе. Тысячи их были привезены из Америки, из британских и французских колоний для участия в борьбе великих держав. С тех пор в Англии произошли серьезные столкновения между местными жителями и неграми, осевшими в портовых городах. Франция использовала черные войска в качестве полиции в оккупированных районах Германии⁹. Их цвет кожи, их странные обычаи, вкупе с теми функциями, которые они исполняли, – все это сделало их присутствие раздражающим, невыносимым для местных жителей, которые раньше представляли себе негров как отважных дикарей-каннибалов. Кроме того, шовинизм питает сам факт присутствия этих войск на землях некогда гордой и властной расы, ныне униженной и испившей всю горечь поражения под штыками победителей.

Каким бы прекрасным ни был жест республиканской Франции по отношению к цветным, использование черных войск в Германии ради имперских целей должно вызывать безоговорочное осуждение передовой части негров. Пропаганда, которую должны вести негры в Германии, – это не черные войска, не их штыки в этой несчастной стране. Как рабы, мобилизованные имперской Францией, они ничем не могут помочь негритянскому движению, не в состоянии завоевать симпатии тех предусмотрительных международных белых организаций, чьи противники также являются непримиримыми врагами прогресса негритянской расы. Черные войска в Германии для мыслящих негров – это как белые войска в Индии, Сан-Доминго или Гаити. Гаитянские пропагандисты могли бы сделать все, что угодно с морскими пехотинцами, если бы они были черными, а не белыми американцами! Мировые потрясения привели три величайшие европей-

ские нации – Англию, Францию и Германию – к более тесным отношениям с неграми, и цветные американцы должны воспользоваться этой возможностью, чтобы содействовать более глубокому межрасовому взаимопониманию. Поскольку белые американцы в Европе пользуются ситуацией, чтобы усилить свою пропаганду против чернокожих, негры должны ответить на это сильным контрдвижением. Негры должны понять, что господство американского капитала сегодня, соответственно, увеличивает американское влияние в мировой политике и общественной жизни. Каждый американский чиновник за границей, каждый самодовольный турист – поборник долларовой культуры и антинегритянской пропаганды. Америка не только размахивает рузвельтовской дубинкой перед лицом братьев своих меньших в Новом Свете¹⁰, но и занесла экономическую дубинку над головами всех великих европейских наций, за исключением России, и поэтому те смелые люди в Западной Европе, которые раньше насмеялись над долларовой культурой, теперь, вероятно, почтут за благо скромно помалкивать. По мере того как американское влияние в мире, и особенно в Европе, увеличивается благодаря усилению американского капитала, растет необходимость широкой организации всех борющихся меньшинств Соединенных Штатов, чтобы весь мир узнал о наших бедах. Такие пропагандистские усилия не только помогут нашему делу внутри страны, но и, конечно, обеспечат нам сочувствие и помощь тех зарубежных объединений, которые ведут борьбу не на жизнь, а на смерть, чтобы избежать шупалец американских деловых кругов. И негры, как наиболее угнетаемое и преследуемое меньшинство, должны использовать этот период брожения в международных делах, чтобы негритянский вопрос перестал замалчиваться внутри страны и был поставлен как важнейший на международном уровне.

Хотя можно сказать, что Западная Европа совершенно невежественна и апатична в том, что касается положения негров в мире, в Европе есть одна великая нация, которая разумно подходит к негритянскому вопросу – как и ко всем прочим международным проблемам. Когда в 1917 году русские рабочие свергли свое ненавистное правительство, в числе первых актов нового премьера Ленина была декларация, приветствующая все угнетенные народы во всем мире и призывающая их организоваться и объединиться против общего международного угнетателя – частнособственнического капитализма¹¹. Позже в Москве Ленин сам занялся вопросом американских негров и выступил по этому поводу на Втором конгрессе Третьего Интернационала. Он советовался с Джоном Ридом, американским журналистом, и остановился на настоятельной необходимости пропагандистской и организационной работы среди негров Юга¹². И в дальнейшем этот вопрос не

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

замалчивался. Когда в 1921 г. японский ветеран революционного движения Сен Катаяма прибыл в Россию из Соединенных Штатов, в то поставил проблему американских негров на первое место в своей программе. И с тех пор он неустанно и бескорыстно работает в этом направлении, привлекая внимание Советов к негритянской проблеме в США¹³.

Установив контроль над гигантской страной и освободившись от империалистического гнета, передовой отряд русских рабочих и национальных меньшинств, вложивший столько энергии и мысли в дело возрождения производства, тем не менее, серьезно озабочен проблемами угнетенных классов, национальных и расовых меньшинств в остальной Европе, а также в Азии, Африке и Америке. Русские рабочие чувствуют, что это их братья по духу, и хотят помочь им освободиться. И не последнее место среди угнетенных, о которых думает новая Россия, занимают негры Америки и Африки. Если мы оглянемся на два десятилетия назад и вспомним, как преследование евреев в царской России взволновало демократическую Америку, то получим некоторое представление об отношении Свободной России к американским неграм. Русский народ узнаёт историю своего недавнего страшного прошлого в сегодняшней трагической ситуации американских негров. Действительно, южные штаты вполне могут служить иллюстрацией того, что произошло в России. Ведь если бы угнетенные белые бедняки Юга сумели изменить сознание и начали бы сообща с преследуемыми и ограбленными неграми бороться против угнетателей-олигархов – всех этих крэкеров¹⁴, работорговцев-политиков и грабителей-латифундистов – и лишили бы их политических привилегий, то положение дел было бы очень похоже на то, что происходит в Советской России сегодня.

В Москве я встретил старого еврея-революционера, отсидевшего срок в Сибири, а теперь помолодевшего и проникнутого духом победившей Революции. Мы говорили об американских делах и, естественно, затронули тему негров. Я рассказал ему о сложности негритянской проблемы, о том, что лучшие из либеральных белых также работали над улучшением положения негров, и он заметил: «Буржуазно-демократическая Америка проклинала царизм за еврейские погромы, а при этом подвергала ваш народ такому дикому и варварскому обращению, которое несравнимо с тем, что приходилось терпеть евреям в старой России. Америка, – с религиозным пылом заключил он, – должна была чем-то искупить свои грехи. Здесь, в России, нет пресыщенной буржуазии, которая делает своим коньком отвратительные социальные проблемы, но русские рабочие, вынесшие все тяготы гонений и революции, протягивают руку интернационального братства миллионам угнетенных американских негров».

Этот дух симпатии и понимания я ощущал повсюду в Москве и Петрограде. Я не имел ни малейшего представления о том, что меня ждет в России. Я уехал из Америки в сентябре 1922 года с намерением добратся туда, чтобы увидеть новую революционную жизнь народа и рассказать о ней. Едва я ступил на русскую землю, со мной стали обращаться как со знаменитостью – что повергло меня в немалое смущение, потому что я органически не переношу всякие почести. Но как ни странно, не было ничего неприятного в том, что меня захлестнули волны революционной России. Не знаю, к лучшему это, или к худшему, но факт тот, что каждого человека в России живо и глубоко затронула революция, и разве что мертвец может сейчас, находясь там, оставаться совершенно бесстрастным.

Я прибыл в Россию в ноябре¹⁵: в этом месяце там проходил Четвертый конгресс Коммунистического Интернационала¹⁶ и праздновалась пятая годовщина русской революции. Вся революционная нация была мобилизована, чтобы отметить это событие. Петроград был великолепен – всюду красные флаги и знамена. На всех гранитных зданиях развевались красные флаги – на фоне снега. Были украшены поезда, трамваи, фабрики, магазины, гостиницы. Это был месяц торжеств, в которых я как представитель негритянской расы принимал самое активное участие. Меня принимали так, будто все были заранее предупреждены о моем приезде и подготовились к нему. Когда мы с Максом Истменом¹⁷ 7 ноября пытались пробиться сквозь плотную толпу на Тверской, меня обступила дюжина крепких молодых людей: они остановили меня и стали качать, подбрасывая высоко в воздух.

«Надо же, как их взволновала твоя необычная внешность!» – заметил Истмен, но какой-то молодой русский коммунист тут же возразил: «Да что тут особенного? Есть индусы, у которых кожа еще темнее», а еще один добавил: «Черты лица другие. Индусы давно у нас живут, так что разница хорошо заметна». Меня все время обсуждали, так что, наконец, кровь бросилась мне в лицо. Московская пресса печатала большие статьи об американских неграх, какой-то поэт вдохновенно слагал стихи об африканцах, которые стремятся в социалистическую Россию, и вскоре я оказался нужен всем – на лекциях поэтов и журналистов, на солдатских и рабочих митингах и собраниях.

Россия, вообще говоря, это страна, где встречаются и смешиваются все расы Европы и Азии. При репрессивном бюрократическом царском режиме разные расы сохраняли известную доброжелательность и терпимость по отношению друг к другу. Лютой расовой ненависти, которая существовала на Балканах, никогда не было в России. В то время как у нас

на Юге ни один негр не мог рассчитывать на дружеское отношение крещеных, в старой России православный крестьянин был готов предложить еврейскому паломнику пищу и кров. Определить русский тип по внешним признакам весьма проблематично. Индусы, монголы, персы, арабы, европейцы – можно проследить, как все эти типы постепенно вливались в самобытное многоязычное население Москвы. Так что для русских я был просто-напросто еще одним типом – но чужим, пока еще им не знакомым. Я вызывал у них любопытство – у всех и каждого, у старых и молодых, но это было дружеское, приятное любопытство. В нем не было той невыносимой, явной, оскорбительной дерзости, которую любой темнокожий – негр, индус или араб, испытывает в Германии или Англии.

В 1920 году, когда я пытался выпустить сборник своих стихов в Лондоне¹⁸, я нанес визит Бернарду Шоу, который заметил, что для чувствительного, ранимого негра быть художником – это трагедия¹⁹. Шоу был прав. Некоторые английские рецензии на мою книгу черпали грязь с самого дна журналистской клоаки. Английские рецензенты, щедро оснащавшие критику расовыми предрассудками, превзошли даже своих американских собратьев (за исключением, конечно, южан – что несколько не удивило ни белых, ни, тем более, негров). Чинный меднолобый «Spectator» фактически заявил, что ни один «культурный» белый не может читать негритянскую поэзию без предубеждения, что он инстинктивно должен искать в ней «не-что», способное вызывать неприязнь. Но, к счастью, мистер Маккей не оскорбил наши тонкие чувства!²⁰ Для всех англичан, от низшего до высшего слоя, негр – это непременно или эстрадный артист, или боксер, или баптистский проповедник, или лакей. С немцами еще хуже. Любой здоровый на вид и не лишенный авантюрной жилки черномазый енот²¹ отлично может сойти за нового Сики²² или чечеточника²³. Когда один американский писатель представил меня очень культурному немцу, ценителю искусств как поэта, тот никак не мог в это поверить (думаю, до сих пор так и не поверил). Один американский студент сообщил квартирной хозяйке, даме из среднего класса, что пригласил на обед своего чернокожего друга. «А Вы уверены, что он не каннибал?» – спросила она без тени улыбки!

Между тем в Петрограде и Москве я не заметил ни следа этого невежественного снобизма среди интеллигенции, а отношение простых рабочих, солдат или матросов вообще было примечательным: в своей прекрасной наивности они видели во мне чернокожего брата, представителя человечества. Можно было бы предположить, что расположение русских к неграм – следствие большевистской пропаганды. Но дело в том, что большую часть свободного времени я проводил в беспартийных и антибольшевистских

кругах. Отель «Люкс»²⁴ в Москве угнетал меня, тамошний ресторан был сущим проклятием, и мне до смерти надоели пролетарские делегаты из разных стран, которые напускали на себя такой постный вид, словно они были посланцами Царя Небесного, а не представителями рабочего класса. Поэтому я нередко проводил вечера в кафе «Домино»²⁵, славном логове литераторов-любителей. Бывали там анархисты и меньшевики, и разные молодые люди, жаждущие почитать свои сочинения и поспорить о литературе. Однажды я видел там романиста Пильняла [Б. Пильняка. – *О.П.*], критика Оконоффа²⁶, Феодора – переводчика По²⁷, одного редактора, театрального режиссера и их молодых последователей: сидя за кружкой пива, они вели интереснейшую литературную дискуссию. Здесь всегда была музыка, отлично пели народные песни и очень плохо играли на скрипке. Место это больше напоминало второразрядное кабаре, чем поэтический клуб, но несмотря на это, там было хорошо – милая беседа, дружеские шутки – все, что нужно для приятного вечера. В этой непринужденной обстановке я отдыхал после трудового дня за письменным столом.

Вечера пролетарских поэтов на Арбате²⁸ были более серьезными. Там во главе стояли коммунисты, публика была рабочая, слушатели внимали всему, как отличники-первоклашки. На эти встречи приходили люди более острого ума, чем те, что собирались в кафе «Домино». Одна молодая женщина сказала мне, что она не хочет пропустить ничего из того, что появляется в современной культуре. В Петрограде встречи интеллигенции показались мне более формальными, круг более широким. Там были такие выдающиеся люди, как критик Чуковский, знаменитый романист Евгений Замятин и Майшак (Маршак. – *О.П.*) – поэт и переводчик Киплинга. Были и представители артистического и театрального мира. На этих собраниях интеллигенции отсутствовал коммунистический дух. Если быть совсем честным, надо признать, что чувствовалась какая-то враждебность к большевикам. Меня приглашали выступить, прочесть стихи, и все относились ко мне вежливо и внимательно. В кругу этих утонченных, культурных русских, многие из которых говорили на двух или даже четырех языках, нельзя было столкнуться ни с чрезмерной корректностью, ни, напротив, с вульгарным высокомерным удивлением при виде негра-поэта. Я был для них просто поэтом, и их острые вопросы демонстрировали, что их интересует моя поэтическая техника и мое мнение о современных литературных течениях, а не цвет моей кожи. Впрочем, я не поручусь, что это маленькое отличие не представляло для них вовсе никакого интереса!

В последний свой приезд в Петроград я жил во дворце Великого князя Владимира-Александра, брата царя Николая II²⁹. Старенький, добрый дво-

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

рецкий, который заботился обо мне, бродил, словно призрак, по огромным царским покоем. Сейчас это здание стало штабом петроградской интеллигенции. Великолепный портрет Великого князя стоит в столовой за занавесками. Мне говорили, что он был свободомыслящим, покровительствовал искусствам, что его любила русская интеллигенция. Атмосфера в доме была чужда политике только на словах, а на практике я сразу ощутил явственную враждебность к большевистской власти. Но и здесь у меня были только приятные встречи, просвещающие беседы с обитателями дома и его гостями, которые открыто выражали свое неприятие советской власти, хотя им было известно, что я сочувствую новому режиму.

В первые дни после приезда я полагал, что все эти проявления дружелюбия связаны с радостной, приподнятой атмосферой юбилея. Только по прошествии месяца я смог наконец спокойно закончить книгу об американских неграх, которую мне заказал Гослитиздат³⁰, и понемногу начать заводить новые интересные знакомства. Однако все время, пока я был в России, воодушевление людей и их теплые чувства ко мне только усиливались. С заводскими рабочими, краснозвездными солдатами и матросами, с пролетарскими студентами и с детьми было потрудней, чем с интеллигенцией. На каждом митинге меня шумно приветствовали, окружали плотной толпой и всячески изъясляли дружеские чувства. Сотрудницы крупного московского банка настойчиво расспрашивали меня об условиях труда цветных женщин в Америке, и после краткого рассказа стали задавать конкретные вопросы о должностях, которые могут занять цветные женщины, об их заработной плате, об их отношениях с белыми работницами. Многих подробностей не знал, но когда мне удалось справиться с ответами, русские женщины приняли резолюцию, в которой приветствовали цветных работников Америки, призывали их создать свою организацию и делегировать представительниц в Россию. Ту же тему поднял и отдел пропаганды Петроградского Совета, которым руководит Николева (Николаева. – *О.П.*)³¹, очень энергичная женщина. Там мне рассказали о том, как революция 1917 года изменила положение русских женщин. Это возможность для женщин занимать любые должности, которые соответствуют их способностям; равная оплата труда; сохранение полной заработной платы в период беременности; декретный – два месяца до два месяца после родов. Развод получить легко – без денег, крючкотворства и бюрократических проволочек. Специальный отдел занимается вопросами совместного имущества, опеки и обеспечения детей. Аборты разрешены, дети, рожденные вне брака, не считаются «незаконнорожденными», закон никак не ущемляет их права.

Все тяготы, которые испытывали угнетенные низшие классы и национальные меньшинства в старой России, характерны и для миллионов негров в Соединенных Штатах, которые все еще находятся в бедственном положении. У нас негры не могут служить на флоте и занимать высшие армейские чины – точно так же дискриминировали евреев, рабочих и крестьянских детей в Российской империи. Совершенно очевидно, что в Советской России нет и не может быть подобной дискриминации, поскольку страной теперь управляют объединившиеся нацменьшинства, крестьянство и пролетариат. С разрешения военного наркома Льва Троцкого, я посетил ряд высших военных школ в Кремле и в окрестностях Москвы. И там я увидел новый человеческий материал – сыновей трудящихся. Этим новым кадетов обучают старыми офицеры, выходцы из высшего класса. В течение двух недель я был гостем Красного флота в Петрограде, и там представители энергичной пролетарской молодежи новой России показали мне хитрые механизмы подлодок, самолеты, захваченные под Петроградом у английских интервентов, и строительство военного корабля. Еще интереснее было наблюдать жизнь матросов и офицеров – несложную дисциплину, которую все строго соблюдают, общий для всех рацион питания, дополнительные политзанятия, невероятный такт и гибкость комиссаров. Все коммунисты играют роль советчиков и третейских судей для солдат, курсантов и офицеров. Два или три раза меня угощали кашей, которая иногда используется как гарнир. В Москве я очень полюбил кашу, но достать ее было трудно. Раньше я думал, что это невкусная и вредная еда, что русские крестьяне питаются ей, поскольку они очень бедны. Однако оказалось, что это чудесное, очень питательное блюдо, если его правильно приготовить – положить туда немного мяса и сбобрить маслом. Это вареная крупа, похожая на наш популярный и очень любимый у нас в Вест-Индии рис с горохом³².

Красные кадеты предстают в самом лучшем свете и в спортзале, и на политзанятиях, где строгая дисциплина временно отменяется. Словно оказываешься в атмосфере самых первых революционных дней – какие убедительные речи! Какой пламенный энтузиазм! Мне доводилось выступать и на этих собраниях. Курсанты задавали мне вопросы о неграх в американской армии и флоте, и когда я рассказывал им то, что известно всем американским неграм, курсанты, офицеры и комиссары дружно предлагали группе молодых американских негров пройти обучение в России, чтобы стать офицерами советской армии и флота. В Москве студенты-выходцы из пролетариата интересовались жизнью негритянских студентов. Они просили передать слова поддержки и добрые пожелания негритянским студентам Америки и в знак товарищеской дружбы сделали негров-делегатов от

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

американской компартии, в том числе и меня, почетными членами Московского Совета³³.

Дни, проведенные в России, навсегда останутся в моей памяти. Коммунистам-интеллектуалам и интеллигенции было интересно узнать, что в Америке уже возник внушительный слой негритянской интеллигенции и специалистов со своей своеобразной литературой, с особыми культурными и деловыми интересами, чуждыми белому человеку, и они, естественно, думают, что активисты-лидеры интеллигенции должны улавливать и выражать тот бунтарский дух, который дремлет в молчаливых негритянских массах – именно через такие фазы прошло освободительное движение масс в России. В России ждут и готовы принять посланников и глашатаев доброй воли от негритянской расы. Демонстрация дружелюбия и признание равенства негров способствует установлению здоровых отношений между Советской Россией и демократической Америкой. Скоро наши антропологи, все сплошь стопроцентно белые американцы, призовут на помощь науку и докажут, что русские – не настоящие Богом избранные белые люди. Я столкнулся с антинегритянской пропагандой даже в России. Мой друг, московский интеллигент, передал мне слова из интервью некой дамы одной датской газете: меня-де нельзя считать типичным образчиком негра; она жила в Америке и считает всех негров ленивыми, испорченными, порочными, опасными для белых женщин. В Петрограде похожую историю я услышал от Чуковского, критика, который был дружен с одним высокопоставленным работником АРА и его женой-южанкой³⁴. Чуковский – интеллигент- «западник». Так называют тех русских, которые ставят западноевропейскую цивилизацию выше русской культуры и считают, что спасение России заключается в полной вестернизации. В юности он жил в Лондоне и обожает все английское, а во время мировой войны был проанглийски настроен. Он также искренне восхищается американской демократией. В его прекрасной библиотеке больше английских и американских книг, чем русских, и он считает «Нью-Йорк Таймс» с ее литературным разделом изданием очень высокого уровня. Он настоящий англоман и фанатичный поклонник англо-американской культуры. Чуковский весьма скептически воспринял мои рассказы о положении негров в Америке.

«Американцы – люди очень энергичные и одаренные, – сказал он. – Зачем им вести себя так низко и мелочно по отношению к расовому меньшинству?» А потом он рассказал о своем пребывании в Лондоне, и от этого рассказа потянуло крэкерским духом. Воспроизвожу его здесь, будучи уверенным, что история эта подлинная, поскольку Чуковский – человек честный и порядочный.

В самом начале века он поехал в Англию в качестве корреспондента одесской газеты³⁵, но, оказавшись в Лондоне, в основном предавался поэтическим грезам, читал английскую литературу в библиотеке Британского музея и лишь изредка отправлял домой кое-какие новости. В итоге он потерял работу и был вынужден переселиться в дешевые меблированные комнаты. Через несколько недель после переезда на новое место прибыл новый постоялец – чернокожий американский священник. Проповедник снял комнату на верхнем этаже и стал появляться в общей столовой и гостиной. Среди жильцов была семья белых американцев, и они стали возражать против присутствия негра в доме и, в особенности, в гостиной и обеденной зале. Хозяйка оказалась в затруднительном положении: она не хотела потерять ни своих американских постояльцев, ни тех денег, которые платил священник. В конце концов она договорилась с белыми американцами, что негр останется жить в гостинице, но не будет появляться в общих для всех гостей помещениях. Компромисс был достигнут, и Чуковского попросили известить негра об этом решении. Чуковский поднялся наверх, чтобы сообщить проповеднику плохую новость и постараться смягчить неприятную правду. Однако чернокожий постоялец не слишком обиделся:

– Белые жильцы в своем праве, – заявил он, предвосхищая Гарви, – Ведь они принадлежат к высшей расе.

– Но я не имею ничего против Вас, – заверил его Чуковский. – Для меня между Вами и всеми остальными нет никакой разницы, у нас в России нет расовых предрассудков. На это проповедник философски заметил:

– Вы очень добры, но я, опираясь на авторитет Писания, не считаю русских белыми людьми.

Перевод с англ. Ольги Пановой

Публикуется по источнику: *McKay C. Soviet Russia and the Negro // The Crisis. Vol. 27, nos 2–3. December 1923 – January 1924, pp. 61–65, 114–118.*

¹ К. Маккей противопоставляет эстетский роман О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1891) остросоциальной драматургии Б. Шоу, приводя в пример его антивоенную пьесу «Оружие и человек» (1894) и политическую комедию об Ирландии «Другой остров Джона Булля» (1904).

² Маркус Гарви (1887–1940) – уроженец Ямайки (земляк Маккея), создатель Всемирной ассоциации по улучшению положения негров – УНИА (Universal Negro Improvement Association – UNIA, осн. 1914), штаб-квартира которой с 1916 г. находилась в Гарлеме. Гарви отстаивал принцип раздельного проживания черной и белой расы, был сторонником расовой чистоты негров, выступал против расового смешения. Частью деятельности УНИА был проект репатриации негров из Нового Света и Европы в Африку. Для этого Гарви была создана пароходная компания Black Star Line. В то время, когда Гарви проживал в США (1916–1927) гарвеизм стал по-

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

настоящему массовым движением: к 1920 году УНИА имела почти 2 тыс. филиалов в 40 странах. После банкротства парходной кампании Black Star Line, обвинений в мошенничестве, судебных процессов и тюремного заключения (1922–1927) Гарви был выслан из США на Ямайку. В конце 1910-х гг. Маккей интересовался идеями и движением Гарви, писал для газеты *Negro World* – органа УНИА. Маккей был участником и одним из лидеров Африканского кровного братства (African Blood Brotherhood – ABB), организации, созданной в 1919 г. в Нью-Йорке журналистом Сирилом Бриггсом (Cyril V. Briggs, 1888–1966), который, как и Маккей, был уроженцем Вест-Индии. ABB изначально ставило своей целью деколонизацию Африки, репатриацию «черной дисапоры» на африканский континент и солидаризовалось с Маркусом Гарви и его UNIA; однако после расовых погромов «красного лета» 1919 года лидеры ABB С. Бриггс и К. Маккей сменили платформу и выдвинули в качестве главной задачи борьбу с расизмом и самозащиту от линчеваний и расправ вплоть до вооруженного сопротивления белому террору. С 1920 г. ABB окончательно размежевывается с гарвеизмом и берет курс на сближение с коммунистами, что заканчивается слиянием Братства с компартией США в 1922 г.

³ В 1919 г. Маккей отправился из США в Лондон, вероятно, во избежание осложнений с Министерством юстиции США, боровшегося с левым движением, и в особенности с организацией «Индустриальные рабочие мира», в которой состоял Маккей. В 1919–1920 гг. в Лондоне Маккей был завсегдатаем Солдатского клуба в Друри-лейн, Социалистического клуба в Ист-энде, сотрудничал с социалистическим журналом *Workers' Dreadnought* по приглашению Сильвии Панкхерст, участвовал в деятельности Социалистической рабочей федерации и создании британской компартии (осн. 1920).

⁴ Мэри Пикфорд (1892–1979) – американская актриса, уроженка Канады, звезда немого кино, обладательница премии «Оскар» (1930). Ее внешность – миниатюрная фигура, детское личико, обусловила ее амплу бедных девочек и девушек-подростков, обездоленных сирот, жертв несправедливости, которые вызывали сочувствие и симпатию зрителей.

⁵ Прокламацией об освобождении рабов (Emancipation proclamation) называют два указа президента Линкольна (от 22.09.1862 и 1.01.1863) об отмене рабства и объявлении свободными всех рабов во всех штатах США. Отмена рабства была закреплена Тринадцатой поправкой в Конституции США 31.01.1865.

⁶ Минстрел-шоу или шоу менестрелей – вид развлекательных театральных представлений, возникший в США в конце 1820-х гг. Шоу включали комические сценки из негритянской жизни на плантациях, песни, танцевальные номера. Персонажи представляли собой готовые амплу – характерные типажи (черный лакей – «дядюшка», черная кормилица – «мамми», мулатка-красотка, «черномазый весельчак», негритята – шалуны и лакомки, негр-модник и т.д.). Вначале шоу исполнялись только белыми артистами в негритянском гриме («блэкфейс»), однако уже в середине XIX в. стало появляться все больше негритянских минстрел-трупп. Минстрел-шоу оставались частью театральной и музыкальной культуры в эпоху Гарлемского ренессанса, и позже элементы минстрел встречаются в разных сферах американской развлекательной индустрии. После революции 1960-х минстрел-шоу были заклеены как расистские, построенные на расовых стереотипах и предрассудках.

⁷ В 1908 г. чернокожий американский боксер Джек Джонсон победил канадца Томми Бернса и стал первым чемпионом мира в тяжелом весе. Американская публика нетерпеливо ждала появления «надежды белых» – боксера, который забрал бы чемпионский титул у негра и вернул его белой расе. В 1910–1920-е бои между черными и белыми боксерами в США стали восприниматься как соперничество двух рас. Американская нация смогла признать чернокожих боксеров-победителей (Джесси Оуэнса, Джо Луиса) общенациональными героями только в 1930-е.

⁸ Букер Т. Вашингтон (1856–1915) – афроамериканский политик, просветитель, оратор, архитектор «Атлантического компромисса», который основывался на идее «сегрегации во имя прогресса», сосуществовании двух рас по принципу «отдельно, но с равными правами» (*separate but equal*). Свою социально-политическую концепцию Букер Т. Вашингтон изложил в речи на промышленной выставке в Атланте, шт. Джорджия в сентябре 1895 г.; концепция была принята белым истеблишментом как основополагающий принцип решения расовой проблемы. Букер Т. Вашингтон пользовался поддержкой деловых, политических кругов и президента США и использовал свое влияние для просвещения и прогресса черной расы. Он был создателем Университета Таскиги (осн. 4.07.1881), миссией которого было облегчить афроамериканцам доступ к высшему образованию и подготовить афроамериканских специалистов в области педагогики, инженерного дела и других практических специальностей. В 1912 г. Маккей приехал с Ямайки в США на учебу в Таскиги; по его собственному признанию, он «возненавидел полувоенный механистический уклад (*semi-military, machinelike existence*) школы Букера Т. Вашингтона» (см. *Claude McKay describes his own life // Pearson's Magazine. Vol. 39. No 5, 1918*) и вскоре перевелся в Канзасский государственный колледж.

⁹ В ходе оккупации Рейнской области Германии вооруженными силами Антанты (декабрь 1918 – июнь 1930), начавшейся по условиям Компьенского мирного договора (18.11.1918) и продолжившейся по условиям Версальского мира, Франция использовала колониальные воинские части, в частности, сенегальских стрелков; их численность в 1919 г. составляла от 25 до 40 тыс. Еще в ходе войны немецкая пропаганда, особенно в консервативной прессе, сформировала в Германии представление о французских колониальных войсках как о варварах, каннибалах, так что немецкие солдаты боялись сдаваться в плен чернокожим военным. Во время оккупации Рейнской области в Германии началась паника, нагнетавшаяся прессой, и получавшая название «черного позора» (*die schwarze Schande* или *dies schwarze Schmach*). Африканские оккупационные войска обвиняли в совершении массовых насильственных преступлений и изнасилованиях. Известно, что некоторые немки выходили замуж за чернокожих солдат; появлялись и незаконнорожденные дети. Они получили уничижительную кличку «рейнландские ублюдки»; во время Третьего рейха их насильственно стерилизовали (см. об этом, напр.: *Camp, Tina. Other Germans: Black Germans and the Politics of Race, Gender, and Memory in the Third Reich. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2004; Roos, Julia. Women's Rights, Nationalist Anxiety, and the «Moral» Agenda in the Early Weimar Republic: Revisiting the «Black Horror» Campaign against France's African Occupation Troops // Central European History Journal. 2009. Vol. 42, pp. 473–508*).

Оккупация Рейнланда была ознаменована целым рядом обострений – «Рурских конфликтов». В ходе Рурского конфликта 1920 г. произошли беспорядки во Франк-

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

фурте, закончившиеся столкновением гражданского населения с французскими оккупационными войсками. 9 апреля 1920 г. социалистическая газета *Daily Herald* начала кампанию против присутствия французских колониальных оккупационных войск в Германии, опубликовав на первой полосе репортаж «Кровопролитие во Франкфурте: французские чернокожие войска стреляют по гражданам из автоматов» ('Frankfurt Runs With Blood / French Black Troops Use Machine Guns on Civilians'). На следующий день, 10 апреля, в газете появилась статья журналиста, политика и известного пацифиста Эдмунда Д. Морела «Черные – бич Европы: сексуальный террор, развязанный французами на Рейне» ('Black Scourge in Europe: Sexual Horror Let Loose by France on the Rhine'), в которой автор отдавал дань расистским стереотипам о неграх как сексуальной угрозе для белой расы. В заметке, сопровождавшей публикацию статьи, и в передовице этого номера редактор *Daily Herald* Джордж Лэнсбери заявил, что газета борется с расовыми предрассудками, но при этом воспроизвел ряд клише о недоцивилизованности и гиперсексуальности черной расы. 11 апреля Маккей прислал в редакцию *Daily Herald* письмо с критикой статьи Э. Морела. Лэнсбери не стал его печатать и даже не ответил Маккею. Ответ Маккея на материалы *Daily Herald* опубликовала в своем журнале Сильвия Панкхерст (*McKay C. The Black Man Replies // Workers' Dreadnought. 24 April, 1920*). Маккея особенно обескуражило появление столь одиозных форм расистской пропаганды в социалистическом журнале, что способствовало проникновению расовых предрассудков в рабочую среду. Он был поражен тем, что на съезде профсоюзов (сентябрь 1920) участникам раздавали листовки «Ужас на Рейне» со статьей Э. Морела, что в поддержку Э. Морела выступили лидеры рабочего движения, например, глава Федерации шахтеров Роберт Смилли, которого Маккей лично знал, очень уважал, и о котором написал статью в журнале С. Панкхерст (*C.E. Edwards [McKay C.], Robert Smillie // Workers' Dreadnought. 14 August 1920*).

Находясь в Советской России, Маккей после встречи с Л. Троцким адресовал ему письмо, где подробно описал реакцию британских левых кругов и прессы на «рейнскую панику» и дал свою оценку этому эпизоду. Этот текст Маккея был опубликован в «Правде» (1 апреля 1923 г.). Ответ «товарищу Маккею», в котором Троцкий сформулировал свой взгляд на Рурский конфликт и его расовый аспект, появился в советской печати раньше – 15 февраля 1923 г. его одновременно напечатали «Правда» и «Известия».

«Черный позор» обсуждался и в американской прессе, и в среде высших государственных чиновников США. Так, например, генерал Генри Туреман Аллен в письме госсекретарю США выражал убеждение, что убийства, похищения, насилия и прочие преступления в большинстве своем приписываются чернокожим французским военным немецкой пропагандой (*Finds Negro Troops Orderly On Rhine; General Allen Reports Charges are German Propaganda, Especially for America // New York Times. 1921. 20.02*). Дискуссии о том, в какой мере «паника на Рейне» имела по собой основания, а в какой степени она объясняется расистскими предрассудками и пропагандой продолжается до сих пор.

¹⁰ Речь идет о поправке Т. Рузвельта (*Roosevelt Corollary*) к доктрине Монро. Эта поправка была озвучена в послании президента Конгрессу США 6 декабря 1904 г. Рузвельт заявил, что на США лежит обязанность предотвращения политиче-

ских и экономических кризисов и обеспечения стабильности в странах Латинской Америки и Карибского бассейна. Поправка Т. Рузвельта стала обоснованием т.н. «политики большой дубинки» (Big Stick policy), которая оправдывала установление политического и экономического контроля за странами Латинской Америки, а в случае необходимости и вооруженную интервенцию. Отказ от этой политики произошел только при президенте Ф. Д. Рузвельте, который в начале 1933 г. провозгласил новый принцип – «политику добрососедства» (Good Neighbor policy).

¹¹ Скорее всего, речь идет об обращении «Народам воюющих стран» (не позднее 14 (27) ноября 1917), которое было подписано комиссаром по иностранным делам, председателем СНК В. Ульяновым (Лениным). Может быть, имеется в виду «Воззвание к трудящимся массам всех стран» (8 (21) декабря 1917) ВЦИК и других организаций. См.: Декреты Советской власти. Т. I: 25 октября 1917 г. –16 марта 1918 г. М.: Гос. издат-во политической литературы, 1957. С. 86–88, 188–189.

¹² Расовый вопрос в США с самого начала привлекал внимание архитекторов русской революции. Уже с 1919 г., т.е. с момента проведения Первого панафриканского конгресса (Париж, 19–22 февраля 1919 г.) в Коминтерне зрела идея созыва всемирного негритянского съезда под эгидой мирового коммунистического движения (см.: Письмо Малого бюро ИККИ от 25.2.1919 г. Джону Риду. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 1). Джон Рид составил на имя Г.Е. Зиновьева большую докладную записку о положении негров в Америке (см.: Докладная записка Джона Рида Г. Зиновьеву о негритянском вопросе в США. 31.12.1919. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 1. Л. 3–11). Внимание к «негритянскому вопросу» в США проявил лично В.И. Ленин в ходе подготовки ко II Конгрессу Коминтерна (1920), на котором одним из главных пунктов повестки стала проблема колониализма, угнетенных наций и национальных меньшинств. Готовя тезисы к докладу и резолюцию по национальному и колониальному вопросу, Ленин включил пункт «Негры в Америке» в список наиболее актуальных вопросов, а также отметил: «...необходима прямая помощь всех коммунистических партий революционным движениям в зависимых или неравноправных нациях (например, в Ирландии, среди негров Америки и т. п.) и в колониях» (*Ленин В.И.* Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам (для Второго съезда Коммунистического Интернационала) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41: май–ноябрь 1920. М.: Изд-во политической лит., 1981. С. 161, 165).

¹³ Сен Катаяма (1859–1933) – японский коммунист, видный деятель Коминтерна. Происходил из крестьянской семьи. Неоднократно жил по несколько лет в США. В 1884–1892 гг. учился в Гриннел-колледже, университете Фиска, Йельском университете, увлекся социализмом. В 1904–1906 гг. занимался сельскохозяйственным трудом в Техасе, присутствовал на съезде социалистической партии США в Чикаго (1904). В 1914–1916 гг. также проживал в США, участвовал в левом движении, создавал коммунистические группы японских рабочих. В 1918 г. переехал в Советскую Россию, работал в Коминтерне (член Президиума ИККИ). Окончил Коммунистический университет трудящихся Востока. Умер в Москве, захоронен в Кремлевской стене. Сен Катаяма был близок к Джону Риду и его сторонникам; как и Джон Рид, придавал важное значение негритянской проблеме в США. См.: Из заявления члена Президиума ИККИ Сен Катаямы по негритянскому вопросу. 22.V.1923 г. Из докладной записки

Сен Катаямы К. Радеку. 14.VII.1923 г. / Пер. с англ. В.П. Городнова // Коминтерн и Африка: Документы. СПб.: Алетей, 2003. С. 93–95.

¹⁴ «Крэкер» (cracker) – кличка белых у афроамериканцев; изначальное значение слова – шелкающий бич или плетка. Эта кличка применяется к южным белым беднякам, а также к любым белым, которые смотрят на негров сверху вниз с чувством расового превосходства.

¹⁵ В своих мемуарах «Далеко от дома» (1937) Маккей подчеркивает, что ему пришлось самостоятельно изыскивать средства и способы попасть на конгресс (*McKay C. A Long Way from Home* (1937). New Brunswick, NJ; London: Rutgers University Press, 2007, pp. 121–122): в сентябре 1922 г. он отбыл из Нью-Йорка в Британию, нанявшись коچهгаром на грузовое судно, потом через Берлин вместе с делегацией Британских коммунистов добрался до СССР. См. об этом также: Письмо К. Маккея в Секретариат ИККИ (весна 1923 г.) / пер. с нем. О. Губецкова // Литература двух Америк. 2019. № 6. С. 265–267.

¹⁶ IV Конгресс Коммунистического Интернационала открылся 5 ноября 1922 г. в Петрограде, 9 ноября – 5 декабря продолжил и завершил работу в Москве. В нем участвовали 408 делегатов от 66 партий и организаций из 58 стран.

¹⁷ Макс Истмен (1883–1969) – левый активист, литератор, поэт, переводчик, редактор, критик, публицист. Несколько лет возглавлял *The Masses* – журнал левой богемы и интеллигенции; после закрытия *The Masses* вместе со своей сестрой, адвокатом, журналистом, феминисткой Кристал Истмен, создал социалистический журнал *The Liberator* (осн. 1917). В 1919 г. Клод Маккей познакомился с Максом Истменом и его сестрой и по приглашению Истмена до 1922 г. работал в *The Liberator* выпускающим редактором. В *The Liberator* (июльский вып. за 1919 г.) Маккей опубликовал прославившее его стихотворение «Коль умереть нам суждено» (“If We Must Die”). Маккей виделся в России с Истменом, который был делегатом IV Конгресса Коминтерна. Во время своего пребывания в СССР (осень 1922 – лето 1924) Истмен стал последователем Льва Троцкого, наблюдал его борьбу со Сталиным и после отъезда из СССР вывез на Запад и опубликовал в печати т.н. «Завещание Ленина» («Письмо к съезду»; конец 1922), содержащее резкую критику Сталина и предложение отстранить его от власти. Этот поступок, а также его собственные публикации, посвященные СССР, сделали «троцкиста Истмена» врагом сталинского режима и противником просталински настроенных американских левых. Знакомство с реалиями «страны победившего социализма» привело Истмена к пересмотру взглядов на марксизм и социализм. При этом он продолжал интересоваться СССР и Россией, и этот интерес находил выражение в переводческой деятельности (перевод на англ. сочинений Л. Троцкого, в т.ч. трехтомной «Истории русской революции», «Гавририады» Пушкина и т.д.) и многочисленных публикациях, в т.ч. о русской и советской литературе. Широкую известность получила его книга «Художники в униформе» (*Artists in Uniform*, 1934), посвященная положению советских писателей при сталинском режиме.

¹⁸ В Лондоне был издан поэтический сборник Маккея «Весна в Нью-Гэмпшире» (1920): *McKay C. Spring in New Hampshire and Other Poems*. London: Grant Richards Ltd., 1920. Опубликовать сборник Маккею помог Чарльз Огден, создатель и редактор журнала *Cambridge Magazine*. В своем журнале Огден опубликовал подборку из 23 стихотворений Маккея (*Cambridge Magazine*. Vol. X. No 1, 1920).

¹⁹ Для Маккея Б. Шоу был одним из кумиров: «Я считал Бернарда Шоу самым мудрым и глубоким среди ныне живущих интеллектуалом» (I considered Bernard Shaw the wisest and most penetrating intellectual alive) (*McKay C. A Long Way from Home*, p. 51) и мечтал лично познакомиться с ним. Фрэнк Харрис, редактор *Pearson's Magazine*, снабдил Маккея рекомендательным письмом к Шоу. В 1920 г. Маккей побывал в доме у Шоу (10 Adelphi Terrace). Этот визит Маккей подробно описывает в 5 главе («Приключения в поисках Бернарда Шоу») своих мемуаров «Далеко от дома». В частности, Маккей передает следующие слова Шоу: «Должно быть, для чувствительного негра быть поэтом – это трагедия. Почему Вы не выбрали кулачный бой вместо поэзии в качестве профессии? <...> Благодаря тренировкам из Вас мог бы получиться преуспевающий боксер. А поэты всегда бедствуют, если у них нет империи, которую они, подобно Кипплингу, могли бы прославлять и рекламировать» (*McKay C. A Long Way from Home*, pp. 52-53).

²⁰ В этой анонимной рецензии, помещенной в *The Spectator*, поэзия Маккея оценивалась как интересная и мастерски сделанная; рецензент привлекал внимание читателей к тому, что ее автор – «чистокровный негр», подчеркивал хороший вкус и сдержанность любовной лирики, которая нигде не «перешагивает барьеров», начисто лишена малейших раздражителей, способных пробудить у белого читателя «глубинный расовый инстинкт» и настроить его против черного поэта:

Пожалуй, первым побуждением рядового читателя, узнавшего, что это книга американского негра, будет поинтересоваться, соответствует ли она требованиям хорошего вкуса. Мы сможем искренне и благожелательно судить о ней не раньше, чем убедимся, что это сочинение не нарушает границ, которые мы постоянно ощущаем благодаря живущему в нас необъяснимому, но очень глубокому инстинкту. Мистер Клод Маккей ничем не оскорбляет наших чувств и взглядов. В его любовной лирике нет ни следа того, что могло бы – сознательно или неосознанно – настроить против него наши расовые инстинкты (*Poets and poetry // Spectator. 23 October 1922, p. 539*).

²¹ Енот (coon) – шутливая, уничижительная кличка негров, распространенная на американском Юге.

²² Баттлинг Сики (Battling Siki, наст. имя Луи Фаль, 1897–1925) – французский чернокожий боксер-профессионал, уроженец Сенегала. Чемпион Европы и мира (1922) в полутяжелом весе, выигравший этот титул в шестом раунде у белого французского боксера, чемпиона Европы Жоржа Карпантье. В Париже был героем светской прессы благодаря эпатажному поведению – ярким костюмам, прогулкам со львом на поводке и т. п. В 1925 г. при невыясненных обстоятельствах был застрелен в Нью-Йорке.

²³ В оригинале «buck dancer» (то же, что clogging, jugging, foot-stomping) – американский фольклорный стиль танца в стиле кантри (блограсс), в котором смешаны английские, ирландские, шотландские, афроамериканские танцевальные традиции, и отличительной чертой которого является ритмическая ударная работа ног. Предшественник эстрадного степа или чечетки.

²⁴ «Люкс» (ул. Тверская, 36) – гостиница Коминтерна.

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

²⁵ Самый популярный в Москве литературный клуб, расположенный по адресу ул. Тверская, д.18, где проходили собрания московского отделения Всероссийского союза поэтов.

²⁶ Очевидно, имеется в виду Иван Александрович Аксенов (1884–1935) – поэт, литературный критик, литературовед, переводчик, друг Гумилева, Ахматовой, участник группы «Центрифуга», объединения конструктивистов, сподвижник Мейерхольда, переводчик английских драматургов-елизаветинцев.

²⁷ Маккей имеет в виду Василия Павловича Федорова (1883–1942) – уроженца Перми, выпускника Казанского университета, одного из создателей Ордена дерзко-поэтов, переводчика Верхарна, По и др. В 1923 г. в московском издательстве «Первина» вышла книга Э. По «Поэмы и стихотворения» в переводах В.П. Федорова.

²⁸ Возможно, имеется в виду студия Пролеткульта, располагавшаяся в бывшем особняке Арсения Морозова (ул. Воздвиженка, 16).

²⁹ Дом Ученых в Петрограде – «Владимирский дворец» (Дворцовая наб., 26 / ул. Миллионная, 27). Дворец Великого князя Владимира Александровича Романова был сооружен по проекту А.И. Резанова в 1867–1868 гг. После 1917 г. там находился театральный отдел Наркомпроса (с конца 1918), затем – издательство «Всемирная литература» (с 1919). Дом Ученых был открыт в здании 31 января 1920 г. решением Петросовета по инициативе Петроградской комиссии по улучшению быта ученых (председателем Комиссии был Максим Горький). Там Маккею выделили комнату для проживания, и он мог участвовать в проходивших там встречах творческой и научной интеллигенции. В 1920–1930-е в Доме Ученых еженедельно по субботам проходили научные доклады, по четвергам работал публичный лекторий, проводились встречи, дискуссии, концерты. В октябре 1920 г. Дом Ученых посетил Герберт Уэллс (описавший это посещение в книге «Россия во мгле»). Сейчас по адресу ул. Миллионная, 27 находится гостиничный комплекс «Наука» АН РАН.

³⁰ В Москве Маккей общался с рядом крупных партийных и государственных деятелей СССР, в том числе с Л. Троцким. Троцкий вдохновил К. Маккея написание публицистической книги «Негры в Америке», изданной в СССР в переводе П.Ф. Охрименко в 1923 г. (*Мак-Кэй К. Негры в Америке. М., Пг.: Госиздат, 1923*). В эту книгу вошло письмо Троцкого «дорогому товарищу Маккею» – ответы на вопросы Маккея о положении черной расы в современном мире. Книга была издана на русском языке, а английский оригинал был утрачен. Обратный перевод на родной язык автора был сделан только в конце 1970-х и издан в США: *McKay C. The Negroes in America*, transl. R.J. Winter, ed. A.L. McLeod. New York: Kennikat Press, 1979.

³¹ Клавдия Ивановна Николаева (1893–1944) – революционерка, советский партийный и профсоюзный деятель. Родилась в Петербурге в семье рабочего и прачки. Член РСДРП с 1909 г. До 1917 г. трижды арестовывалась и была отправлена в ссылку. В 1917–1924 гг. была членом редколлегии журнала «Работница» (осн. 1917), в 1918–1924 – зав. Женским отделом (Отделом работниц и крестьянок) и Агитационно-пропагандистским отделом Петроградского губернского комитета РКП(б). В середине-второй половине 1920-х была членом ЦК РКП(б), затем – зав. отделом Агитации ЦК ВКП(б) (1930–1933), награждена Орденом Ленина (1930). Маккей побывал в обоих отделах, подведомственных К.И. Николаевой.

³² Рис с горохом (*rice-and-peas*) – традиционное блюдо в странах Карибского бассейна: рис с бобовыми (фасоль, голубиный горох), приправленный специями, иногда с добавлением мяса.

³³ Вторым афроамериканским делегатом IV Конгресса Коминтерна был уроженец Суринама, чернокожий делегат от компартии США Отто Хьюисвуд (*Otto Huiswoud*, 1893–1961); как и Маккей, он был членом ассоциированной с американской компартией левой организацией «Африканское кровное братство». Хьюисвуд вступил в Рабочую партию Америки (такое название носила легальная часть компартии США) летом 1922 г. Оба негритянских делегата – и коммунист Хьюисвуд, и «сочувствующий» Маккей – выступили на Конгрессе с речами по негритянскому вопросу, который был внесен в повестку Конгресса. Хьюисвуд был зарегистрирован и выступал на Конгрессе под именем Дж. Биллингс. Тексты выступлений Хьюисвуда и Маккея были напечатаны в органе Коминтерна «Инпрекоре» (*Report on the Negro Question. Billings. McKay // International Press Correspondence. Vol. III. No 2. 5 Jan. 1923?* pp.14–17), а резюме выступлений помещены также и в центральной советской прессе (Негритянский вопрос. Доклад т. Биллингса. Речь т. Маккея // *Известия*. 1922. 26 ноября 1922 г.; *Правда*. 26 ноября 1922 г.). Обоих негритянских делегатов сделали почетными членами Московского Совета (см.: *Turner J.M. Caribbean Crusaders and the Harlem Renaissance. Champlain, IL: University of Illinois Press, 2005, pp. 107, 109*).

³⁴ АРА, Американская администрация помощи (*American Relief Administration, ARA*) – гуманитарная организация, созданная в 1919 г. во исполнении принятого Сенатом США закона о помощи голодающим в Европе (1919). Руководителем АРА был назначен Герберт Гувер. 20 августа 1921 г. в Риге был подписан договор о помощи голодающим в Советской России (от РСФСР его подписал наркоминдел М.М. Литвинов). «Высокопоставленный работник АРА», о котором говорит Маккей, – это Сперджен Мильтон Кини-старший (*Spurgeon M. Keeny Sr., 1893–1988*), американский участник (консультант, советник, руководитель) программ помощи, трудничавший на протяжении всей своей жизни с разными американскими и международными гуманитарными организациями. Уроженец Шрусбери, шт. Пенсильвания, С. Кини окончил Геттисбери-колледж, затем учился в Оксфорде, где получил степень магистра литературы. В конце Первой мировой войны участвовал в гуманитарной миссии YMCA при британской армии, затем – в лагерях для военнопленных на советско-польской границе и при Чехословацком корпусе в Сибири. В 1922–1924 гг. работал в Американской администрации помощи в СССР: в его обязанности входило обеспечение интеллигенции гуманитарной помощью (продукты, денежные пособия). Корней Чуковский подружился с С. Кини и его женой: бывал у них в гостях, приглашал их на разные культурные и научные акции, ходатайствовал о выделении помощи особо нуждающимся коллегам по цеху. См.: *Чуковский К. Дневник. Т. 1: 1901–1929. М.: Сов. писатель, 1991. С. 235–236, 260–261*.

³⁵ Корней Чуковский с 1901 г. начал печататься в газете «Одесские новости», а в 1903–1904 гг. был корреспондентом «Одесских новостей» в Лондоне, куда отправился вместе с женой. Кроме «Одесских новостей», статьи Чуковского об Англии публиковались в «Южном обозрении» и в некоторых киевских газетах. Но гонорары из России поступали нерегулярно, а затем и вовсе прекратились. Отправив жену обратно в Одессу, Чуковский подрабатывал перепиской каталогов в Британском музее и одновременно основательно ознакомился с английской литературой, читая в подлиннике Шекспира, Диккенса, Теккерея, Браунинга, Суинберна и мн. др.

Паломничество в страну Востока: Визит Стефана Андреса в СССР

© 2022 А.В. Добряшкина

Journey to the East: Stefan Andres' Visit to the USSR

© 2022 Anna V. Dobryashkina

УДК 82.01

https://doi.org/10.54791/27823792_2023_4_67_98

Информация об авторе:

Анна Владимировна Добряшкина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва. E-mail: annica@list.ru

Ключевые слова: Стефан (Штефан) Андрес, Генрих Бёлль, советско-германские контакты, литература ФРГ, СССР, Союз советских писателей, А. Корнейчук.

Аннотация: Визит немецкого писателя (ФРГ) Стефана Андреса в СССР в 1959 г. практически не освещен в исследовательской литературе. Статья основана на мемуарах Доротеи Андрес, документах РГАЛИ и опубликованном в советской прессе интервью с писателем. Стефан Андрес, который считался одним из самых популярных католических авторов Западной Германии, был приглашен на III Съезд Советских писателей (18-23.5.1959). Союз советских писателей был заинтересован в нем как представителе литературы ФРГ, Андрес, напротив, опасался официального визита в СССР: он старался сохранить имидж христианского писателя и предпочел совершить неофициальный визит по-

Information about the author:

Anna V. Dobryashkina, PhD. in Philology, Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: annica@list.ru

Keywords: Stefan Andres, Heinrich Böll, Soviet-German literary contacts, literature of West Germany, the USSR, Writers' Union of the USSR (the Union of Soviet Writers), Alexander Korneychuk.

Abstract: The visit of a West German writer (FRG) Stefan Andres to the Soviet Union in 1959 is practically not covered in the research literature. The article is based on the memoirs of Dorothee Andres, RGALI documents and an interview with the writer published in the Soviet press. Stefan Andres, who was considered one of the most popular Catholic authors of West Germany, was invited to the III Congress of Soviet Writers (May 18-23, 1959). The Union of Soviet Writers was interested in him as a representative of the German literature, Andres, on the contrary, was afraid of an official visit to the USSR: he tried to maintain the image of a Christian writer and preferred to make an unofficial visit after the

сле Съезда. Андрес провел в Советском Союзе три недели, для него была составлена программа, включавшая достопримечательности столицы, посещение Загорска, Ленинграда, Петергофа. Особое впечатление на писателя произвела поездка по Армении и встреча в Киеве с Александром Корнейчуком. Согласно отчету сопровождавшей Андреса переводчицы, писателя, прежде всего, интересовала религиозная сторона советской жизни, состояние храмов, положение священнослужителей, количество прихожан и свобода вероисповедания. Из двух интервью, которые Андрес дал в первые дни своего пребывания в СССР, было напечатано только одно. Текст опубликованного интервью очень конвенционален, имеет обычный набор высказываний о первых впечатлениях, восхищении образованностью советских людей, готовности Запада к диалогу с советским государством. Союз советских писателей рассчитывал на помощь Андреса в установлении контакта между западногерманскими и советскими писателями, Андрес, в свою очередь, ожидал увидеть переводы своих книг на русский язык. Надежды каждой из сторон, однако, оказались неосуществимы. В Германии визит Андреса в СССР не получил освещения в прессе, и даже десятилетия спустя, при подготовке мемуаров Доротеи Андрес к изданию, подробное описание поездки в СССР не было включено составителями в книгу.

Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке», <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>
Автор выражает благодарность О.Ю. Пановой за содействие в подготовке публикации материалов Приложения.

Congress. Andres spent three weeks in the Soviet Union, a program was drawn up for him, which included the sights of the capital, visits to Zagorsk, Leningrad, Peterhof. The writer was especially impressed by the trip to Armenia and the meeting in Kyiv with Alexander Korneychuk. According to the report of the interpreter accompanying Andres, the writer was primarily interested in the religious side of Soviet life, the condition of churches, the position of clergy, the number of parishioners and freedom of religion. Of the two interviews that Andres gave during the first days of his stay in the USSR, only one was published. The text of the published interview is very conventional, it has the usual set of statements about the first impressions, admiration for the education of the Soviet people, and the West's readiness for dialogue with the Soviet state. The Union of Soviet Writers counted on Andres' help in establishing contacts between West German and Soviet writers, Andres, in turn, expected to see translations of his books into Russian. The expectations of each side, however, turned out to be unfulfilled. In Germany, Andres' visit to the USSR did not receive press coverage, and even decades later, when Dorothee Andres' memoirs were being prepared for publication, a detailed description of the trip to the USSR was not included by the compilers in the book.

Acknowledgement: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Scientific Fund, grant no. 23-18-00393 "Russia and the West viewing each other: Literature at the intersection of culture and politics, XX century", <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>. The author expresses her gratitude to Olga Panova for her assistance in preparing the publication of the materials in the Addendum.

Принятые сокращения

CD – *Andres D.* «Carpe diem!» Mein Leben mit Stefan Andres. Bonn: Bouvier, 2009.

ВИ – Отчет гида-переводчика В. Ивановой о работе со Стефаном и Доротти Андрес во время их пребывания в Советском Союзе (11 сентября – 2 октября 1959 г.). РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3164.

Посещение Советского Союза в 1959 г. немецким писателем Стефаном (Штефаном) Андресом (1906–1970) как для советской, так и для германской общественности прошло незаметно, практически не оставив следа в истории литературы. Неофициальность визита была, однако, основным требованием Андреса к приглашающей стороне: один из самых известных авторов послевоенной Западной Германии опасался за свою репутацию. Союз советских писателей в полной мере сдержал обещание, и советский читатель так и не открыл для себя творчество Стефана Андреса. Более того, немецкий почитатель Гоголя и Достоевского, называвший русских писателей своими «литературными наставниками» (CD: 270), до сих пор известен в России только литературоведам. Кроме двух изданий на русском языке конца 1990-х гг. – романа «Незримая стена» (М.: Радуга, серия «Новое имя», 1995) и пяти самых известных новелл (М.: Гнозис, «Дом интеллектуальной книги», 1998), напечатанных по инициативе германского общества Стефана Андреса (Stefan-Andres-Gesellschaft), – других переводов¹ нет.

18 апреля 1959 г., за месяц до начала III Всесоюзного съезда советских писателей, который должен был проходить в Москве с 18 по 23 мая, лауреат пяти Сталинских премий Александр Корнейчук, вернувшийся из поездки в Европу, представил А.А. Суркову, первому секретарю Союза писателей, памятную записку:

В Западной Германии я был в гостях у крупнейших католических писателей: у Стефана Андреса, который живет недалеко от Бонна, на роскошной вилле, у самого Рейна, и у Генриха Бёлля. Стефан Андрес считается там самым крупным современным писателем, который по отношению к нам ведет себя прилично. В беседе он рассказал мне, что был по приглашению три месяца в Америке и, вернувшись домой, не написал о своем путешествии ни строчки. На мой вопрос – что он знает о советской литературе и Советском Союзе, он ответил, что очень мало, и дал понять, что хотел бы познакомиться с жизнью Советского Союза. Я сказал ему, что у нас скоро будет съезд писателей, и мы приглашаем на него гостей из-за границы. Андрес заметил, что пред-

¹ Перевод обоих изданий сделан С.Л. Фридлянд.

почел бы поехать в Советский Союз не на съезд, так как ему не хотелось бы связывать себя никакими политическими обязательствами, а просто познакомиться с жизнью Советского Союза, приехать хотя бы на две-три недели, вместе с женой¹.

Письмо Корнейчука представляет собой прекрасный образец советского дипломатического искусства, поскольку, как значилось в одной из бумаг Союза советских писателей, Андрес имел репутацию писателя, «выступавшего ранее с весьма реакционными заявлениями»². Весь текст на двух страницах имел своей целью уговорить Союз писателей пригласить Андреса в гости. Памятная записка, начинавшаяся в формате отчета о проделанной работе за границей, заканчивалась как прошение – просьбой Корнейчука поставить вопрос о приглашении благонадежных Стефана Андреса и Генриха Бёлля на секретариате. При этом, как можно заметить по тексту Корнейчука, просьба изначально исходила именно от самого Андреса, а он, Корнейчук, эту просьбу лишь поддерживал, обосновывая неоспоримую выгоду для литературной политики СССР в случае приезда Андресов.

Стефан Андрес действительно, как и характеризовал его Корнейчук, был «католическим писателем», всегда придерживался этого статуса, имел обширные знакомства в среде католического духовенства, считался в Ватикане «*persona gratissima*»³ и был похоронен на ватиканском кладбище. Андрес с детства готовился родителями к принятию сана, получил основательное теологическое образование, поскольку сначала учился в монастырском интернате, а потом несколько лет был послушником при капуцинском монастыре, но вопреки родительским чаяниям стал не священником, а писателем. В 1937 г. Андрес эмигрировал с семьей в Италию, в конце войны попытался вернуться на родину, однако столкнулся с нежеланием властей американской оккупационной зоны разрешить его семье репатриацию. Препятствием, как считалось, стала его недолгая близость монархическим кругам⁴. Реэмиграция в итоге состоялась лишь в 1950 г.

¹ Памятная записка А.Е. Корнейчука о поездке в ФРГ. 18.04.1959. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3166. Л. 1.

² Стеженский В.И. Справка о литературной жизни ФРГ в 1959 г. РГАЛИ. Ф. 631. Оп.26. Ед. хр. 3167. Л. 1.

³ *Braun M.* Stefan Andres. Leben und Werk, Bonn: Bouvier, 1997, S. 151 [zit. nach: Hermann Erschens, Nachdenken über Stefan Andres. Ein Gespräch mit Dr. Wolfgang Schwarz // Mitteilungen der Stefan Andres-Gesellschaft, 11, 1990, S. 19].

⁴ Кронпринц Рупрехт Баварский, живший в эмиграции во Флоренции, в конце войны переехал в Рим, где нашел поддержку в среде монархически настроенных немцев.

В это время Андрес, как и подчеркивалось в памятной записке Суркову, был чрезвычайно популярным писателем, который, благодаря своему влиянию, мог бы способствовать установлению контактов советских писателей с западногерманскими коллегами. Звонок из советского посольства накануне Третьего съезда Союза советских писателей был совершенно закономерен также и потому, что после возвращения в Германию Андрес почти сразу включился в политические дискуссии, в том числе в антиядерную кампанию, активно выступая против закона об оснащении бундсвера ядерным оружием. В 1958 г. писатель выступил с речью «Против ядерного вооружения» («Gegen die Atomaufrüstung»), в которой затронул «неправильное отношение Германии к Востоку»¹ и выделил нежелание «атеистов на Востоке»² (такое наименование советского народа, возможно, было воспринято в СССР как «реакционное замечание») начинать ядерную войну. Когда Корнейчук упоминает «приличное» поведение Андреса по отношению к СССР, он имеет в виду именно эту позицию писателя.

В этом необычном визите был заинтересован не только Корнейчук, представлявший ССП. О важности поездки для самого Андреса говорит, прежде всего, тот факт, что он охотно отозвался на приглашение посетить «атеистов на Востоке» – несмотря на определенные риски для его писательской репутации, с одной стороны, и весьма сомнительные перспективы, с другой стороны. Поскольку визит планировался неофициальным, писатель не мог рассчитывать на какой-либо интерес к нему со стороны немецкого общества и на свое участие в политической дискуссии в качестве недавнего гостя советской столицы. Не было у Андреса во время составления памятной записки и воодушевляющего опыта посещения стран соцблока, так как в Югославию Андрес собирался лишь в мае. По всей видимости, СССР привлекал Андреса исключительно как родина его «литературных наставников» и, возможно, была скромная надежда издать свои произведения на русском языке. Так или иначе, Стефан Андрес обратился в посольство СССР в ФРГ «с просьбой разрешить ему поездку в Советский Союз на один месяц с женой в качестве гостя Союза писателей СССР»³. Не имея официального приглашения от Союза писателей, Андрес просто сослался в посольстве на «соответствующее приглашение, полученное им от тов. Корнейчука А.Е. во время его пребывания в ФРГ»⁴.

¹ *Andres S. Gegen die Atomaufrüstung //ders. Der Dichter in dieser Zeit. München: Piper, 1947. S. 99.*

² *Ibid.*

³ И. Ильичев – Первому секретарю Союза писателей СССР К.А. Федину. 7.07.1959. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 76.

⁴ Там же.

Доротее Андрес, вдова писателя, обращается в своих воспоминаниях к поездке в СССР дважды: в мемуарах и в записанной на магнитофонную пленку беседе с литературоведом Вильямом Диком, навесившим ее в Риме. Поездка описывается Доротее Андрес в обоих случаях достаточно подробно, и, насколько можно судить по опубликованным материалам, с минимальными фактографическими расхождениями. Мемуары были написаны вдовой в середине 1980-х (соответственно, сборник статей об Андресе, куда вошла статья В. Дика, вышел в печати в 1990 г., то есть Доротее Андрес примерно в одно и то же время записывала воспоминания и давала интервью Дикю), но через десять лет, когда встал вопрос об их публикации, они были тщательно пересмотрены и сокращены. В 2009 г. мемуары были изданы Кристофером Андресом, внуком писателя, и литературоведом Михаэлем Брауном, автором монографии об Андресе (1997).

В своих мемуарах, получивших название «Carpe Diem!»¹, Доротее Андрес вспоминала, как в начале апреля 1959 г., писателю позвонили из советского посольства:

Итак, приехал драматург Александр Корнейчук в сопровождении двух господ из русского посольства в Роландсэке. Переводчик, который был помоложе, был типичным функционером, тот, который постарше, еще имел хорошие манеры былых времен, и его, как и Корнейчука, отличала даже какая-то сердечность (CD: 270).

Приглашенный на III Всесоюзный съезд советских писателей Андрес, добрый католик и недавний монархист,

конечно же, сразу отклонил предложение и подчеркнул, какое удивление и непонимание это участие могло бы вызвать у его юных читателей; он совершенно не марксист, его считают исключительно христианским автором, что совпадает и с его намерениями. Он должен с сожалением отказаться, несмотря на великих русских авторов XIX века, которых он почитает как своих литературных наставников, и он более чем охотно познакомился бы со страной и людьми Советского Союза. Сначала небольшое замешательство – потом коллега импульсивно сказал: «Ну так вы можете приехать просто в другой раз! Когда бы Вы хотели?» (CD: 270).

«Корнейчук быстро сориентировался» (CD: 270), вспоминала вдова писателя, и предложил выбрать время. Свободным от планов оказался лишь

¹ «Живи сегодняшним днем», «наслаждайся настоящим» (лат.).

сентябрь. Андресу было важно, чтобы визит проходил неофициально и без освещения в прессе, что также устроило приглашающую сторону.

Аудиозапись имеет дополнительные нюансы.

Андрес ответил советскому гостю: «Я очень сожалею, но это приглашение я, конечно же, принять не могу, не по политическим причинам, а потому, что мои читатели, и, прежде всего, юные читатели, могли бы сразу же это неправильно понять. Я христианский писатель... Я убежден, что мой голос не будет иметь никакого веса на этом мероприятии, однако если мое имя появится в списке участников, это будет, возможно, с Вашей стороны хорошо просчитанный ход конем, а с точки зрения моих читателей, мое участие будет необъяснимо». Андрес заверил Корнейчука, что он уже давно хотел бы посетить Россию, «тем более что я всегда считал ваших великих писателей прошлого века моими духовными предшественниками». Корнейчук и Андрес сошлись на частном визите¹.

Причина отказа Андреса – один из наиболее интересных моментов в памятной записке. Можно заметить, что Корнейчук объяснял нежелание Андреса приехать на съезд писателей его предпочтением не «связывать себя никакими политическими обязательствами», однако согласно аудиозаписи Доротеи Андрес, писатель отрицает «политические причины» и указывает на исключительно христианскую основу своего творчества, мало совместимую с хрущевской религиозной политикой. Корнейчук упоминает религиозность Андреса и Бёлля, но не ссылается на нее как на препятствие к официальному визиту в СССР, сглаживая остроту христианской темы. То есть объяснить отказ Андреса «политическими обязательствами» – опасением быть заподозренным в симпатии к коммунизму – кажется Корнейчуку менее рискованным, чем упомянуть религиозный конфликт.

Характеризуя Андреса и Бёлля, Корнейчук в буквальном смысле слова занимается мифотворчеством: он создает образ двух представителей совершенно разных писательских поколений Германии, симпатизирующих Советскому Союзу.

Наши в посольстве считают, что было бы очень важно, если бы старика Стефана Андреса, который находится еще в полной творческой силе, мы пригла-

¹ Dyck W.J. Bedenkliche Schöpfungsweisheit: Fjodor Dostojewski und Stefan Andres // Mein Thema ist der Mensch. Texte von und über Stefan Andres / Chr. Basten, Chr. Bähr u.a. München: Piper, 1990. S. 315–316.

силы в Советский Союз недели на две-три, так как это весьма влиятельный человек среди западной германской интеллигенции¹.

Из скудных, но любопытных характеристик официального письма адресат должен был понять, что старый Андрес считался более консервативным, чем еще молодой Бёлль, и что при очевидном гостеприимстве Андресов они «по некоторым важным вопросам были сдержанны»². В таком случае этот «старик Стефан Андрес», «весьма влиятельный человек», находящийся «еще в полной творческой силе», тем более должен был бы заинтересовать Союз писателей. Корнейчук не мог не знать возраст немецких коллег: Андресу было в 1959 г. пятьдесят три, то есть «старик Андрес» был на год моложе самого Корнейчука. О возрасте сорокадвухлетнего Бёлля тоже говорится расплывчато: «Ему сейчас лет сорок – сорок пять»³. Дополнительным важным моментом для коллег Суркова должно было стать обещание Андреса опубликовать в Германии свой отчет о поездке: «Я бы написал для нашей прессы ряд очерков... Было бы хорошо, если бы я получил приглашение от Союза писателей в августе или сентябре»⁴.

Можно уверенно утверждать, что таких слов Андрес, согласившийся на поездку при условии ее неофициальности и ничего не знавший ни о советской литературе, ни, тем более, о Союзе советских писателей, не произносил. Их авторство полностью принадлежит Корнейчуку. На фоне упомянутой поездки Андреса в Америку, после возвращения из которой тот «не написал о своем путешествии ни строчки», обещанные Корнейчуком «ряд очерков» выглядели, безусловно, эффектно. Кроме того, они были обязательным для приглашения иностранного автора в СССР. Написание иностранным автором травелога после посещения СССР считалось не просто хорошим тоном, но и чем-то вроде культурного кода советской эпохи, что Андрес, несомненно, знал так же хорошо, как и Корнейчук. Наконец, упоминание предстоящей поездки Андреса в Югославию если и не входило в разряд важнейших аргументов в пользу писателя, то, по крайней мере, было позитивной ремаркой. Судя по состоявшемуся визиту Андресов в Советский Союз, памятная записка Корнейчука своей цели достигла.

¹ Памятная записка А.Е. Корнейчука о поездке в ФРГ в 1959 г. 18.04.1959. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3166. Л. 2.

² Там же.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

Интересно, что упоминание о посещении Стефаном Андресом Югославии весной 1959 г. тоже можно найти в «*Carpe Diem!*». Этот эпизод не описывается подробно, однако он интересен с точки зрения модальности мемуаров Доротее Андрес: пример Югославии показывает, насколько для нее, а еще в большей степени для издателей ее мемуаров, было важно умалчивать о связи Андреса со странами соцблока. Если, согласно Корнейчуку, «югославские писатели пригласили Андреса на май месяц отдыхать где-то на побережье»¹, то Доротее Андрес, подробно останавливаясь на «паузе в работе» (*Schreib-Pause*) супруга после завершения им романа «Серая радуга» («*Der graue Regenbogen*»), красочно и детально описывая их земельный участок и строительные работы на реке Мозель, лишь вскользь упоминает о «поездке на каникулы с дочерью Имой в Югославию. Ее сообщения были скудные, но восторженные» (CD: 272). Логично предположить, что «каникулы в Югославии» были не заранее спланированной туристической поездкой, а очередным неофициальным посещением Андресом зарубежных коллег.

О впечатлениях от Советского Союза можно также лишь догадываться, поскольку эти записи Доротее Андрес вовсе не были включены в мемуары. Уведомление издателей, предвещающее воспоминания, – «При подготовке текста издатели руководствовались принципом печатать все, что могло бы представлять интерес для широкой читательской аудитории»², – по всей видимости, соотносится с ремаркой относительно поездки в СССР:

Это путешествие в Россию Доротее Андрес сохранила в кратких заметках, которые она делала каждый день, так что в конце концов они заняли тридцать страниц. Если их включить в издание, они нарушат рамки этой редакции воспоминаний (CD: 275).

Ни поездка в Югославию, ни поездка в СССР, «кратко» изложенная на тридцати страницах, таким образом, не «представляли интерес для широкой читательской аудитории», в отличие от многочисленных бытовых мелочей. Один из доступных документов, сохранивших официальную информацию о пребывании Андресов в СССР, – составленный их переводчиком отчет для ССП.

Стефан и Доротее Андрес приехали в Москву 11 сентября. Их посещение Советского Союза совпало с двумя масштабными событиями со-

¹ Там же. Л. 1.

² *Andres Chr., Braun M. Vorwort* (CD: 9).

ветской истории: 12 сентября, на второй день пребывания Андросов, была запущена к Луне вторая космическая ракета, а еще через три дня, 15 сентября, Н.С. Хрущев совершил посадку на американском аэродроме. Первые два дня писатель соответствовал традиционным ожиданиям советской стороны: восхищался архитектурой Москвы, университетом и строительством юго-западного района, кукольным театром. 12 сентября состоялась «беседа в Союзе писателей с секретарем правления СП СССР т. А. Сурковым по программе пребывания С. Андроса в СССР», во время которой Андрос «выразил свое желание понять душу русского народа и народов СССР и сочетание исторического прошлого и нынешнего дня», а самое главное для советской стороны, подтвердил свое стремление «установить связи между писателями Западной Германии и Советского Союза» (ВИ: 1). На третий день, однако, Андрос захотел «увидеть, где народ молится и как отдыхает» (ВИ: 2). Начались посещения монастырей и действующих храмов. Андрос, как сказано в отчете, «выражал свое удовлетворение тем, что много верующих, что “русская душа не погибнет” и что вера русских проявляется искренне и открыто» (ВИ: 2). В промежутке между посещениями Новодевичьего монастыря, Елоховской церкви (13 сентября) и поездкой в Троице-Сергиеву Лавру (15 сентября) писатель критиковал стиль промышленных выставок Румынии и Польши, подчеркивая устаревшую эстетику. В Загорске Андрос «восторгался храмами», «интересовался положением религиозных культов и священнослужителей в Советском Союзе и был совершенно удовлетворен полученными сведениями» (ВИ: 2). В Ленинграде и Петергофе (16 сентября) писатель возмущался «фашистами, совершившими варварские разрушения» и тем, что запрещено фотографировать город с Исаакиевского собора, «считая это неразумным ущемлением личной свободы, не приносящим пользы государству» (ВИ: 2).

В Ленинграде состоялась, по всей видимости, важная беседа, после которой стиль высказываний Андроса заметно изменился. Вечером 16 сентября Андрос «беседовал с писателем В. Рождественским об идее Бога и русской истории» (ВИ: 3). Можно лишь снова предположить, что разговор о Боге Всеволода Рождественского, сына дореволюционного протоиерея, и С. Андроса, несостоявшегося священника, сына несостоявшегося католического монаха, был весьма любопытен, «причем В. Рождественский очень удачно полемизировал с С. Андросом» (ВИ: 3). В любом случае, с этого момента отчет о поездке Андроса изобилует его заявлениями о правильности русской и советской истории. Наутро, после «полемики» с В. Рождественским, было запланировано посещение Смольного и Петропавловской кре-

пости, после которого писатель «сказал, что теперь многое понял, а также и то, что революция в России была необходимостью, дальше народ терпеть не мог, и коммунизм – это именно то, что нужно России» (ВИ: 3). Далее эта мысль повторяется в разных вариациях практически до самого отъезда. Например, 19 сентября, вернувшись в Москву и посетив усадьбу Л. Толстого, Андрес почти слово в слово повторил свою фразу, сказав, «что только теперь понял, до чего необходима и неизбежна была революция в России» (ВИ: 3). Однако – была ли причиной усталость писателя или что-то иное – в тот же день, 19 сентября, в беседе с журналистами Андрес явно перешел границу дозволенной критики.

Интервью у Андреса брали дважды: 15 сентября для газеты «Литература и жизнь», которая была печатным органом правления Союза писателей РСФСР, и 19 сентября для популярного фешенебельного журнала «Советская женщина». Доротее Андрес упоминала еще и о «пресс-конференции» – возможно, имелось в виду одно из этих двух интервью, причем скорее всего именно второе. На следующий день после встречи с корреспондентами «Литературы и жизни» статья под названием «Войны не должно быть» появилась в печати. Интервью для «Советской женщины» так и не было напечатано. Этот факт тем более любопытен, что октябрьский номер журнала по своему освещению зарубежной культуры был преимущественно «немецким»: после изложения всех важных событий – освоения космоса, визита Хрущева в Америку, завершения первого года советской семилетки – читателю предлагался рассказ о поездке в ГДР писательницы и военного офицера Ирины Левченко, обращение немецкого писателя Ганса Мархвицы и статья немецкого журналиста о берлинском профсоюзе. Кроме того, традиционным для журнала было сообщение об иностранных туристах в СССР. Интервью с Андресом, таким образом, соответствовало бы тематике октябрьского выпуска. Отчет переводчицы Андреса для ССП прямых комментариев не содержит, однако выделяет несколько высказываний писателя, которые, по всей вероятности, и стали препятствием для публикации интервью в журнале, выходившем в печать на многих иностранных языках. Корреспонденту «Советской женщины» Андрес

заявил, что может говорить все, что хочет, и что у нас неверные представления о порядках в Западной Германии. Далее он заявил, что считает коммунизм необходимым и пригодным для России – но только для России, так же, как западный капиталистический строй – для Запада (ВИ: 4).

Логично отнести к этой беседе и позиции «может говорить все, что хочет» соображение писателя, которое осталось лишь в воспоминаниях Доротеи Андрес: «Да, мы в Германии, пожалуй, должны социализироваться, но вы в Советском Союзе, тем не менее, должны наконец либерализоваться»¹.

«Справка о литературной жизни ФРГ в 1959 г.», подготовленная в конце 1959 г. сотрудником Иностранной комиссии Союза советских писателей, бывшим военным переводчиком В.И. Стеженским, обошла молчанием неудавшуюся беседу 19 сентября, зато сообщала, что «большой общественный резонанс получило интервью в газете “Литература и жизнь” гостившего в СССР писателя Стефана Андреса, выступавшего ранее с весьма реакционными заявлениями»².

Надо признать, что интервью с Андресом в перечне материала в номере выглядело очень эффектно. Оно прекрасно гармонировало со всеми событиями и названиями, которые конструировали наполненную романтикой и надеждой советскую реальность. Имя Андреса в анонсе даже не упоминалось, беседа с ним была последней в списке, однако его требование мира («Войны не должно быть») было своеобразной смысловой и эмоциональной кульминацией.

Структура интервью, напечатанного в «Литературе и жизни» 16 сентября, соответствовала строгому шаблону: первое впечатление, восхищение советским образованием, прекрасное взаимопонимание, визит Хрущева в Америку, готовность Запада к диалогу с СССР, космическая программа, контакт двух Германий. Андрес, названный в газете господином Андресом, сразу заявлял о своей христианской позиции (это было единственным отклонением от принятого канона) и самом важном открытии своего трехдневного пребывания:

По своим убеждениям я католик. Вчера дважды побывал в церкви. Меня как верующего обрадовало, что в вашей стране действительная свобода вероисповедания³.

Все последующие высказывания писателя были ожидаемы и прекрасно вписались в общую атмосферу выпуска. Андреса поразила «тяга к знани-

¹ *Dyck W.J.* Bedenkliche Schöpfungsweisheit: Fjodor Dostojewski und Stefan Andres. S. 316.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 3167.

³ Войны не должно быть // Литература и жизнь. 16.09.1959. С. 4.

ям, культуре» советских людей, «приятной неожиданностью было для него встретить в комнате отдыха на Брестском вокзале «Зимнюю сказку» Гейне и «Верноподанного» Генриха Манна.

Я раньше не представлял себе, что в музеях вокруг экспонатов, картин могут постоянно толпиться люди, обмениваться впечатлениями, спорить. Для человека с Запада все это было чрезвычайно новым, удивительным, потрясающим¹.

Именно это Андрес называет «одной из наиболее важных сторон завоеваний вашей революции, которые производят на иностранцев колоссальное впечатление». Андрес упоминает знакомство с Алексеем Сурковым, с которым ему было «чрезвычайно приятно разговаривать», поскольку они оба «говорили откровенно, прекрасно понимая друг друга». Кроме того, предполагаемый барьер между ним и москвичами по причине того, что Андрес не коммунист, оказался «вполне преодолимым». Говоря о контактах с писателями ФРГ, Андрес не забывает упомянуть Анну Зегерс, которую он ценит, которая часто бывает в ФРГ и которая как раз в 1958 г. посетила Советский Союз. Интервью Андреса полностью соответствовало (кроме начального заявления о религиозных убеждениях) картине мира советского человека; впрочем, газета «Литература и жизнь», обслуживавшая Союз писателей (и даже имевшая в писательской среде неприличное прозвище), могла вызвать «большой общественный резонанс» только среди членов ССП.

После злополучного интервью с «Советской женщиной» Андрес ненадолго вернулся к теме «эксплуатации народа» (ВИ: 4) во время осмотра Оружейной палаты (20 сентября). Следующим пунктом программы пребывания была Армения, поездка по которой особенно впечатлила Андреса. В Армении писатель

беседовал с католиком. Суть беседы сводилась к тому, что С. Андрес предлагал всем верующим подать друг другу руки через все границы и не забывать веры. С. Андрес остался очень доволен ответами католика на его вопросы о положении религии в Армении, близкой ему, как библейская страна (ВИ: 5).

¹ Там же.

Перед местными семинаристами, поразившими его своим пением, Андрес произнес подобие проповеди «о своем понимании роли священника среди населения» (ВИ: 5). 26 сентября писатель был уже в Москве, опять в церкви – на этот раз в Коломенском, «где Андрес снова высказал свое удовлетворение положением религии в России и религиозным чувством русских» (ВИ: 6).

Заключительным пунктом программы был визит в Киев к Корнейчуку по его личному приглашению. В Киеве Андреса восхитила Лавра, возмутили разрушенные храмы, не понравилась гостиница «Интурист» и запомнился прием у Корнейчука. Примечательно, что издатели мемуаров Доротеи Андрес, оставив без внимания тридцать страниц путевых заметок по России и Армении, решили упомянуть поездку к Корнейчуку:

Однако стоит сообщить о драматурге Корнейчуке, который посетил Андресов весной в Ункеле и которому был обещан ответный визит в Киеве (CD: 275).

Здесь отчет сопровождавшей Андресов переводчицы настолько отличается от воспоминаний Доротеи Андрес, что можно почти предположить два разных визита. Отчет сообщает, что во время «завтрака» у Корнейчука Андрес

снова говорил, что считает коммунизм правильным для России, что если бы он родился в России, то он сам был бы коммунистом, но для Запада коммунизм не подходит, им нравится их система, и он просит не навязывать коммунизма Западу, считая, что только при этом условии возможны дружеские связи между этими двумя системами (ВИ: 7).

Целая страница отчета посвящена аргументам двух споривших сторон. Вдова не касается темы коммунизма вовсе: во время обеда

Стефан говорил с Корнейчуком преимущественно о религиозных вопросах, у Корнейчука при этом появился тоскливый взгляд. Он даже признался, что атеисту, собственно говоря, живется гораздо сложнее, чем верующему человеку (CD: 275).

Паломничество в страну Советов закончилось встречей Андреса с московскими критиками и переводчиками. Вопросы, судя по воспоминаниям

В.Кёппена¹, были для всех западных немцев стандартные, как, впрочем, и те ответы, которые давали западные немцы. Реплика переводчицы с прорывающейся эмоциональной нотой (видимо, удивления?) указывает на то, что Андрес снова почувствовал себя вполне свободным и повторил некоторые идеи, которые «выражал неоднократно и прежде и с тов. Боевым, корреспондентом “Советской женщины”, и в других беседах» (ВИ: 9):

С. Андрес, отвечая на вопросы, заявил, что Ремарк на Западе не считается крупным писателем. Он говорил, что там иной подход к творчеству, чем у нас. Основным критерием считается «магия слова», умение привести читателя в определенное состояние. Про И. Бехера С. Андрес говорил, что сонеты его прекрасны, потом он стал писать хуже и последние его стихи с рефреном «партия всегда права» стоят вне литературы и называться стихами не имеют права. Затем он говорил о том, что на Западе запретить книгу очень сложно, и в основном запрещают книги, разлагающе действующие на мораль, но и это бывает редко. Причем большую роль играет мнение общественности и влияет на запрещение или снятие запрещения. Далее С. Андрес сказал, что уже меньше стало безнравственных комиксов, портивших молодежь.

Многие книги запрещено продавать молодежи, продают только взрослым. Писать можно все, что угодно, но не всегда легко найти издателя или театр для постановки, т.к. они часто руководствуются соображениями карьеры и рынка, конъюнктуры. Многие не ставят вещей критического содержания, не желая вставать в оппозицию к правительству. Но никто им этого официально не запрещает (ВИ: 8–9).

Упоминание корреспондента «Советской женщины» лишний раз подтверждает невозможность публикации интервью и неуместность позиции Андреса «говорить все, что хочет».

Конкретного продолжения визит Андреса в СССР не имел. Перед отъездом Андрес «рекомендовал некоторые свои произведения для перевода на русский язык». Вряд ли среди «рекомендованных произведений» был новый роман писателя «Серая радуга», последняя книга трилогии «Потоп» о Третьем рейхе, вышедший сразу после возвращения Андресов из Москвы – в октябре 1959 г. (и потому, что во время нахождения Андреса в Москве книга еще не появилась, и потому, что она была завершением

¹ *Koepen W.* Herr Polevoi und sein Gast // ders. Nach Russland und anderswohin: Empfindsame Reisen. Stuttgart: Covert, 1958. S. 167–169. В. Кёппен побывал в СССР в 1957 г.

трилогии). Но именно об этом романе Л.З. Копелев оставил отзыв, в котором выразил свои сомнения относительно необходимости переводить произведение:

С. Андрес – писатель очень популярный в Западной Германии, его творчество изучается в средних школах, и он, так сказать, причислен к лику живых классиков. Он действительно талантливый, своеобразный художник, гуманный и доброжелательный.

Поэтому следовало бы познакомить наших читателей с творчеством С. Андреса.

Однако религиозные, мистические элементы, органически присущие мировоззрению этого писателя и проявляющиеся в склонности к символике и аллегориям, и в этом романе представлены особенно «густо».

Смешение образов реальности, действительности и условных символических картин в повествовании о недавних исторических событиях, кажется недостаточно убедительным.

Поэтому, для первого издания С. Андреса у нас, может быть, следовало бы избрать другие его произведения (например, романы «Мальчик в колодце», «Качели любви» или сборник новелл)¹.

Мнение Копелева о романе «гуманного и доброжелательного» христианского писателя занимало последнюю, 17 страницу, все предыдущие 16 подробно излагали содержание романа. Рекомендованные Копелевым произведения Андреса (во всяком случае, «Мальчик в колодце» и новеллы), скорее всего, совпадали с тем списком, который оставил сам Андрес.

Однако переводы так и не появились. В стенограмме заседания Иностранной комиссии 6 января 1960 г. по обсуждению современной художественной немецкой литературы имя Андреса даже не упоминается.

Консультант по литературе ФРГ В. Стеженский подчеркивал в обзоре литературной ситуации важность писательского диалога между ФРГ и СССР:

Необходимо в ближайшее время использовать все имеющиеся возможности для расширения контактов с антифашистски настроенными писателями Западной Германии. Следовало бы, в частности, запросить С. Андреса, как обстоит дело с его обещанием организовать приглашение в ФРГ группы советских писателей с целью установления творческих контактов. <...>

¹ Копелев Л.З. Стефан Андрес. «Серая радуга». РГАЛИ. Ф. 2549. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 17.

Следовало бы установить связь с литературным клубом Комма¹ в Мюнхене, который практикует приглашение зарубежных писателей для организации их творческих вечеров (там выступали, в частности, писатели из ГДР и Польши). Такого рода связи можно было бы установить с помощью нашего посольства в ФРГ².

2 декабря 1959 г. Иностранная комиссия ССП направила запрос в посольство СССР в ФРГ, и 1 февраля 1960 г. советник посольства провел с Андресом беседу о налаживании контактов и участии советских писателей в работе ПЕН-клуба:

Андрес говорил, что очень доволен своим пребыванием в Советском Союзе. <...> Андрес сказал, что он был бы рад приезду советских писателей в ФРГ. Он говорил об этом с Кроллем в Москве. Кролль одобрил эту идею и обещал предпринять необходимые меры³.

Намерения Андреса способствовать установлению писательского диалога упоминаются во всех материалах, касающихся неофициального гостя СССР. Однако в действительности все оказалось гораздо сложнее, Андрес затрагивал тему советско-германских контактов в разговорах с послом ФРГ в Москве Хансом Кроллем, но тот, понимая ситуацию, не планировал лично разворачивать в ФРГ кампанию по творческому сближению с Союзом советских писателей, как и ССП, в свою очередь, никогда не собирался публиковать произведения Андреса на русском языке.

Все зависит от Кролля, ответил Андрес. Писатели в ФРГ организованы по землям. Ни одна западная писательская организация не возьмет на себя приглашение советских писателей. Если бы советская писательская организация была членом «Пен-клуба», то тогда можно было бы попытаться организовать такое приглашение в порядке установления контактов в рамках «Пен-клуба». Андрес сказал, что Кролль проявил большой интерес к приглашению советских писателей в ФРГ. Андрес подчеркнул, что Кролль обещал взять это дело в свои руки⁴.

¹ Имеется в виду Комма-Клуб в Мюнхене, организованный Р. Зеелигером в литературном кафе как форум левоориентированных молодых писателей.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 3167.

³ Запись беседы со Стефаном Андресом. 14.02.1960. РГАЛИ. Ф.631. Оп.26. Ед.хр. 3178. Л. 2.

⁴ Там же.

По всей видимости, посол Ханс Кролль, заработавший в ФРГ неоднозначную репутацию из-за своих дипломатических инициатив и личных переговоров с Хрущевым, и отозванный в 1962 г.¹, не мог организовать приглашение советских писателей в ФРГ, несмотря на ходатайство Андреса.

Андрес в общем-то сдержал обещание, о котором говорилось в памятной записке Корнейчука:

он дал интервью южно-германскому радио о своей поездке. С подобной просьбой обращались к нему из бременского радио, но у него, как сказал Андрес, тогда не было времени, а возобновления просьбы не последовало. Выступил с докладом в католической гимназии².

Подчеркнутого интереса в Германии его путешествие в СССР не вызвало, а в его биографиях этот факт всегда умалчивался. В дальнейших публикациях писатель также очевидно симпатизировал СССР. В 1961 г. Андрес, оказавшись в поездке по Италии, которую всегда очень любил, принял спонтанное решение обосноваться там навсегда, тем более что для литературного творчества его политическая ангажированность в Германии имела скорее нежелательные последствия.

Посещение Советского Союза Андресами вполне можно считать «странным визитом», если иметь в виду очевидное, на первый взгляд, отсутствие выгоды для советской стороны. Однако литературная политика Иностранной комиссии не была ни прямолинейной, ни неразборчивой. С момента установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ до 1959 г. в Москве успели побывать несколько западных писателей, причем последний из них, Вольфганг Кёппен, предпринял путешествие с целью продолжить свою серию травелогов. И все же эти первые визиты носили совершенно частный характер. Визит Стефана Андреса должен был, как ожидалось, инициировать межкультурный писательский диалог, однако

¹ См., напр. о своеобразии дипломатии Х. Кролля: Г. Кролль не раз выходил на Конрада Аденауэра и свое министерство иностранных дел, передавая желание Н.С. Хрущева прибыть в ФРГ с визитом и провести переговоры с канцлером. Канцлер отказывался. По мнению Кролля, <...> важная причина заключалась в том, что Хрущев был несимпатичен Аденауэру со времен московских переговоров <...> За излишнюю активность Ганс Кролль в итоге был заменен в Москве другим послом» (Сорокин А. Экономические отношения Советского Союза с Австрией и ФРГ: политические факторы и искусство дипломатии (1955–1964) // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10. № 5, p. 1671).

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 3178. Л. 2.

Союз советских писателей рассчитывал пригласить никому не известного в СССР Андреса вместе с Генрихом Бёллем, о котором советский читатель впервые узнал в 1952 г. и который затем с 1957 г. начал активно издаваться в русских переводах. Причем Бёллю отводилась в этой паре главная роль. Собственно, об этом достаточно ясно докладывал Корнейчук в своей записке. Однако Бёлль в 1959 г. от приглашения отказался. Сложно сказать, повлияла ли поездка Андреса на решение Бёлля посетить СССР через пару лет. В любом случае, в 1962 г., наконец, началась «эпоха» визитов в СССР Генриха Бёлля и налаживание тех самых контактов, к которым так долго стремился Союз советских писателей.

Впрочем, даже в «странном» визите Стефана Андреса был своеобразный «миссионерский» шарм: Андрес приехал в хрущевскую Россию с твердой установкой увидеть в ней мир Достоевского и Гоголя среди построенного социализма, много раз делал заявления, из которых можно было заключить, что этот мир еще не погиб, и этот консервативный христианский взгляд, ясно различавший на фоне советских новостроек фигуры литературных предшественников, кому-то из собеседников Андреса мог оказаться полезен.

Литература

Сорокин А. Экономические отношения Советского Союза с Австрией и ФРГ: политические факторы и искусство дипломатии (1955–1964) // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10. № 5. P. 1657–1673.

References

Braun, M. *Stefan Andres. Leben und Werk*, Bonn: Bouvier, 1997.

Mein Thema ist der Mensch. Texte von und über Stefan Andres. Chr. Basten, Chr. Bähr u.a. München: Piper, 1990.

Sorokin A. “Экономические отношения Советского Союза с Австрией и ФРГ: политические факторы и искусство дипломатии (1955–1964)” [“The Soviet Union’s Economic Relations with Austria and the Federal Republic of Germany: Political Factors and the Art of Diplomacy (1955–1964)”.] *Quaestio Rossica* 10: 5 (2022): 1657–1673. (In Russ.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

І. Памятная записка А.Е. Корнейчука о поездке в ФРГ в 1959 г.

А.Е. Корнейчук – А.А. Суркову.

18 апреля 1959

Дорогой Алексей Александрович!

Я недавно вернулся из поездки в Бельгию и Западную Германию. Поездка была очень интересная, при встрече в Москве расскажу.

В Западной Германии я был в гостях у крупнейших католических писателей: у Стефана Андреса, который живет недалеко от Бонна, на роскошной вилле, у самого Рейна, и у Генриха Бёлль. Стефан Андрес считается там самым крупным современным писателем, который по отношению к нам ведет себя прилично. В беседе он рассказал мне, что был по приглашению три месяца в Америке и, вернувшись домой, не написал о своем путешествии ни единой строчки¹. На мой вопрос – что он знает о советской литературе и Советском Союзе, он ответил, что очень мало, и дал понять, что хотел бы познакомиться с жизнью Советского Союза. Я сказал ему, что у нас скоро будет съезд писателей² и мы приглашаем на него гостей из-за границы. Андрес заметил, что предпочел бы поехать в Советский Союз не на съезд, так как ему не хотелось бы связывать себя никакими политическими обязательствами, а просто познакомиться с жизнью Советского Союза, приехать хотя бы на две-три недели вместе с женой. «Я бы написал для нашей прессы ряд очерков... Было бы хорошо, если бы я получил приглашение от Союза писателей в августе или сентябре».

Наши в посольстве считают, что было бы очень важно, если бы старика Стефана Андреса, который находится еще в полной творческой силе, мы пригласили в Советский Союз на две-три недели, так как это весьма влиятельный человек среди западной германской интеллигенции.

Югославские писатели пригласили Андреса на май месяц отдыхать где-то на побережье.

Из Бонна я поехал в Кёльн, на встречу с католическим писателем Генрихом Бёлль. Это чрезвычайно интересный человек и писатель, как мне кажется, более прогрессивный, чем Стефан Андрес. Ему сейчас лет сорок-сорок пять. Во время Второй мировой войны был в армии.

Генрих Бёлль встревожен развитием событий в Западной Германии, он, как и Стефан Андрес, является противником милитаризации Западной Германии и вооружения бундесвера атомным оружием. Они вместе подписывали ряд документов, в которых выражали протест против атомного оружия, против милитаризации Западной Германии, требовали запрещения испытаний атомного оружия³.

Если Стефан Андрес вместе со своей женой проявили по отношению ко мне большую любезность и искреннее гостеприимство, но по некоторым важным вопросам были сдержанны, то Генрих Бёлль был откровенным и не раз подчеркивал, что несмотря на тяжелые условия в Западной Германии, он всегда стоял и будет стоять за дружбу с Советским Союзом. Он высоко оценил советскую литературу и, конечно, произведения русской классики. Я спросил его, не хотел ли бы он приехать к нам на съезд писателей, в Москву. Он ответил, что приехал бы с большой радостью, и не только на съезд, так как хотел бы ознакомиться с жизнью Советского Союза. Правда, Г. Бёлль оговорился, что его участие на съезде могло бы принести ему очень большие неприятности и усложнить его работу.

Дорогой Алексей Александрович, Генриха Бёлль у нас печатали, о нем и об Андресе тебе более подробно может, вероятно, рассказать уважаемая т. Мотылева⁴ или кто-нибудь другой, специалист по немецкой литературе.

Мне кажется, что следует передать приглашение через наше посольство в Бонне на съезд писателей в Москву Генриху Бёлль. Если же он не сможет приехать на съезд, то надо вообще пригласить нашими гостями на август и сентябрь Стефана Андреса с женой и Генриха Бёлль с женой.

Прошу поставить этот вопрос на секретариате.

Сердечно приветствую тебя и всех товарищей. Александр Корнейчук.

Публикуется по: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. ед.хр. 3166. Машинопись.

Драматург, прозаик и публицист А.Е. Корнейчук (1905–1972), прославившийся в годы войны пьесой «Фронт» (1942), написанной по личному указанию и под контролем Сталина, лауреат пяти Сталинских премий, занимал посты председателя правления Союза писателей УССР (1946–1953), председателя Верховного Совета УССР (1947–1953). Член ЦК КПУ (1949–1972), член ЦК КПСС (1952–1972), член Президиума Всемирного совета мира (1952–1972). Был знаком со многими крупными зарубежными писателями и деятелями культуры: П. Пикассо, П. Нерудой, Ж. Амаду и др.

А.А. Сурков (1899–1983) – советский поэт и критик, ответственный редактор журнала «Огонек» (1945–1953), заместитель генерального секретаря Союза советских писателей (1949–1953), первый секретарь Союза писателей СССР (1954–1959).

¹ С. Андрес побывал в США в сентябре – ноябре 1952 г. Поездка была организована Госдепартаментом США в рамках культурного обмена. Доротея Андрес в своих

мемуарах предположила причину, по которой эта поездка состоялась: в конце войны в одном из своих выступлений Андреас предложил основать в Риме специальный институт для будущих американских оккупантов, в котором те могли бы изучить немецкий язык и культуру Германии. В США писатель выступил с речью «Америка как надежда мира» («Amerika als Hoffnung der Welt»), но действительно не опубликовал никаких статей о поездке. Путешествие по Америке было рассчитано на три месяца, однако Андреас решил вернуться на две недели раньше.

² Третий Всесоюзный съезд советских писателей состоялся 18–23 мая 1959 г.

³ Стефан Андреас участвовал в движении «Борьба с атомной смертью» («Kampf dem Atomtod»), которое было важной вехой в истории протеста общества ФРГ против атомного вооружения бундесвера. Комитет «Борьба с атомной смертью» выступил с призывом отказаться от атомного оружия, этот призыв подписали многие деятели культуры, в том числе писатели (Андреас, Бёлль, Эрих Кестнер, Ханс Хенни Янн и др.). Андреас был самым активным участником движения среди писателей, его имя было на плакатах комитета, им было написано множество речей; своими выступлениями, нередко вызывавшими бурную реакцию у аудитории, он обратил на себя внимание советских дипломатов.

⁴ Тамара Лазаревна Мотылева (1910–1992) – советский литературовед, специалист по истории западных литератур, литературным взаимосвязям, работала с приезжавшими в СССР немецкими писателями. Окончила МГУ (1930), с 1943 г. член Союза писателей СССР, принимала участие в работе Иностранной комиссии ССП. В 1940–1949 гг. сотрудник ИМЛИ, уволена в ходе кампании по борьбе с «космополитами»; в 1947 г. защитила докторскую диссертацию «Л.Н. Толстой во французской литературе и критике». Профессор, затем заведующая кафедрой Литературного института им. А.М. Горького (1956–1963). Автор книг о немецкой литературе: «Немецкая литература в борьбе против фашизма» (1942), «Анна Зегерс: критико-биографический очерк» (1953), «Первый антифашистский роман: “Верноподданный” Г. Манна» (1974), «Томас Манн и русская литература» (1975) и др.

II. ОТЧЕТ

гида-переводчика В. Ивановой о работе с западногерманским писателем Стефаном Андреасом и его супругой Доротти Андреас во время их пребывания в Советском Союзе (11 сентября – 2 октября 1959 г.)

По поручению Иностранной комиссии СП СССР мною была проведена работа с С. Андреасом и Д. Андреас с 11 сентября по 2 октября 1959 года.

11 сентября 1959 г. День приезда. Осмотр города. Посещение университета на Ленинских горах, стадиона им. В.И. Ленина, Кремля. Вечером – прогулка по центру Москвы. С. Андреас выражал восхищение строительством юго-западного района и прекрасной архитектурой Москвы.

12 сентября 1959 г. Беседа в Союзе писателей с секретарем Правления СП СССР т. А.Сурковым по программе пребывания С. Андреаса в СССР.

С. Андрес выразил свое желание понять душу русского народа и народов СССР и сочетание исторического прошлого и нынешнего дня, а также установить связи между писателями Западной Германии и Советского Союза. Запись на пленку беседы с С. Андресом представителя Радиокomiteта. После беседы – осмотр дома-музея Чехова, Третьяковской галереи, посещение театра кукол «Дело о разводе»¹. С. Андрес восхищался русской живописью и блестящей игрой кукол.

13 сентября. Посещение Новодевичьего монастыря, Елоховской церкви и Сокольнического парка, т.к. С. Андрес желал видеть, где народ молится и как отдыхает. С. Андрес выражал свое удовлетворение тем, что много верующих, что «русская душа не погибнет», и что вера русских проявляется искренне и открыто.

14 сентября. Посещение польской и румынской промышленных выставок в Парке культуры и отдыха им. Горького, осмотр храма Василия Блаженного. С. Андрес считает достижения промышленности Польши и Румынии значительными, но с художественной, эстетической точки зрения – вчерашними, недостаточно современными по форме и отделке. Вечером – посещение театра им. Станиславского и Немировича-Данченко. «Эсмеральда»². С. Андрес выразил восхищение советским балетом.

15 сентября. Посещение Загорска, осмотр Лавры, музея в Абрамцеве, затем в тот же день – осмотр Выставки достижения народного хозяйства, главным образом, павильонов Средней Азии и циркорамы. С. Андрес восторгался храмами Загорска, интересовался положением религиозных культов и священнослужителей в Советском Союзе и был совершенно удовлетворен полученными сведениями.

Интервью корреспондентам газеты «Литература и жизнь» (опубл. 16.9.59).

Вечером – отъезд в Ленинград.

16 сентября. Приезд в Ленинград. Осмотр города. Посещение Петергофа. С. Андрес неоднократно выражал возмущение фашистами, совершившими варварские разрушения. Говорил, что обязательно напишет об этом, и расспрашивал о подробностях сопровождавшего нас представителя Ленинградского отделения СП СССР Савицкого³, дававшего исчерпывающие объяснения. Затем – экскурсия по Ленинграду, посещение дома Пушкина, Исаакиевского собора, где С. Андрес выразил недовольство тем, что там запрещено фотографировать город сверху, и считал это неразумным ущемлением личной свободы, не приносящим пользы государству. Затем осматривали ленинградское метро, вызвавшее восхищение С. Андреса в сравнении с другими городами Европы. Вечером С. Андрес беседовал

с писателем В. Рождественским⁴ об идее бога и о русской истории, причем В. Рождественский очень удачно полемизировал с С. Андресом.

17 сентября. Посещение Смольного и Петропавловской крепости, после чего С. Андрес сказал, что теперь многое понял, а также и то, что революция в России была необходимостью, дальше народ терпеть не мог, и коммунизм – именно то, что нужно России. Затем – посещение г. Пушкина и вечером – маленькие балеты Чайковского в оперном театре⁵. С. Андрес очень хвалил русскую музыку и балет и выражал мысль о том, что богатства русских царей выжимались из народа за счет его нищеты.

18 сентября. Посещение Александро-Невской лавры и Эрмитажа. Эрмитаж произвел на С. Андреса огромное впечатление, причем С. Андрес заявил, что не ожидал встретить в России так много картин почти современных художников и очень рад этому. Ленинградский театр кукол, где мы смотрели «Гал[а]тею»⁶, понравился С.Андресу еще больше, чем Московский. Вечером – отъезд в Москву.

19 сентября. Приезд в Москву. Посещение усадьбы Л. Толстого, где С. Андрес сказал, что только теперь понял, до чего необходима и неизбежна была революция в России, увидел по фотографиям и документам всю нищету и горе русского народа при царизме.

Затем мы посетили Музей изобразительных искусств им. Пушкина, где С. Андрес восторгался вкусом директора музея, приобретшего прекрасные произведения Гогена, Матисса, Пикассо и др. Затем С. Андреса интервьюировал корреспондент журнала «Советская женщина»⁷ тов. Боев, и С. Андрес заявил, что не боится говорить здесь все, что хочет, и что у нас неверные представления о порядках в Западной Германии. Далее он заявил, что считает коммунизм необходимым и пригодным для России – но только для России, также, как западный капиталистический строй – для Запада.

20 сентября. Вторичное посещение Третьяковской галереи. Осмотр иконописи. Затем – Оружейная палата, где С. Андрес, восхищаясь прекрасными произведениями искусства и ремесла, говорил о том, что все это было возможно только за счет эксплуатации народа; за счет его низкого уровня жизни накапливались у царей такие богатства.

Отлет в Ереван.

21 сентября. Прибытие в Ереван. Здесь нас все время сопровождал писатель Р. Арамян⁸. С. Андрес восхищался его любовью к Армении и ее истории. Поездка по городу сопровождалась историческими справками Арамяна. С. Андрес фотографировал живописные уголки старого и великолепные здания нового Еревана. При фотографировании базара произошел

следующий инцидент: один человек, кажется, не являвшийся официальным лицом, потребовал, чтобы перестали фотографировать. Тов. Арамян постарался его успокоить, и мы уехали. В дальнейшем я старалась осторожно препятствовать фотографированию плохо одетых людей.

С. Андрес все же заметил мои старания, и мне пришлось дать ему следующее объяснение: для него, как он говорит, это просто живописные группы селян и их жилищ, а наши враги могут использовать его фотографии для агитации против нас. Он заверил меня в своих добрых намерениях по отношению к СССР и в дальнейшем был осторожнее в выборе объектов.

Затем посетили «Матенадаран» – книгохранилище – и прослушали объяснения научных сотрудников тов. Абгаряна и Ареветяна⁹. С. Андрес был восхищен древними рукописями и рисунками и заявил, что они значительно интереснее и ценнее персидских, известных во всем мире, и он сделает все, что от него зависит, чтобы они стали более широко известны.

Затем – посещение развалин древней крепости Звартиоц, Эчмиадзина¹⁰, где С. Андрес беседовал с католикосом. Суть беседы сводилась к тому, что С. Андрес предлагал всем верующим подать друг другу руки через все границы и не забывать веры. С. Андрес остался очень доволен ответами католикоса на его вопросы о положении религии в Армении, близкой ему как библейская страна. Затем нам показали церковь и музей Эчмиадзина и пригласили в семинарию, где семинаристы по просьбе с. Андреса пели народные и религиозные песни. С. Андрес обратился к ним с краткой речью, где говорил о том, как он понимает роль священника среди населения: он должен быть всем примером в своем поведении, морали, воодушевленном служении богу, и не должен забывать, что «не хлебом единым жив человек».

22 сентября. Посещение исторического музея, музея истории армянского театра и картинной галереи. С. Андресу понравились старинные портреты, а из современных художников только Сарьян. Затем мы посетили несколько окрестных церквей и колхозный клуб в селе Аштарак. По пути заехали на поле, где ночью дежурили колхозники. Везде нас встречали очень радушно, и С. Андрес говорил, что простой народ Армении ему очень близок и дорог.

23 сентября. Поездка в Гар[н]и – древнюю крепость и языческий храм, Гегар[д] – монастырь и церковь в горах¹². С. Андрес восхищался архитектурой древних армянских храмов и расспрашивал монахов о жизни еремитов.

Затем посетили озеро Севан и две церкви на полуострове.

24 сентября. Поездка в дер. Ашнак, беседы с колхозниками, обед, народные танцы. На обеде произносились тосты за советскую власть, дав-

шую колхозникам новую жизнь, против войны и национального угнетения. Колхозники рассказывали С. Андресу об ужасах турецко-армянской резни¹³, о возвращении армян из разных стран на родину, пели народные песни, рассказывали народные басни. С. Андрес был глубоко тронут и обещал писать об Армении, ее трагической истории в прошлом и счастливой жизни в настоящем.

25 сентября. В полете. Прилет в Москву.

26 сентября. Посещение Коломенской церкви, где С. Андрес снова высказал свое удовлетворение положением религии в России и религиозным чувством русских. Вечером супруги Андрес посетили своего друга, посланника ФРГ г-на Больца.

27 сентября. Отлет в Киев. В Киеве осмотр с писателем Бедзиком¹⁴ и его супругой города и Софийского собора, церковью Лавры и музея. Варварское разрушение фашистами главного храма Лавры возмутило С. Андреса, и он заявил, что расследует это дело и напишет об этом.

Гостиница «Интурист» С. Андресу не понравилась. Было много беспорядков – грязь, не закрывающиеся окна, не вовремя подавали кушать, недостаточно предупредительно разговаривали.

28 сентября. Посещение пещер Лавры¹⁵, затем завтрак у Корнейчука. С. Андрес снова говорил, что считает коммунизм правильным для России, что, если бы он родился в России, он сам был бы коммунистом, но для Запада коммунизм не подходит, им нравятся их система, и он просит не навязывать коммунизма Западу, считая, что только при этом условии возможны дружеские связи между этими двумя системами. Тов. Корнейчук отвечал, что Советский Союз никому не навязывает своей системы, и рассказывал С. Андресу о Гражданской войне и переживаниях народов Советского Союза в борьбе за победу. С. Андрес в резкой форме говорил о нарушениях законности во времена Сталина, и тов. Корнейчук с большим жаром объяснял поступки Сталина его многолетней борьбой против внешних и внутренних врагов, всей историей нашего государства и тем, что враги держали Сталина в напряжении и использовали это его состояние.

Тов. В. Василевская, супруга Корнейчука, приводила примеры сознательности нашего народа при его помощи Польше. С. Андресу очень понравились т. Корнейчук и В. Василевская, их искренняя, горячая вера в коммунизм. Он говорил после: «Пусть я разделяю не все их взгляды, но эту их веру нужно уважать, как всякую веру».

Затем был прием в СП Украины, где присутствовали: т.т. Дмитерко, Смолич, Бедзи[к], Петровский, Козаченко, Затонский и Корица¹⁶. На приеме С. Андрес снова говорил о том, что он против навязывания коммунизма

Западу, считая, что он пригоден только для Советского Союза. Писатели возражали, говоря, что не навязывают коммунизма, а он сам доказал свое превосходство запуском спутников и ракет. Затем были произнесены речи о мире и дружбе между писателями разных стран, о необходимости литературных связей и возможностях, выросших в последнее время в связи с политическими событиями и поездками товарища Хрущева¹⁷.

С. Андрес неоднократно подчеркивал, что Аденауэр и правительство Западной Германии не желают войны, и что только определенные круги и группки промышленников стараются навязать войну Германии.

29 сентября. Приезд в Москву. У С. Андреса – гости из ФРГ.

30 сентября. Посещение музея и церкви села Коломенского, что произвело на С. Андреса большое впечатление, особенно работы русских мастеров. Вечером посетили Кремлевский театр – ансамбль армянского народного танца, очень понравившийся С. Андресу.

1 октября. Осмотр дворцовых зал[ов] Кремля – экскурсия организована посольством ФРГ, вел г-н Казак из посольства¹⁸.

На обед был приглашен писатель Лидин¹⁹, очень понравился С. Андресу. Затем была встреча в СП с критиками и переводчиками. С. Андрес, отвечая на вопросы, заявил, что Ремарк на Западе не считается крупным писателем²⁰. Он говорил, что там иной подход к творчеству, чем у нас. Основным критерием считается «магия слова», умение привести читателя в определенное состояние. Про И. Бехера С. Андрес говорил, что сонеты его прекрасны, потом он стал писать хуже, и последние его стихи с рефреном «партия всегда права» стоят вне литературы и стихами называться не имеют права²¹. Затем он говорил о том, что на Западе запретить книгу очень сложно, и в основном запрещают книги, разлагающе действующие на мораль, но и это бывает редко. Причем большую роль играет мнение общественности, [которое] влияет на запрещение или снятие запрещения. Далее С. Андрес сказал, что уже меньше стало безнравственных комиксов, портивших молодежь.

Многие книги запрещено продавать молодежи, продают только взрослым. Писать можно все, что угодно, но не всегда легко найти издателя или театр для постановки, т.к. они часто руководствуются соображениями карьеры и рынка, конъюнктуры. Многие не ставят вещей критического содержания, не желая вставать в оппозицию к правительству. Но никто им этого официально не запрещает. (Эти мысли С. Андрес выражал неоднократно и прежде и в беседе с тов. Боевым, корреспондентом «Советской женщины» и в других беседах.) С. Андрес рекомендовал некоторые свои произведения для перевода на русский язык.

Вечером – отъезд в Польшу и Германию. Провожали из Посольства Казак и супруга Больца, из СП СССР – т. Стеженский В.И.²², преподнесший С. Андресу подарки.

Публикуется по: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3164. Рус. маш. коп.

¹ «Дело о разводе» – спектакль Государственного Центрального театра кукол. Автор пьесы и постановщик – Е.В. Сперанский (1903–1999), актер, драматург, один из основателей театра. Премьера состоялась 28 декабря 1954 г.

² «Эсмеральда» – балет в 3 действиях, 5 картинах Цезаря Пуни на либретто Жюля Перро (первая постановка 1844 г.). Премьера в Московском музыкальном театре имени К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко состоялась 14 октября 1950 г.

³ Владимир Дмитриевич Савицкий (1922–2009) – писатель, переводчик, критик; закончил филологический факультет ЛГУ (1950) и аспирантуру (1954), защитил кандидатскую диссертацию (1956). С 1957 г. – литературный консультант Ленинградского отделения Союза писателей.

⁴ Всеволод Александрович Рождественский (1895–1977) – поэт, переводчик. Родился в Царском Селе; его отец А.В. Рождественский (1850–1913) – протоиерей, преподаватель Закона Божия в Царскосельском лицее (1878–1907), где начинал учиться Всеволод Рождественский. В 1907 г. семья переехала в Санкт-Петербург, где В.А. Рождественский закончил Первую классическую гимназию и в 1914 г. поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Воевал в чине прапорщика инженерных войск в Первой мировой войне (1915–1917), затем присоединился к Красной Армии, откуда демобилизовался в 1924 г. Закончил университет в 1926 г. В 1918 г. М. Горький пригласил его работать в издательство «Всемирная литература», где он занимался переводом западноевропейской литературы и редактированием. Продолжал занятия переводом (в первую очередь французской поэзии) до конца жизни. Входил в круг младших акмеистов. В 1920 г. принят в третий «Цех поэтов», влиянием акмеизма отмечены его сборники «Лето» и «Золотое веретено» (1921). Был секретарем Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов (1920–1924). С конца 1920-х посещал с литературными бригадами главные стройки первых пятилеток. Участник Великой Отечественной войны, военный корреспондент газет «Ленинградская правда», «На защиту Ленинграда». Участвовал в прорыве блокады Ленинграда.

⁵ Постановка в 1959 г. на сцене Ленинградского Малого оперного театра (МАЛЕГОТа) цикла из трех одноактных балетов по произведениям П.И. Чайковского: («Баллада о любви», «Эрос» и «Франческа да Римини») продолжала созданную в начале XX в. традицию обращения хореографов (А.А. Горского, М.М. Фокина, А. Дункан) к небалетной музыке, что способствовало развитию балетного искусства, симфонизации танца. Одноактные балеты на музыку Чайковского были поставлены двумя хореографами – Ф.В. Лопуховым (1886–1973) и его учеником К.Ф. Боярским (1915–1974). Постановка стала одной из самых масштабных и дорогих в театре.

В 16 картинах спектакля было задействовано более 200 танцоров. Спектакль шел в МАЛЕГОТе до 1962 г.

⁶ Спектакль «Прелестная Галатея» по пьесе Бельи Гадора и Силарда Дарваша (1958) в постановке главного режиссера Ленинградского Большого театра кукол М.М. Королева выдержал более тысячи представлений.

⁷ «Советская женщина» – общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный журнал Комитета советских женщин (осн. 1945), издававшийся при поддержке ВЦСПС. Журнал выпускался в издательстве ЦК КПСС «Правда» и распространялся не только в СССР, но и за рубежом. Вначале выходил раз в 2 месяца (1945–1954), затем ежемесячно. Издавался на русском, английском, немецком, французском (с 1945 г.), испанском, китайском (с 1950 г.), а с 1955 г. еще на нескольких языках.

⁸ Рафаэль Геворкович Арамян (1921–1978) – армянский писатель, прозаик, автор ряда сборников рассказов («Неоседланные лошади», «На подступах к сердцу»). Незадолго до приезда С. Андреса вышла его первая книга – роман «Братья Рубиняны» (1954).

⁹ Матенадаран (в переводе с армянского – «хранилище рукописей») – расположенный в Ереване государственный научно-исследовательский центр и музей, одно из крупнейших мировых хранилищ восточных рукописей. Институт Матенадаран был создан на базе национализированной в 1920 г. коллекции рукописей Эчмиадзинского монастыря (начало создания монастырской коллекции датируется рубежом IV–V вв.). В 1939 г. коллекция была перевезена из Эчмиадзина в Ереван. Современное здание Матенадарана было построено в 1959 г. (архитектор М. Григорян). Г.В. Абгарян, автор ряда трудов и статей о древних рукописных памятниках, занимался, в том числе, историей книгохранилища (*Абгарян Г.В.* Матенадаран. Ереван: Гос. изд-во Армении, 1962; книга подготовлена в НИИ древних рукописей при Совете Министров Армянской ССР).

¹⁰ Звартноц (в переводе с древнеармянского «Храм бдящих ангелов») – храм раннесредневековой армянской архитектуры (середины VII в.), расположенный возле Еревана и Эчмиадзина. Эчмиадзин (Вагаршапат) – город в Араратской долине, один из самых крупных культурных и религиозных центров Армении, исторический центр Армянской Апостольской Церкви. В городе находятся Эчмиадзинский монастырь с резиденцией католикоса, расположенный на территории монастыря Эчмиадзинский кафедральный собор, построенный в IV веке, богословские учебные заведения.

¹¹ Верховный Патриарх и Католикос всех армян Вазген I (в миру Левон Абрамович Палчян, 1908–1994) – первоиерарх Армянской Апостольской Церкви (1955–1994). Крупный религиозный и общественный деятель; за несколько дней до смерти был награжден высшим почетным званием Республики Армении – Национальный Герой Армении.

¹² Историко-архитектурный комплекс Гарни находится рядом с одноименным поселком примерно в 30 км к юго-востоку от Еревана в долине реки Азат. Храм Гарни – единственный сохранившийся на территории Армении памятник эпохи язычества и эллинизма, построен в I в. н.э. армянским царем Трдатом I. Был разрушен в результате землетрясения 1679 г. и восстановлен из руин в советское время. Крепость

Гарни начали строить во II в. до н.э. и продолжали достраивать в средневековье. Армянские цари сделали ее неприступной цитаделью, которая защищала жителей от иноземных нашествий более тысячи лет.

Гегард (более полное название – Гегардаванк, в переводе с армянского «монастырь копья») – основанный в IV в. монастырский комплекс, уникальное архитектурное сооружение в Котайкской области Армении (часть храмов монастырского комплекса выдолблены внутри скал). Расположен в ущелье горной реки Гохт, примерно в 40 км от Еревана. Название монастыря происходит от копья сотника Лонгина, которым был пронзен Иисус Христос на Кресте. Святыню привез в Армению апостол Фаддей; сейчас копье находится в музее Эчмиадзина.

¹³ Имеется в виду физическое уничтожение христианского этнического армянского населения Османской империи (весна 1915 – осень 1916). В Османской империи проживало около 1,5 млн. армян. Во время истребления армян погибло по меньшей мере 664 тыс. человек.

¹⁴ С. Андрес встречался с одним из представителей известной украинской писательской династии. Это мог быть либо Дмитрий Иванович Бедзик (1898–1982) – прозаик, драматург, журналист, выходец из бедной крестьянской семьи, выпускник филологического факультета Харьковского университета (1926), либо его сын Юрий Дмитриевич Бедзик (1925–2008) – писатель, публицист, участник Великой Отечественной войны, выпускник дипломатического факультета Киевского университета (1949). После университета и аспирантуры Ю.Д. Бедзик стал преподавателем Киевского университета, членом Союза писателей СССР, секретарем Киевского союза писателей УССР. Публиковаться начал с 1954 г.

¹⁵ Киево-Печерская Лавра с комплексом подземных пещер, где покоятся мощи печерских подвижников.

¹⁶ Любомир Дмитриевич Дмитерко (1911–1985) – советский украинский писатель, прозаик, поэт и сценарист, драматург. Пришел в литературу в 1928 г. Участник Великой Отечественной войны, награжден тремя орденами. Автор ряда пьес о войне – «Фронт», «Хрещатый яр» («Генерал Ватугин»).

Юрий Корнеевич (Корнильевич) Смолич (1900–1976) – украинский советский писатель, журналист, театральный критик, публицист. Брат белоэмигранта, историка Русской церкви Игоря Смолича. Начал печататься в 1924 г. Творчество Ю.К. Смолича обширно и разнообразно (социальные, бытовые, фантастические, сатирические романы, повести и рассказы, пьесы, которые часто ставились в украинских и московских театрах). Во время войны находился в эвакуации. После войны сделал большую литературную и партийно-номенклатурную карьеру: член правления Союза писателей СССР (1942), заместитель председателя ССП (1944), председатель Союза писателей УССР (1971–1973), секретарь правления Союза писателей СССР (1971). Был депутатом Верховного Совета УССР, кандидатом в члены ЦК КПУ.

Василий Павлович Козаченко (1913–1995) – украинский прозаик. В 1938 г. окончил филологический факультет Киевского университета, работал в редакции журнала «Советская литература» (1939–1941). Участник партизанского движения и подполья в годы войны. С 1959 г. – сначала ответственный секретарь, затем первый заместитель председателя Союза писателей УССР. В 1957 г. в составе украинской

правительственной делегации принимал участие в работе Генеральной Ассамблеи ООН. Был депутатом Верховного Совета УССР.

Дмитрий Владимирович Затонский (1922–2009) – советский и украинский литературовед и литературный критик. Окончил филологический факультет Киевского университета, работал научным сотрудником в Институте литературы им. Т. Шевченко АН УССР, где основал отдел зарубежной литературы, которым заведовал с 1962 по 1974 г.; затем стал директором Института.

¹⁷ Как раз во время пребывания С. Андреса в СССР состоялся первый визит Н.С. Хрущева в США (15–27 сентября 1959 г.) – через два месяца после приезда в СССР вице-президента США Ричарда Никсона.

¹⁸ Вольфганг Казак (Wolfgang Kasack, 1927–2003) – немецкий славист, литературовед, переводчик. Сын известного писателя Германа Казака. 17-летним был мобилизован, попал на фронт, оказался в советском лагере для военнопленных, где познакомился с русским языком и культурой. В 1951 г. окончил Гейдельбергский университет, изучал славистику в Геттингенском университете (1951–1953), где получил степень доктора наук. Работал переводчиком в посольстве ФРГ в Москве (1956–1960). В 1969 г. стал заведующим кафедрой славянской филологии и директором Института славистики Кельнского университета. Казак переводил на немецкий язык Каверина, Паустовского, Розова, Солженицына, Тендрякова и ряд др. авторов. Создатель монументального труда «Энциклопедический словарь русской литературы XX века» (Lexikon der russischen Literatur ab 1917, 1976; рус. пер.: Казак В. Лексикон русской литературы XX века. М.: Культура, 1996. 491с.).

¹⁹ Владимир Германович Лидин (наст. фамилия Гомберг, 1894–1979) – русский советский писатель, библиофил. Родился в московской купеческой семье, учился в Лазаревском институте восточных языков, окончил юридический факультет Московского университета (1915). Начал публиковать рассказы в студенческие годы. Во время гражданской войны воевал в Красной армии. В 1920-е совершил несколько поездок по Западной Европе и Ближнему Востоку. Не принадлежал ни к какой из литературных группировок. Был хорошо знаком со многими писателями, далекими от советского литературного истеблишмента, о которых рассказывал в мемуарах «Люди и встречи» (первое изд. 1957). Более 30-ти лет преподавал в московском Литературном институте.

²⁰ Как известно, в СССР в 1950–1960-е возник настоящий культ Ремарка.

²¹ После Второй мировой войны Иоганнес Роберт Бехер (1891–1958) выпустил сборники «Das Sonett» (1945), «Wiedergeburt. Buch der Sonette» (1947). Вернувшись из эмиграции в СССР в ГДР, Бехер был избран в Исполком и ЦК СЕПГ, был министром культуры ГДР (1954–1958). В годы хрущевской «оттепели» Бехер постепенно отходит от политической и общественной деятельности, начинает пересматривать свои взгляды и утрачивает веру в идеалы социализма. Эта смена ценностей заметна в его книге «Поэтический принцип» (Das poetische Prinzip. Berlin: Aufbau-Verlag, 1957). В книгу включена работа Бехера «Философия сонета» («Philosophie des Sonetts, oder Kleine Sonettlehre»).

²² Владимир Иванович Стеженский (1921–2000) – переводчик, литературовед (специалист по немецкой литературе), литературный критик. Когда началась война,

В.И. Стеженский учился в МИФЛИ (Московский институт философии, литературы и истории). Окончив курсы военного перевода, он ушел на фронт. Опыт военных лет запечатлен в его книге «Солдатский дневник. Военные страницы» (М.: Аграф, 2005). После войны был сотрудником Иностранной комиссии Союза советских писателей. В.И. Стеженский – переводчик, автор предисловий, редактор, составитель ряда изданий немецких писателей, в т.ч. Г. Манна, У. Бодо, В. Кёппена. На момент визита С. Андреса вышли или готовились к изданию книги в Издательстве иностранной литературы: *Манн Г.* Публицистика / Сост. В. Стеженский (1951); *Поднимаясь к новой жизни. Современная немецкая поэзия (1945–1953)* / Сост. Л. Гинзбург, ред. Е. Долматовский, В. Стеженский, биогр. указатель В. Стеженского (1954); *Бехер И.П.* В защиту поэзии / Сост. Е. Кацева, В. Стеженский (1959); *Немецкая поэзия. 1954–1959* / Ред. Е. Долматовский, В. Стеженский (1960).

Дата поступления в редакцию: 27.06.2023

Received: 27.06.2023

Дата публикации: 30.08.2023

Published: 30.08.2023

**Конституция для «новой цивилизации»:
проект советской Конституции 1936 г.
в оценке Б. Шоу и супругов Уэбб**

© 2023 Ю. А. Скальная

**Constitution for the “New Civilisation”:
The 1936 Constitution of the Soviet Union Project
as Assessed by G.B. Shaw and the Webbs**

© 2023 Yulia A. Skalnaya

УДК 82.01

https://doi.org/10.54791/27823792_2023_4_99_114

Информация об авторе:

Юлия Андреевна Скальная, PhD, канд. филол. наук, ст. преподаватель МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва); доцент ВУ имени князя Александра Невского МО РФ (Москва), с.н.с. ИМЛИ имени А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: julycat@mail.ru.

Ключевые слова: Конституция СССР 1936 г., Бернард Шоу, Сидни и Беатрис Уэбб, И.М. Майский, западно-советские культурные и политические контакты, литература и политика.

Аннотация: В центре внимания данной статьи находится зарубежная рецепция проекта советской Конституции 1936 г. В частности, предметом изучения является оценка этого документа, данная представителями британской художественной и политической элиты, членами Фабианского общества и сторонниками русской революции 1917 г. – Бернардом Шоу и супругами Беатрис и Сидни Уэбб. Целью исследования было обозначить ранее не разрабатывавшееся ни

Information about the author:

Yulia A. Skalnaya, PhD in Philology, Senior Lecturer, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow); Associate Professor, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow); Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: julycat@mail.ru.

Keywords: 1936 Constitution of the Soviet Union, Bernard Shaw, Sydney and Beatrice Webb, Ivan Maisky, Western-Soviet cultural and political contacts, literature and politics.

Abstract: The article centres around the reception received by the project of the 1936 Constitution of the Soviet Union abroad. In particular, the research considers the evaluation of the document given by Bernard Shaw and Beatrice and Sydney Webb – representatives of the British artistic and political elite, Fabian Society members and advocates of the Russian Revolution. The aim of this article is to outline Shaw’s and the Webbs’ overall attitude towards the new

в отечественной, ни в зарубежной науке общее отношение к новой Конституции СССР Уэббов и Шоу как сторонников социализма и приверженцев эволюционного пути развития советской государственности, изучить критические замечания высказанные ими напрямую представителям советской власти или косвенно в дневниковых записях, а также проследить, были ли их замечания приняты к сведению разработчиками проекта при оформлении финального текста Конституции 1936 г. Материалами для исследования послужила частная переписка Шоу и Уэббов с послом СССР в Лондоне И.М. Майским, публикации в периодических изданиях того времени, а также не переведенные на русский язык дневники Беатрис Уэбб.

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393, «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке», <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>

Constitution of the USSR in the light of their socialism and conviction in the necessity of the evolutionary path to be undertaken by the Soviet state; to study their criticism expressed either directly to the Soviet authorities or left unannounced in the dairy entries; and to confirm whether or not that criticism had been taken into account by the creators of the Constitution when editing its final text for ratification. All those aspects have not been previously given proper academic attention either in Russia or abroad. The research employed as its materials the private correspondence of Bernard Shaw, the Webbs and Ivan Maisky (the Soviet ambassador in London at the time), media coverage on the subject of the Soviet Constitution in the 1930s press, and Beatrice Webb's diaries that are not translated into Russian.

Acknowledgement: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Science Foundation, grant no 23-18-00393, “Russia and the West viewing each other: Literature at the intersection of culture and politics, XX century”, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00393/>.

Принятые сокращения:

Майский – *Майский И.М.* Избранная переписка с иностранными корреспондентами: В 2 кн. Кн. 1: 1916–1941 / отв. ред. В.С. Мясников; сост. Н.В. Бойко, А.Д. Воскресенский, Е.В. Косырева, Л.В. Поздеева. М.: Наука, 2011.

К середине 1930-х гг., спустя восемнадцать лет после русской революции 1917 г., советское государство вышло на новый этап своего развития, и стала очевидна необходимость отразить соответствующие изменения на конституционном уровне. Как пишет В.О. Левашко, «завершение процессов индустриализации и коллективизации, изменение классового состава общества, насущные проблемы межнациональных отношений настойчиво

требовали пересмотра основного закона государства»¹. Однако проект советской Конституции 1936 г. выходил далеко за пределы внутригосударственной повестки по модернизации общественного устройства; данный документ должен был в значительной мере стать частью политической кампании по улучшению публичного имиджа СССР, способствуя укреплению международных позиций советского государства и его интеграции в европейское и мировое сообщество как страны, отстаивающей истинную демократию и права человека в противовес растущей фашистской угрозе. В соответствии с масштабностью поставленных задач формулировка тезисов проекта Конституции и их обсуждение были выведены на беспрецедентный уровень: к участию в законотворчестве был привлечен весь советский народ и вся мировая общественность.

Нужно сказать, что, судя по откликам в зарубежной прессе, в целом кампания эта проходила вполне успешно. Московский корреспондент *New York Times* Уолтер Дюранти, ознакомившийся с проектом советской Конституции 1936 г. одним из первых, подчеркивал ее демократический характер и называл ее «хартией свободы и терпимости по отношению к каждому честному гражданину советского государства», «аттестатом зрелости СССР». Он сравнил ее задачи с американской Конституцией, также в свое время родившейся из революции во имя обеспечения всем гражданам права на «свободу и стремление к счастью»².

Забегая вперед, отметим, что Бернард Шоу, как автор пенталогии «Назад к Мафусаилу», где первые 100 лет жизни человека считаются младенчеством, выразил бы сомнение в зрелости советской системы, но Дюранти был совершенно прав, когда отмечал своевременность Конституции:

...она появляется в момент, когда силы реакции в остальном мире велики и угрожающи, как никогда раньше. Во многих больших и малых странах свободы человечества жестко урезаны, и демократическое правительство заменено тиранией. На этом фоне советская Конституция появляется как призыв, как яркое выступление в борьбе за свободу. Если я не ошибаюсь именно в этом отношении воздействие Конституции на общественное мнение за границей, и, в частности, в Соединенных Штатах, явится наиболее сильным³.

¹ Левашко В.О. Сталинская конституция. Тенденции модернизации советского общества // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Серия «История». 2009. № 1. С. 115.

² Дюранти В. Новая советская Конституция // Правда. 1936. 13 июня. № 161. С. 5.

³ Там же.

Действительно, итало-абиссинский конфликт (1935–1936), гражданская война в Испании (1936–1939), вооруженное противостояние Китая и Японии в 1930-е годы, экономические санкции европейских государств друг против друга, приход к власти национал-социализма в Германии и растущая угроза Второй мировой войны – все это явно демонстрировало расшатанность старой системы политических, социальных и экономических взаимоотношений. Поэтому это был момент как нельзя более благоприятный для появления документа, который вводил тайное голосование, проводил реформу судебной системы, законодательно закреплял «обеспечение всем гражданам права на труд, на отдых, на поддержку в старости и во время болезни, права на образование, предоставление полных гражданских прав и равноправия женщинам»¹. Дюранти был уверен, что представленный проект Конституции найдет отклик в умах и сердцах не только американцев, но и всего мира.

Действительно, проект широко обсуждался не только 170-миллионным населением СССР в «Правде» или корреспондентами *New York Times*, но и на страницах французских, немецких, итальянских, голландских, польских, чешских, румынских, греческих, турецких, шведских, норвежских, японских и, разумеется, английских газет. Даже несмотря на то, что консервативные издания, как, например, британская *Times*, пытались игнорировать этот вопрос, а некоторые органы печати старались исказить смысл проекта в угоду антисоветской пропаганде, либеральные и лейбористские по преимуществу газеты все же печатали и хвалебные отзывы.

Интересно, однако, другое. Высказывания о Конституции СССР британского консервативного члена парламента Роберта Бутби, считавшего ее шагом на пути сближения Англии и СССР², писателя и драматурга Джона Бойтона Пристли, восхвалявшего СССР как страну, где «при гарантиях личной свободы, которые дает новая Конституция, художник имеет возможность выявить все силы своего таланта»³, и утопии прошлого могут стать явью; политолога, специалиста по вопросам конституционного права профессора Гарольда Ласки, признававшего, что «советская Конституция дает большую свободу личности, чем это возможно в любой капиталистической стране»⁴, и даже ее обсуждение горняками из уэльского городка

¹ Там же.

² Правда. 1936. 23 июня. № 171. С. 5.

³ Правда. 19 июня. № 167. С. 5.

⁴ Правда. 17 июня. № 165. С. 5.

Абертиллери¹ были преданы газетой «Правда» широкой огласке. А вот отзывы фабианцев Бернарда Шоу, а также Беатрисы и Сидни Уэбб, все это время открыто стоявших на стороне советского эксперимента, ни в английской, ни в советской периодике так и не появились.

Тем не менее, именно к ним обратился советский посол в Лондоне Иван Михайлович Майский в частной переписке с просьбой выразить свое мнение и пожелания к столь важному документу:

Мне было бы очень интересно получить от Вас комментарии и предложения по проекту нашей Конституции. Я бы с удовольствием послал их в Москву, где, я знаю, их бы обязательно приняли к сведению².

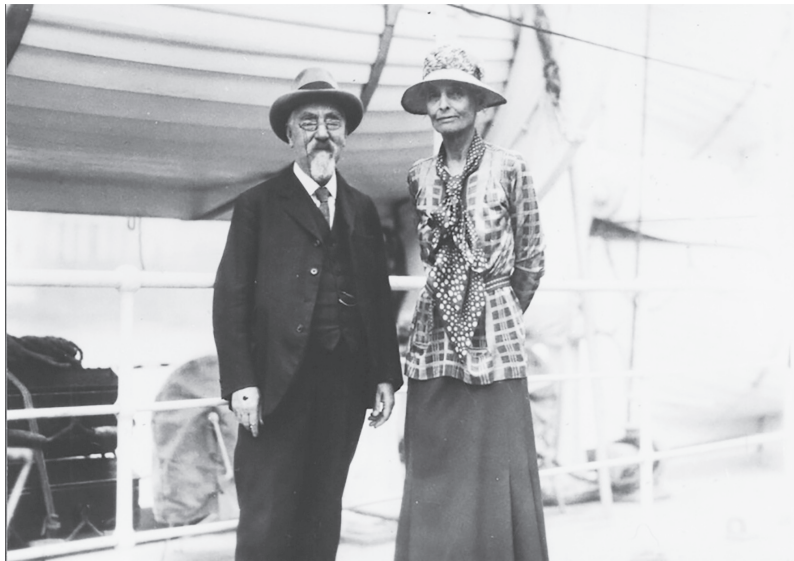
Мнение супругов Уэбб и Шоу было важно для Майского по нескольким причинам: во-первых, все трое были ярыми сторонниками социализма и отстаивали права и свободы рабочих как в публичных лекциях и в печати, так и в парламенте³; во-вторых, все они посетили СССР (Шоу в 1931 г., Беатрис и Сидни – в 1932 г.) и вынесли весьма благоприятный для Советов вердикт, отразившийся в неоконченной книге Шоу «Рационализация России» (*The Rationalization of Russia*, 1932; впервые опубл. 1964) и монументальном двухтомном труде Уэббов «Советский коммунизм – новая цивилизация?» (*Soviet Communism: A New Civilisation?* 1935). Наконец, все трое были близкими знакомыми Майского и его супруги, теплые взаимоотношения с которыми позволяли рассматривать его предложение не просто как политический жест, но в первую очередь как просьбу о дружеском участии в судьбе его страны. Однако просьба эта ко многому обязывала.

Когда Уэббы опубликовали первую редакцию «Советского коммунизма» (еще за год до публикации проекта Конституции 1936 г.), они выразили скепсис в отношении своих возможностей вынести четкое суждение об основном законе СССР:

¹ Правда. 1936. 17 июня. № 165. С. 5.

² И.М. Майский – С. Вэббу. 17 июля 1936 г. (Майский: 222).

³ Сидни Уэбб был членом Лейбористской партии, а в 1920-е депутатом Палаты общин и занимал несколько министерских постов. Помимо регулярных выступлений в СМИ Сидни Уэбб совместно с женой и при поддержке Б. Шоу основал журнал *New Statesman*, транслировавший социалистические идеи и противопоставлявший себя антисоветски настроенным британским изданиям в попытке объективно освещать ситуацию в СССР.

Сидни и Беатрис Уэбб отправляются в СССР, 1932 г.

Источник: LSELibrary <https://www.flickr.com/photos/lselibrary/3835964767/>

Можем ли мы отважиться дать краткий общий очерк этой не поддающейся точному формулированию конституции, прежде чем приступить к описанию ее различных частей? <...> такой очерк, возможно, вызовет больше вопросов, нежели даст ответов...¹.

Сама глава, посвященная «Конституции в целом», представляла собой подробное описание разветвленной и несколько запутанной пирамидальной структуры советского государства. Если обратиться к личной переписке Майского с четой Уэбб, хранящейся в АВП РФ и опубликованной издательством «Наука» в 2011 г., то писем, выражающих конкретную позицию Сидни и Беатрис по проекту сталинской конституции, мы не находим, однако в дневниках Беатрис Уэбб осталось немало примечательных записей, содержащих размышления о политической ситуации в СССР. Во-первых, обращает на себя внимание запись от 19 июня 1936 г., из которой следует, что запросы на комментарий Уэббов по поводу Конституции и других знаковых событий в жизни СССР начали поступать им

¹ Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм – новая цивилизация? М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1937. Т. 1. С. 12.

задолго до личного обращения Майского и стали причиной легкого раздражения:

В последние несколько дней нам поступают звонки и телеграммы из Москвы с требованием высказаться по поводу новой конституции и смерти Горького. Новая цивилизация довольно утомительна в своем неумном стремлении у мировому одобрению¹.

Тем не менее, в дальнейших записях Беатрис отчетливо видно неравнодушные Уэббов к судьбе советского коммунизма и обеспокоенность тем, как внутренние склоки в правящих кругах могут подвергнуть риску все прежние успехи:

Все, что нас заботит, – это сохранение, развитие и, если это возможно, распространение советского коммунизма. Что же беспокоит нас в наивысшей степени, так это разногласия внутри СССР. Советские государственные деятели решили проблему обеспечения значительной степени равенства среди постоянно растущего изобилия; но проблема, оставшаяся ими не решенной, – это свобода выражения мнений. <...>

Я утешаю себя мыслью, что свобода выражения мнений невозможна до тех пор, пока не будет установлен новый порядок. <...>

Судя по последствиям всех прежних революций, <...> изменения в отношениях между классами, особенно в отношении прав собственности, всегда в течение некоторого времени сопровождалось ограничениями свободы личности. Те, кто осуществил революцию путем заговора и насилия, всегда будут подозревать других в том, что они сделают то же самое. Еще один вопрос, который здесь возникает, – как выбрать лидеров <...>²

Беатрис и Сидни Уэбб, в частности, не устраивал существовавший в практике советской правящей партии метод кооптации – принятия в ее состав новых членов простым решением правящей элиты в обход голосования. Все большую обеспокоенность вызывал и другой «недостаток в конституции – или скорее в практике советского коммунизма – это существование лидера, который фактически становится диктатором – Папой [Pope].

¹ Beatrice Webb's Typescript Diary: 1 January 1935 – 27 December 1937. P. 6187. <https://lse-atom.arkivum.net/uklse-dl1wd010020010011-uklse-dl1-wd01-002-001-0011-0001-pdf>.

² Ibid. P. 6243.

Но вероятно, эта практика отпадет со смертью Сталина (?). Взлет Муссолини и Гитлера к высшей власти превратил этот аспект советской власти в карикатуру – нет худа без добра»¹. Однако, судя по переписке с четой Майских и воспоминаниям о взаимных визитах и беседах, которые Беатрис довольно подробно освещала в своих дневниках, вопрос о существовании диктатуры в СССР в разговорах с советским послом ими не поднимался. Гораздо активнее Уэббы обсуждали данную проблему с Шоу – особенно на фоне ареста предыдущего советского полпреда в Великобритании Григория Сокольников по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра»². Как и Майский, Сокольников за время своего представительства в Лондоне свел близкое знакомство с фабианцами и завоевал их симпатии. Поэтому даже у Шоу, активно защищавшего СССР от нападков в печати, в частных письмах явно проступает определенная растерянность и разочарование:

Эта русская заварушка весьма загадочна. Выглядит как папистский заговор, только без Тита Оутса, или как очередная эпидемия охоты на ведьм. <...> Можно представить себе, чтобы [Сталин] был убит кем-то вроде Фелтона, Равальяка или Чолгоша; но [идея] заговора с целью его убийства, организованного таким рассудительным человеком, как Сокольников, позволяет предположить существование серьезной угрозы коммунизму: то, что его лидеры не обладают сознанием, способным осмыслить все [трезво] и регрессируют обратно к домарксистским представлениям о политике. Была ли новая конституция симптомом этого рецидива или же она была глупой попыткой примириться с западными предрассудками вместо того, чтобы преднамеренно шокировать их по каждому ключевому вопросу, пока они не пали бы под моральным давлением [bombardment]?

Полагаю, нам следует подождать, пока мы получим какие-то достоверные новости³.

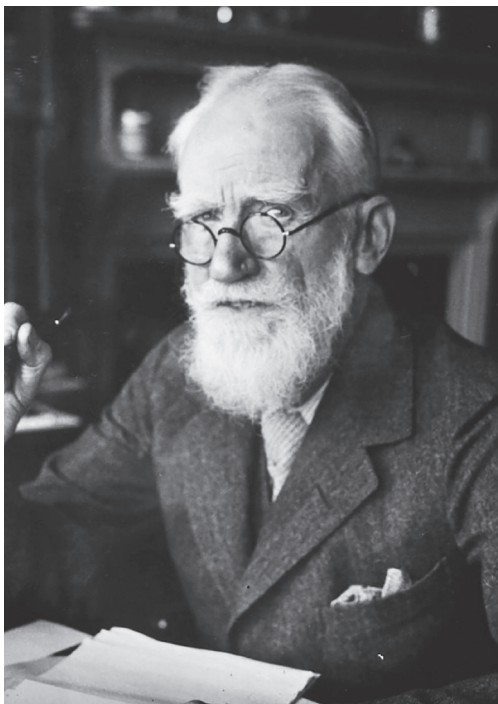
¹ Ibid. P. 6244.

² Григорий Яковлевич Сокольников (1888–1939) был пятым полномочным представителем СССР в Великобритании с 1929 по 1932 г. и за время пребывания в Лондоне не раз совместно с супругой Г.И. Серебряковой был гостем у Уэббов и четы Шоу. 26 июля 1936 г. он был арестован как бывший член оппозиции по обвинению в шпионаже, сотрудничестве с представителями иностранных государств по линии борьбы против СССР и организации террористических актов против главных представителей партии и советского правительства.

³ Shaw B. Collected Letters: In 4 vols / ed. by Dan H. Lawrence. Vol. 4: 1926–1950. New York: Max Reinhardt Ltd, 1988. P. 441.

Однако в частные подробности процесса против Сокольников и Радека их, разумеется, никто не посвящал, и вряд ли дальнейшая судьба подсудимых была действительно известна фабианцам. Тем не менее, богатый жизненный опыт и непосредственное знание внутренних механизмов политики не внушали Беатрис Уэбб иллюзий по поводу мирного разрешения намечавшихся в первой половине 1930-х гг. конфликтов. Той же осенью 1936 г. она пишет:

Рано или поздно внутри коммунистической партии разразится борьба не на жизнь а на смерть между бюрократическим элементом – старой гвардией, жадной до власти, – с одной стороны, и кипящими энергией, жаждущими самоутверждения членами комсомола по всему СССР, борющимися за свободу выражения новых течений [общественного] мнения¹.

Бернард Шоу. Источник: Hulton Archive
<https://photos.com/featured/bernard-shaw-hulton-archive.html>

Шоу тем временем со своей стороны решил предпринять все возможные меры, чтобы проект советской Конституции не превратился в пустой звук, и 16 ноября 1936 г. написал Майскому развернутое письмо, где по пунктам изложил свои критические замечания. Часть из них, в соответствии с эпатажной манерой ирландского драматурга, носила несколько бурлескный характер – например, критика 12-й статьи, которую Шоу назвал «фундаментально и недопустимо неправильной», так как в ней «св.

¹ Beatrice Webb's Typescript Diary: 1 January 1935 – 27 December 1937. P. 6244.

Павла заменили на Карла Маркса» (Майский: 244). Речь шла о статье, где вводились принципы: «кто не работает, тот не ест» и «от каждого по его способностям, каждому – по его труду»¹. Шоу замечает:

По всей вероятности, Сталин не читал мою пьесу «Майор Барбара» и предисловие к ней. Понятие о том, что если человек не будет работать, то можно оставить его голодать, является ультрабуржуазным. В действительности неработающий человек не остается голодать. Он превращается в бродягу, попрошайку, неимущего. <...> Коммунистическое государство не должно терпеть бедность и безработицу. Оно не должно оставлять людей голодать ни при каких обстоятельствах. Бедность – христианская добродетель, но для коммунистов это преступление. Капиталистический принцип – «хочешь – работай, не хочешь – не работай, но со всеми вытекающими последствиями безработного существования, а именно, что ты будешь бедным, грязным, оборванным и, в конце концов, умрешь жалкой смертью от голода, если только не будешь приставать к людям, прося подачки», – этот принцип полностью противоречит коммунистическому кодексу, согласно которому бедность является смертным грехом, а безделье – преступлением, за которое человек после сытного завтрака подлежит ликвидации (Майский: 244–245).

Несмотря на то, что драматург предлагает составителям конституционного проекта отказаться от ряда формулировок под тем предлогом, что св. Павел, хоть и был «своего рода гением, но при этом сумасшедшим и большим дураком, и все его заповеди заведомо неправильны», за внешне шутовым фасадом здесь скрывалось отчетливое понимание тенденции к мифологизации фигуры Маркса – нового объекта поклонения сродни религиозному. С другой стороны, Шоу демонстрирует прекрасное знание социально-экономических механизмов, которые действуют таким образом, что бедность, голод и попрошайничество неизбежно выливаются в спонсируемое частными сердобольными гражданами иждивенчество и увеличение маргинального слоя, – а это является бременем и опасностью для любого процветающего государства. Эти вопросы Шоу досконально изучил во время работы над циклом «неприятных пьес», где поднимались вопросы жизни в городских трущобах и проституции как ремесле, публично

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). Здесь и далее цит. по: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/

осуждаемом и, тем не менее, обусловленном социальным строем и государственной политикой. Таким образом, во внешне шутливой форме Шоу, подобно своим предшественникам и учителям – Вольтеру и Мольеру, ставил вполне разумные и серьезные вопросы.

Шоу, в частности, заботило отсутствие в Конституции «запрета на жестокое обращение и применение пыток полицией для получения показаний» (Майский: 245). К статье 17-й («За каждой Союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР») он дает с исторической точки зрения весьма справедливый комментарий:

...внешне все хорошо, но если Украина, Грузия или казаки предпримут попытку отделиться, я почти не сомневаюсь, что это может привести к повторению американской гражданской войны 1861–1865 гг. (Майский: 246).

Статьи 135-я и 136-я, перечисляющие аспекты равенства всех совершеннолетних граждан, принимающих участие в выборах, Шоу отмечает как бессмысленные, тогда как 134-я статья, где перечисляются правящие органы, состав которых избирается при помощи голосования, напротив, по его мнению, крайне важна и нуждается в существенных уточнениях и расширении списка этих органов

Советом национальностей, Советом комиссаров, Президиумами, Верховным судом и Государственной прокуратурой, так как они обеспечивают равновесие между всесильным кабинетом министров и очень сильной бюрократией и грубой демократией, которая является результатом безграмотного всеобщего голосования (Майский: 245).

Не менее важной, по мнению драматурга, была и 141-я статья, устанавливавшая правила выдвижения кандидатов на выборы. Регламент, сохранившийся в Конституции по данному вопросу, на взгляд Шоу, выглядел как «ограничение права любого дурака или сумасшедшего быть избранным», то есть, по сути, сводился к «ограничению права быть назначенным на работу в государственных органах». В письме Майскому Шоу подчеркивал, что здесь речь в первую очередь должна идти о квалификационных требованиях:

...в коммунистическом правительстве неквалифицированные депутаты могут принести огромный вред, и в будущем кандидаты в депутаты почти наверняка будут проходить более-менее строгие проверки на компетентность

и знания, но не такие, как современные академические экзамены, которые в большинстве своем являются абсолютно бесполезными. Ведь если, к примеру, Сталину надо будет удалить зуб, он же не пойдет к деревенскому кузнецу (Майский: 245).

Критиковал Шоу и терминологические неточности в формулировках: «В политике не существует такого понятия как “непреложный закон”. СССР не должен оперировать догмами». Однако следует признать, что не во всех комментариях драматург руководствовался только здравым смыслом. Например, в случае со статьей 127-й, гарантировавшей неприкосновенность личности гражданам СССР, Шоу взрывается тирадой по глубоко личной для него проблеме:

По всей вероятности, авторы этой статьи думали только о свободе от ареста. Но в России опасность медицинской тирании намного выше, чем опасность политической тирании, потому что большевики очень ревниво относятся к полицейской власти, но безгранично верят во всемогущество и непогрешимость таких идиотов, как Павлов (Майский: 245).

(Необходимо пояснить, что из-за смерти младшей сестры Шоу в результате врачебной ошибки у него с юности осталось глубокое недоверие к медицине и вакцинации, а на момент популяризации в Англии трудов И.П. Павлова Шоу был активным участником собраний противников вивисекции.)

Когда И.М. Майский получил от Шоу внушительный список рекомендаций, в ответ на последний комментарий он благодушно посоветовал драматургу:

...не очень беспокойтесь по поводу нашей безоговорочной веры в медицинских вопросах. Дело в том, что здоровье наших людей улучшается с каждым годом, и это заслуга не только медиков!¹.

Однако все остальные замечания посол принял с должным уважением к Шоу и гордостью за свою страну:

Я очень рад Вашим замечаниям и, я думаю, Вы отдадите должное нам, большевикам: мы не отвергаем критику, мы приветствуем ее. Более того, мы даже занимаемся самокритикой!

¹ И.М. Майский – Б. Шоу. 18 ноября 1936 г. (Майский: 247).

И.М. Майский в 1930-х гг. Источник: The Boston Globe. <https://www.bostonglobe.com/ideas/2015/10/07/ivan-maisky/UxF0h603yDyzL3Sp1LTRVN/story.html>

Конечно, я переправлю Ваше письмо в Москву, где, я уверен, его примут к сведению.

Я не стану обсуждать здесь все Ваши замечания, но не могу не напомнить, что, в конце концов, это Конституция не коммунистического государства. Это Конституция Советского Союза на современном этапе его борьбы на пути к коммунистическому обществу, и на этом этапе Советский Союз является социалистическим государством.

Дайте нам, пожалуйста, еще немного времени, прежде чем требовать стопроцентного коммунизма в нашей Конституции! <...> я уверен, что в ее окончательном виде новая Конституция будет приближена если не ко всем Вашим пожеланиям, то, по крайней мере, к нуждам современности (Майский: 247).

Несмотря на искренние заверения посла СССР в том, что в Москве тщательнейшим образом изучат все возражения и предложения Шоу, итоговый текст Конституции, ратифицированный в декабре 1936 г., в основном свидетельствовал об обратном. Статья 12-я, которую Шоу предлагал сократить, и статьи 127-я, 134-я и 141-я, которые он предлагал дополнить, остались без изменений, равно как и статья, гарантировавшая право сво-

бодного выхода республик из состава СССР. Однако длинная статья 136-я, которую драматург заклеил как не имеющую смысла, была разумным образом сокращена до краткой формулы: «Выборы депутатов являются равными: каждый гражданин имеет один голос; все граждане участвуют в выборах на равных основаниях». И в статье 123-й, где Шоу не устроила терминология, в англоязычной версии все же заменили “immutable law” на “indefeasible law”¹ – формулировку, имеющую место в официальной политической и юридической риторике.

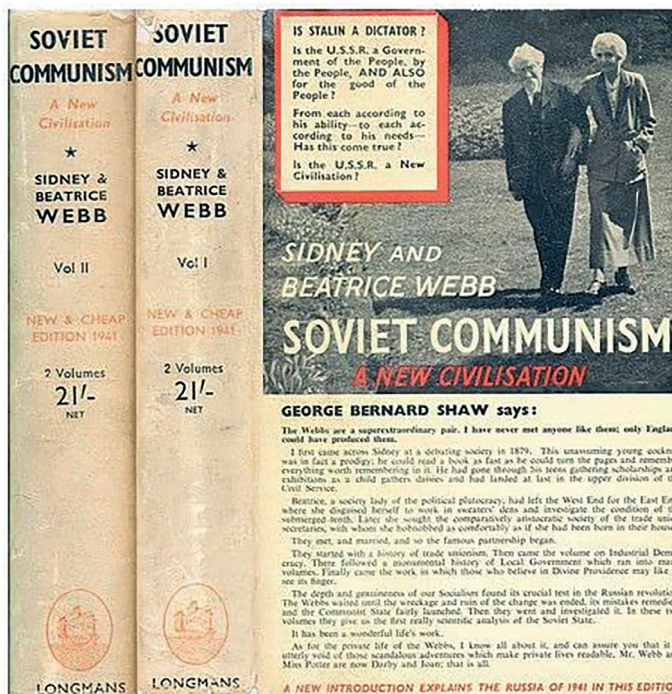
До какой степени избранный Шоу неформальный стиль изложения рацпредложений стал причиной того, что большая часть его комментариев была проигнорирована, судить сложно. С другой стороны, сдержанное молчание Беатрис и Сидни Уэбб – не просто теоретиков, но практиков в области политических дебатов, демонстрировало меньшую наивность в попытке оказать влияние на советские власти. И все же Уэббам тоже был не чужд идеализм. Несмотря на внутренние сомнения, доходившие до них сведения о внутренних конфликтах в ВКП(б) и процессах 1930-х гг., на фоне приближающейся мировой войны, пожилым фабианцам (Сидни было 77 лет, Беатрис – 78, Шоу – 80) было крайне важно верить в то, что есть государство, движущееся по пути социализма и демократии к коммунистической утопии; государство, способное противостоять капиталистическому индивидуализму и растущей угрозе фашизма; государство, являющееся подлинно «новой цивилизацией». И поэтому к русскому изданию «Советского коммунизма» в 1937 г. Уэббы напишут предисловие, где впервые публично выскажутся о конституции 1936 г.:

...новая советская Конституция знаменательна не благодаря <...> реформам избирательного права. Она выделяется в мировой истории среди всех до нее существовавших конституций своим перечислением основных прав человека. Впервые это основные права коммунистического, а не индивидуалистического общества. <...>

Мир никогда еще не видел такого полного и широкого обеспечения прав по конституции. Но этот список замечателен также еще по двум другим причинам. Никогда еще такие права человека не гарантировались в конституционном порядке по отношению к такому огромному и разнообразному населению независимо от расы, цвета кожи или религии. И более того, Конституция – это не просто обещание. Это, скорее, официальное подтверждение и возведение в общее правило уже действующих ныне выгод и преимуществ².

¹ The Soviet Socialist Constitution. London: Russia To-Day Society, 1942. P. 26.

² Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм – новая цивилизация? Т. 1. С. vii–viii.

Книга Б. и С. Уэббов «Советский коммунизм – новая цивилизация» (1941) – без вопросительного знака в названии.

Переиздавая «Советский коммунизм» в 1940-х гг., когда народ СССР будет героически бороться против гитлеровской Германии, Уэббы уберут знак вопроса после «новой цивилизации» в названии своего двухтомного труда и напишут еще одну книгу – «Правда о советской России» (*The Truth about Soviet Russia*, 1942), где ответят на один из самых часто задаваемых им вопросов так:

...является ли СССР демократическим государством с политической точки зрения? – ясно, что Конституция Советского Союза, рассмотренная и ратифицированная в 1936 г., подтверждает: СССР – самая всеобъемлющая и основанная на равенстве демократия в мире¹.

¹ *Webb B., Webb S. The Truth about Russia. With an Essay on the Webbs by Bernard Shaw. New York; London; Toronto: Longmans, Green and Co., 1942. P. 19.*

Литература

Левашко В.О. Сталинская конституция. Тенденции модернизации советского общества // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Серия «История». 2009. № 1. С. 114–122.

Майский И.М. Избранная переписка с иностранными корреспондентами: В 2 кн. Кн. 1: 1916–1941 / отв. ред. В.С. Мясников; сост. Н.В. Бойко, А.Д. Воскресенский, Е.В. Косырева, Л.В. Поздеева. М.: Наука, 2011.

References

Levashko, V.O. “The Stalin’s Constitution. Tendencies of Soviet Society’s Modernization.” [“Stalinskaja konstitucija. Tendencii modernizacii sovetskogo obshhestva.”] *Vestnik LGU imeni A.S. Pushkina*, series “Istoriia” [“History”] 1 (2009): 114–122. (In Russ.)

Majskij, I.M. *Izbrannaja perepiska s inostrannymi korrespondentami: v 2 kn. Kn. 1: 1916–1941* [*Selected Correspondence with Foreign Letter Writers: in 2 books. Book 1: 1916–1941*], eds V.S. Mjasnikov, N.V. Bojko, A.D. Voskresenskij, E.V. Kosyreva, L.V. Pozdeeva. Moscow: Nauka Publ., 2011.

Shaw B. Collected Letters: In 4 vols, ed. Dan H. Lawrence. New York: Max Reinhardt Ltd, 1988.

Дата поступления в редакцию: 17.06.2023

Received: 17.06.2023

Дата публикации: 30.08.2023

Published: 30.08.2023

Негативная рецепция: Жан-Поль Сартр в пространстве литературной жизни позднего сталинизма

© 2023 Д. М. Цыганов

Negative Reception: Jean-Paul Sartre in the Literary Situation of Late Stalinism

© 2023 Dmitry M. Tsyganov

УДК 82.01

https://doi.org/10.54791/27823792_2023_4_115_174

Информация об авторе:

Дмитрий Михайлович Цыганов, магистрант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: DmMkhTsyganov@yandex.ru

Ключевые слова: западно-советские литературные связи, экзистенциализм, холодная война, культурная политика, социалистический реализм, модернизм, французская литература XX в., Жан-Поль Сартр, Илья Эренбург.

Аннотация: В статье прослеживается неочевидная траектория эволюции представлений об экзистенциализме и интеллектуальной деятельности Ж.-П. Сартра в советской послевоенной критике и литературоведении. В контексте глобального культурного противостояния двух эстетических систем – «модернизма» и «социалистического реализма» – французский мыслитель занял положение главного выразителя идей «упаднической буржуазной культуры». Однако на протяжении второй половины 1940-х – первой поло-

Information about the author:

Dmitry M. Tsyganov, MA student, Lomonosov Moscow State University; Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: DmMkhTsyganov@yandex.ru.

Keywords: Western-Soviet literary relations, Existentialism, Cold War, cultural politics, Socialist Realism, Modernism, twentieth-century French literature, Jean-Paul Sartre, Ilya Ehrenburg.

Abstract: The paper traces non-obvious trajectory of evolution of ideas about Existentialism and J.-P. Sartre's intellectual activity in Soviet postwar literary criticism. In the context of the global cultural confrontation between two aesthetic systems (Modernism and Socialist Realism) the French thinker occupied the position of the keynote spokesman of the 'decadent bourgeois culture'. However, in the late 1940s-early 1950s Sartre's reputation underwent considerable changes: from an ideological enemy he became a fellow-traveler and at the end of the Stalin era turned into an ally of the Soviet regime. It led to a rethinking

вины 1950-х гг. сартровская репутация претерпевала существенные изменения: из идеологического врага через позицию «попуччика» коммунистической партии к концу сталинской эпохи Сартр превратился в «союзника» советского режима. С этим связано и переосмысление идеологической природы экзистенциализма, выразившееся в трансформации критической риторики. Подробный анализ появившихся в центральной периодике текстов и архивных источников позволяет восстановить эту неявную линию позднесталинской культурной политики. Статья сопровождается архивными фотоматериалами и публикационным приложением, в котором приведены публицистические и архивные материалы 1940-х гг.

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393, «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке», <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>

of the ideological nature of Existentialism and a transformation of critical rhetoric. A detailed analysis of archival sources and Soviet periodicals allow to reconstruct this hidden line of late Stalinist cultural policy. In the addendum there are archival photographs, printed and archival materials from the 1940s.

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Science Foundation, grant no 23-18-00393, “Russia and the West viewing each other: Literature at the intersection of culture and politics, XX century”, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00393/>

1.

Четырехлетнее военное противостояние в 1945 г. завершилось победой над гитлеровской Германией. Тогда же началось формирование сферы влияния СССР в европейских государствах, позднее названных «странами народной демократии». Такая фокусировка на внешнеполитических проблемах и их постепенное включение во внутригосударственную политику влияли на характер общественной и культурной жизни, создавая ощущение перемен в идеологическом курсе. Советский Союз стал до некоторой степени «открытой» политической системой, заинтересованной в межгосударственном дипломатическом взаимодействии¹. Пересмотру подверг-

¹ Подробнее о литературном взаимодействии см.: *Николюкин А.Н.* Международные связи советской литературы 40-х – начала 50-х годов // *История русской советской литературы*: В 4 т. М.: Наука, 1968. Т. 3. С. 499–520. В качестве ключевой практики реализации сталинского имперского воображения Е. Добренко

ся и принцип отторжения всего инакового, посредством которого в конце 1930-х внутри советского общества укреплялось осознание его самооткровенности и целостности. Советский Союз, отойдя от постулата непринятия, отныне будет осуществлять попытки вмешательства в инокультурное пространство с целью его «советизации». При этом вопрос о легитимности нарушения границ других субъектов отменялся самой установкой на «освободительный» характер вмешательства.

Ожидавшаяся в тот период либерализация «извне» была бы закономерным следствием такого положения СССР: многие предполагали, что крушение военной диктатуры Великогерманского рейха подкрепит импульс к преодолению тоталитаризма¹. Отчасти так и произошло. Если сталинская социальная политика во многом ориентировалась на скорейшее восстановление и переход к «мирному строительству», то культурная жизнь первого послевоенного года действительно ненадолго ощутила на себе благоприятное влияние деинструментализации искусства. Впервые за долгое время авторитет СССР не нуждался в дополнительном подкреплении, так как статус «страны-победителя» легитимировал всякую политическую инициативу, исходившую от советского руководства².

справедливо выдвигает разгоревшуюся в конце 1940-х гг. кампанию по «борьбе за мир» (см.: *Добренко Е.А.* Поздний сталинизм: эстетика политики: В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2020. Т. 2. С. 400–419). Отнюдь не случайно и то, что Т. Шишкова рассматривает внутреннюю культурную политику послевоенных лет как инструмент осуществления новой экспансионистской задачи – создания и предъявления внешнему миру «правильного» образа СССР (*Шишкова Т.* Внеждановщина: советская послевоенная политика в области культуры как диалог с воображаемым Западом. М.: Новое литературное обозрение, 2023).

¹ Позднее Б. Пастернак напишет об этом времени: «...предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание» (цит. по: *Пастернак Б.Л.* Доктор Живаго: Роман. Милан: Feltrinelli, 1958. С. 599).

² Рассуждая о специфике культурной ситуации в позднесталинский период, Е. Добренко пишет: «...именно в послевоенное десятилетие они (мифологемы Войны и Победы. – Д.Ц.) сделали сталинский режим абсолютно легитимным и в этом смысле до конца “народным”. Он не только выдержал испытание на прочность, но окреп, а вопросы исторической преемственности как в контексте собственно партийной истории, так и в контексте “большой” истории России были решены теперь, пользуясь сталинской терминологией, “окончательно и бесповоротно”. Именно в эту эпоху завершилось перерождение ранней большевистской идеологии в националистическую и сформировалась так называемая “русская партия”, борьба которой с либеральными и официально-интернационалистскими тенденциями во многом определила развитие послесталинской и постсоветской культуры» (*Добренко Е.А.*

Сталин понимал, что для успешного «экспорта» советского политико-идеологического режима и соцреалистической культуры¹ в освобожденные страны в первые послевоенные месяцы дипломатическая работа должна была предвратить пропагандистский натиск. С мая 1945 г. СССР начинает активно участвовать в деле организации нового мирового порядка, перенося различные вопросы геополитического толка в сугубо советское проблемное поле. Примерно тогда же начинается активная работа по так называемому «премиальному проекту», предполагавшему учреждение международных наград Советского Союза для «прогрессивных» деятелей западной науки и искусства, которые должны были стать альтернативой Нобелевским премиям². Эта трансгрессия означала для homo soveticus'a принципиальную перенастройку «оптики»: задача поиска «внутренних врагов» как бы отошла на задний план, уступив ме-

Литературная критика и институты литературы эпохи войны и позднего сталинизма: 1941–1953 // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 380). Действительно, отмеченная исследователем тенденция стала магистральной в послевоенное десятилетие, однако нельзя говорить о том, что весь период позднего сталинизма характеризовался политико-идеологической гомогенностью. Не была однородной и культура этого времени: постоянно накапливавшиеся тенденции причудливо взаимодействовали друг с другом и формировали внешне целое, но внутренне подверженное непрекращавшимся мутациям пространство сталинского эстетического канона.

¹ Первые попытки экспансии соцреализма в «страны народной демократии» относятся уже к началу 1945 г. (см.: *Заславский Д.* Советский писатель в Югославии // Литературная газета. 1945. № 10 (1121). 3 марта. С. 3); промежуточные результаты этой экспансии были видны уже в начале 1950-х (см.: *Онуфриев Н.* Самая передовая литература // Культура и жизнь. 1950. № 36 (164). 31 декабря. С. 3). О насаждении соцреализма в национальных культурах стран «народной демократии» см.: *Пономарев Е. П.* Экспорт и реэкспорт соцреализма: Восточноевропейские литературы в контексте советского толстого журнала (конец 1940-х годов) // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 93–112; *Socialist Realism in Central and Eastern European Literatures under Stalin: Institutions, Dynamics, Discourses.* London; New York: Anthem Press, 2018.

² Подробнее об этом см.: *Блох А.М.* Советский Союз в интерьере нобелевских премий. Факты. Документы. Размышления. Комментарии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005, особенно гл. 5 «1945–1949. Попытка учреждения в СССР премий, альтернативных нобелевским» (С. 271–317) и гл. 6 «1948–1952. Апофеоз идеологического клинча» (С. 318–416); *Цыганов Д.М.* Холодная война с «модернизмом»: Международная Сталинская премия в контексте западно-советских литературных взаимодействий периода позднего сталинизма // *Rossica. Литературные связи и контакты.* 2022. № 2. С. 191–268.

сто необходимости постоянного наблюдения за переменами во взаимодействии Советского Союза – «вдохновителя Европы» (И. Эренбург) – с другими государствами. Уже 29 сентября 1945 г. Оргбюро ЦК приняло специальное постановление «Об улучшении советской пропаганды за рубежом»¹, в котором специальной комиссии в составе тридцати партфункционеров было поручено

заслушать на своих заседаниях отчеты следующих организаций, ведущих пропагандистскую и информационную работу за рубежом: ВОКС, ТАСС, Комитета по делам радиовещания, Издательства литературы на иностранных языках, «Международной книги», Иностранной комиссии Союза советских писателей, Комитета по делам кинематографии, международного отдела ВЦСПС, Государственной библиотеки им. Ленина, антифашистских комитетов – ученых, женщин, молодежи, Всеславянского².

А к 8 августа 1946 г. в секретариате Жданова разработали проект постановления ЦК «О Совете по руководству международной пропагандой в зарубежных странах и освещению международных событий в советской печати»³, который предполагал создание специальной организации в составе А.А. Жданова, Г.Ф. Александрова, С.А. Лозовского, М.А. Сулова, А.Я. Вышинского, Г.С. Шикина, П.Н. Поспелова, Л.Ф. Ильичева, Н.Г. Пальгунова и А.А. Пузина. Основной миссией этого ведомства было «разоблачение и опровержение в зарубежной и советской печати антисоветской клеветы английских, американских и других газет и журналов»⁴. Иначе говоря, перед партийцами стояла задача организовать всесторонний контроль над каналами снабжения Запада советской идеологией. При этом после победы в войне надобность в оправдании сталинского режима исчезла, а каждый советский человек, будучи принадлежностью этого режима, до некоторой степени становился арбитром, дающим оценку внешнеполитической обстановке. Тем самым две политические сферы – внутригосударственная и дипломатическая – объединялись, многократно

¹ См.: [Протокол № 234 заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) от 29 сентября 1945 г., пункт 5]. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Ед. хр. 234. Л. 9–10. Документ опублик. в кн.: Сталин и космополитизм. 1945–1953: Документы Агитпропа ЦК. М.: Материк, 2005. С. 26–27.

² Сталин и космополитизм. С. 27.

³ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 155. Л. 16. Документ опублик. в кн.: Сталин и космополитизм. С. 55–56.

⁴ Сталин и космополитизм. С. 56.

расширяя зону компетенции и, как следствие, сферу влияния советской власти¹.

Партийное руководство, в первые послевоенные годы охваченное азартом очередного геополитического противостояния, не могло ограничиться в своих действиях лишь оборонительными мерами. Недостаточно было наладить практику фильтрации информационного потока, шедшего с Запада; следовало организовать встречное идеологическое противодействие при помощи хорошо освоенных советской пропагандой форм критической реакции. «Вредные» тексты не доходили до советского читателя, что, впрочем, не мешало этому читателю производить над ними свой строгий эстетический суд в духе расхожей в несколько более поздние годы формулы «не читал, но осуждаю». Главным доказательством «идейной порочности» таких текстов были газетные передовицы и многочисленные публицистические выкладки «квалифицированных специалистов» в области современной западноевропейской литературы. При этом такая опосредованная читательская оценка закономерно касалась не столько эстетической стороны попросту не переведенных на русский язык текстов (для большинства рядовых читателей они были недоступными), сколько их идейного наполнения.

2.

Жившие в СССР интеллектуалы и представители интеллигенции (в основном, конечно, гуманитарной и творческой) открыли для себя творчество Ж.-П. Сартра (1905–1980) еще в 1930-е гг. Так, И.Г. Эренбург, вспоминая о событиях 1939 г., в мемуарах пишет:

В мае в Париже была Международная антифашистская конференция. <...> Однажды Фернандо Херасси привел ко мне молодого застенчивого писателя, с которым дружил. Звали его Жаном Полем Сартром. Он косил, и поэтому казалось, что он хитрит, но говорил он о своем отчаянии простодушно. Он подарил мне книгу «Стена»; рассказы были тоже об отчаянии².

¹ Именно поэтому оккупационная практика не вызвала даже малейшего идейного противления в обществе, которое само лишь недавно одолело жаждавшего территориальных приращений противника. Всякий человек, подверженный влиянию государственной пропаганды (т. е. подавляющее большинство советских людей), оценивал эти вмешательства в жизнь других государств как правомерную и абсолютно заслуженную привилегию Страны Советов.

² Цит. по: *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь: В 3 т. М.: Советский писатель, 1990. Т. 2. С. 198–199. Ссылки намеренно даются не по первому неполному изданию мемуаров Эренбурга (М.: Советский писатель, 1961–1966), а по исправленной

Через несколько месяцев после описанных Эренбургом событий в «Литературной газете» появилась небольшая статья-рецензия К.Л. Зелинского «Книга о “черных” героях»¹, посвященная тому самому подаренному Эренбургу сборнику «Стена» (1939). В этой почти безобидной заметке критик бегло пересказал некоторые из вошедших в «любопытную книгу» новелл – «Герострат» (“Erostrate”, 1939), «Интимность» (“Intimité”, 1939), «Комната» (“La chambre”, 1939), «Стена» (“Le mur”, 1939) – и отметил, рассуждая об идейном компоненте сартровской прозы:

Мы часто не умеем ценить нашу советскую литературу, привыкнув к ее здоровью, как к воздуху, который мы не замечаем, потому что дышим им. А есть и такие [читатели], которые даже считают «хорошим тоном» читать только иностранную переводную литературу, пожимая плечами при упоминании литературы нашей. Читая Сартра, я с жалостью подумал об этих людях. Достаточен один глоток атмосферы этой книги, чтобы глубоко ощутить радость того, что вот мы все живем и видим мир совсем по-другому².

Подчеркнем, что Зелинский лишь указывает на мировоззренческие нестыковки между *соцреалистическим* и *модернистским* методами художественного осмысления мира, но отнюдь не утверждает ущербность последнего (на этот «промах» обратит внимание и сотрудница «Интернациональной литературы» Нора Галь в заказанной ей и в итоге не напечатанной разгромной статье). В нескольких резких суждениях Зелинского еще нет той безапелляционности, которую критические выпады против французского автора обретут в середине 1940-х гг. Примечательно, что именно Сартра советское литературоведение сделает главным антиподом культу-

и дополненной публикации (в 1990 г. были напечатаны все семь книг) с комментариями Б.Я. Фрезинского. Эренбург пишет о том, что встречался с Сартром до войны дважды, но оба раза обстоятельства их короткого общения были случайными. Далее в воспоминаниях писатель вновь обращается к вышеприведенному эпизоду знакомства: «Познакомившись с Сартром, я увидел человека умного, скромного, который тяготился своей славой, называл ее “дурацкой”, – он хорошо знал, что многие, говорившие о нем с благоговением или возмущением, не прочитали ни одной из его книг» (цит. по: *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Т. 3. С. 170).

¹ См.: Литературная газета. 1939. № 44 (823). 10 августа. С. 2.

² Там же. До этого в том же духе высказалась референт по Франции в Иностранной комиссии Союза писателей Н.О. Камионская, которая в апреле 1939 г. подготовила обзор книг, потенциально способных фрагментарно или целиком появиться на страницах журнала «Интернациональная литература» (Камионская называет Сартра «писателем несомненно очень талантливым»).

ры социалистического реализма, а всех «буржуазных» писателей прозовет «сартроподобными изуверами» (Б.А. Песис). В период войны на первый план выдвинулась проблема национальной специфики официального советского искусства¹, поэтому в контексте военных лет вряд ли можно говорить об отчетливой динамике в отношении к зарубежным авторам. Обоострение идеологической обстановки после выступления будущего лауреата Нобелевской премии по литературе (1953) У. Черчилля с Фултонской речью в Вестминстерском колледже 5 марта 1946 г. и последовавшего вскоре ответа И. Сталина, 14 марта 1946 г. опубликованного в «Правде» в формате интервью корреспонденту партийной газеты², изменило характер западно-советских культурных взаимодействий.

Е. Добренко, описывая эволюцию романной формы в русской литературной традиции XX столетия, отмечает: «Соцреализм может рассматриваться в качестве эстетической утопии – он отменял историю, воссоздавая романную эстетику так, как если бы модернизма не существовало»³. Этот тезис ученого уже на первый взгляд сомнителен, а в приближении и вовсе видится ошибочным. Соцреалистическая литературная практика изначально преподносилась теоретиками как своеобразная альтернатива «старому» искусству, доминирующей линией которого был погруженный в эстетический кризис «декаданс» (т. е. «модернизм» рубежа веков). Из этого следует, что установка на конфронтацию, конкурентное противостояние – черта, изначально присущая сталинскому культурному дискурсу⁴. Кроме того,

¹ Советский литературный проект становился «многонациональным» лишь тогда, когда этого требовала политическая повестка. Необходимость в сплочении провоцировала партийную верхушку искать все возможные инструменты для его осуществления, прежде всего в пространстве официальной культуры. Такое сплочение причудливым образом монтировалось с усиливавшимися национал-большевистскими настроениями: в национальной перспективе этнические границы буквально стирались, а «великая русская культура» становилась тем самым «синтезом», итогом сталинской «диалектики». Эту тенденцию развития советской идеологии уже в те годы начали осознавать на Западе. Так, 3 января 1944 г. американский еженедельник «Time» в связи с утверждением нового гимна в статье «Songs for a New World» напишет, что «Москва дала еще одно доказательство того, что советский цикл от мировой революции к национализму завершен».

² См.: Интервью тов. И.В. Сталина с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля // Правда. 1946. № 62 (10144). 14 марта. С. 1.

³ Добренко Е.А. Судный день русской литературы. Пост-классический роман: канон и трансгрессия // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 3. С. 15.

⁴ Еще в речи на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в августе 1934 г. А. Жданов отмечал: «...в свете успехов нашей советской литературы еще больше и резче выявляется вся противоположность между нашим строем –

сталинское литературоведение искусственно противопоставляло образцы «модернистской» культуры так называемому «критическому реализму» – «прогрессивному» течению западной литературы; потребность в более подробной дифференциации западного литературного «модернизма» отсутствовала, так как эффект «недоразвитости» этой эстетической системы выгодно оттенял «многообразие» литературы соцреализма¹. Т. Мотылева еще летом 1947 г. в статье «Русская литература на Западе» на материале литературы XIX столетия сформулировала центральный тезис, на котором основывались советско-западные культурные контакты позднесталинского периода: «Кризис западного реализма совпал с расцветом и подъемом реализма русского»². Тогда же Д. Заславский, вспоминая Шпенглера, пророчил «закат Европы» и писал: «Разложению пессимистической литературы на Западе соответствует, как противоположность, рожденная жизнью, – расцвет советской литературы»³. Этим же вызван живой интерес советской стороны к характеру восприятия сталинской культуры западными критиками. Еще в военные годы Иностранная комиссия Союза советских писателей начала пристально наблюдать за постоянными изменениями во взглядах на соцреалистическую литературу и готовить подробные многостраничные обзоры критических работ англо-американских авторов⁴. Акцент в таких обзорах закономерно делался на комплиментарных оценках, попытки говорить об отсутствии в писательском сообществе «интеллектуальной независимости» клеймились как «происки внешних врагов», стремящихся

строим победившего социализма – и строем умирающего, гнивающего капитализма» (Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: Стенографический отчет. М.: ГИХЛ, 1934. С. 3). Тогда же М. Горький провозглашал: «...наша литература обогнала западную новизною тем, и напомним, что многие из наших литераторов оценены на Западе еще более высоко, чем у себя на родине» (там же. С. 17). Ему вторил и К. Радек: «Наша литература – уже первая литература мира, если даже наше мастерство отстает еще от западной литературы» (там же. С. 318).

¹ Эта же идея, как представляется, лежала в основе доклада «Советское искусство и его отношение к буржуазному искусству» А. Дымшица, прочитанного по-немецки в ноябре 1947 г. в Доме советской культуры в Берлине.

² Мотылева Т. Русская литература на Западе // Литературная газета. 1947. № 30 (2345). 19 июля. С. 2.

³ Заславский Д. Конец и начало // Литературная газета. 1947. № 52 (2367). 5 ноября. С. 3.

⁴ Один из таких обзоров был подготовлен в мае 1944 г. и был посвящен советской литературе 1943 – начала 1944 гг. в оценке западных критиков; фрагмент этого обзора опубликован в кн.: «Мы предчувствовали польханые...»: Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Документы и комментарии. Июнь 1941–сентябрь 1945 г. М.: РОССПЭН, 2015. Т. 2. Кн. 2. С. 152–158.

«подорвать авторитет великой русской культуры». После победы в войне, в период позднего сталинизма, мысль о своеобразии советской официальной культуры и ее дистанцированности от проявлений западноевропейского «декадентства» просто не нуждалась в дополнительной аргументации. В этом контексте у массового реципиента и начало складываться весьма специфическое, принципиально отличное от довоенного, отношение к зарубежной литературе конца XIX – начала XX вв.

3.

Первым текстом Сартра, опубликованным по-русски лишь в конце июня – начале июля 1953 г.¹, стало написанное в 1946 г. программное эссе «Экзистенциализм – это гуманизм»² (пер. М. Грецкого; М.: Издательство иностранной литературы, 1953). Брошюра была выпущена в виде приложения к бюллетеню «Новые книги за рубежом» с издательским предисловием и рассылалась читателям по специальному списку. В этом предисловии осторожно намечалась тенденция к реабилитации взглядов Сартра: «...идеалистические и реакционные черты экзистенциализма выражены в творчестве Сартра *крайне осторожно и завуалированно* и позволяли ему на протяжении последних 10–12 лет говорить о своей близости к марксизму в ряде философских проблем, солидаризоваться по отдельным частным вопросам с позицией Французской коммунистической партии и выступать с “левой” фразой»³.

Однако рядовой советский читатель уже был заочно знаком с творчеством французского автора⁴. В течение всей позднесталинской эпохи на

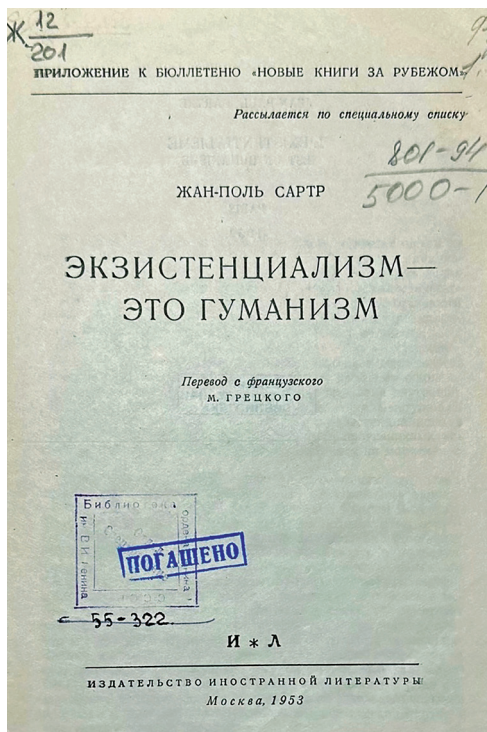
¹ Книга была подписана к печати 19 июня 1953 г. и опубликована вскоре в типографии журнала «Пограничник» без отметки о тираже. Корректором издания была Н.И. Мильчина.

² Уже один этот факт опровергает довод Т.В. Балашовой о том, что «Сартр <...> стал доступен российскому читателю, не знавшему французского, сначала теми произведениями, которые к теории экзистенциализма не имели прямого отношения, и лишь значительно позднее – в 90-е г. – своими ключевыми книгами» (Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 404).

³ *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. С. 3; курсив мой. – Д.Ц.

⁴ К сожалению, эта принципиально важная деталь была упущена Шарлоттой Боллаэрт при создании магистерской работы о рецепции произведений Сартра и Камю в СССР (см.: *Bollaert Ch.* Советская судьба французских экзистенциалистов: анализ восприятия переводов произведений Жан-Поля Сартра и Альбера Камю. Gent:

страницах газет и «толстых» литературно-художественных журналов то и дело появлялись статьи и сообщения, посвященные резкой критике его эстетической или мировоззренческой позиций. (Для точности отметим: несмотря на отсутствие переводов, его философские и художественные тексты были доступны на французском языке и в Ленинской библиотеке, и в Библиотеке иностранной литературы.) Во второй половине 1940-х гг. Сартр, тогда уже прямо говоривший и писавший о смежности его идей с марксизмом¹, тем не менее позиционировался пропагандой как идейный враг, якобы стремившийся подвергнуть тотальному отрицанию эффективность авторитарной управленческой модели. Л.Г. Андреев писал по этому поводу:

Сартр точно определил то противоречивое и двусмысленное положение, в котором оказывались коммунистические партии: прогрессивные и революционные по своей идее (а эта идея и вызывала у Сартра желание объединиться с рабочим классом), они становились консервативными даже по стилю мышления и методам борьбы, коль скоро целью оказывалось одобрение и поддержка того, что делалось в СССР. <...> Коммунисты – так полагал

[Б. и.], 2014). Несмотря на то что исследователь сосредотачивается на переводах художественных текстов, упоминание о критическом характере восприятия экзистенциализма в позднесталинскую эпоху могло бы серьезно дополнить и детализировать предложенную в работе рецептивную схему.

¹ Подробнее об этом см.: *Постер М.* Экзистенциальный марксизм в послевоенной Франции: От Сартра к Альтюссеру // *Философско-антропологические исследования.* 2008. № 3–4. С. 86–123.

Сартр – никогда не спорят, не отвечают своим противникам, они их дискредитируют («полицейский, шпион, фашист»). Писатель относительно компартии все равно, что герой Кафки относительно невидимых судей, вынужденный в каждом слове себя оправдывать, доказывать свою невинность. Он не только предполагаемый виновный, но козел отпущения всех ошибок партии, всех политических чисток¹.

Вопрос о философском «фундаменте» сартровских взглядов решался без всяких нюансировок, о чем свидетельствует хотя бы печально известная статья Заславского «Смертяшкины во Франции», появившаяся в «Правде» в конце января 1947 г. Критик писал:

...идеи экзистенциализма весьма портативны, и их нетрудно изложить в немногих строках. Сам Сартр не претендует на особую оригинальность. В родословном древе экзистенциализма значатся мракобесы средневековой теологии. Ближайшими своими учителями Сартр называет датского мистика Сёрёна Киркегора (1813–1855) и современного немецкого профессора Хейдеггера, превратившего университет Фрейбурга в фашистское стойло для молодых эсэсовцев. В опоганенных аудиториях этого университета изготовлялась «философская» надстройка над печами Майданека².

Более важным, таким образом, оказывалось то обстоятельство, что отвергались не теоретические воззрения Сартра, в известной степени смыкавшиеся с идеями поруганных еще в конце 1920-х – начале 1930-х гг. феноменолога Э. Гуссерля и экзистенциалиста М. Хайдеггера³, а именно итоги

¹ Андреев Л.Г. Жан-Поль Сартр: свободное сознание и XX век. М.: Geleos, 2004. С. 231–232.

² Заславский Д. Смертяшкины во Франции // Правда. 1947. № 21 (10412). 23 января. С. 4. См. Приложение 2 к настоящей статье. Сартр опубликовал незамедлительный ответ на эту статью уже в феврале в «La Gazette de Lausanne». Выход статьи Заславского стал поводом к появлению риторически сходных текстов. Неслучайно именно тогда появляются статьи Г. Гака «Модное течение в буржуазной философии» (Большевик. 1947. № 3), Б. Песиса «Литературно-философский парад Сартра» (Знамя. 1947. № 4), М. Баскина «Философия распада и гниения» (Театр. 1949. № 5), Ю. Жукова «Философия предателей» (Знамя. 1949. № 9), Т. Бачелис «Черная драматургия французских космополитов» (Театр. 1950. № 6).

³ Подробнее о характере рецепции и реализации идей Гуссерля и Хайдеггера в интеллектуальном пространстве раннего СССР см.: Dennes M. Husserl – Heidegger. Influence de leur œuvre en Russie. Paris; Montréal: L'Harmattan, 1998.

его писательской деятельности¹, за которыми советская пропаганда, если судить по публицистике тех лет, следила очень пристально. В различных институтах проходили специальные собрания, посвященные критике эстетических воззрений Сартра. Отчеты о них публиковались в центральной прессе. Одним из самых характерных примеров такого отчета может служить опубликованное в середине декабря 1946 г. сообщение о двух докладах, прочитанных на заседании Иностранной комиссии Союза советских писателей:

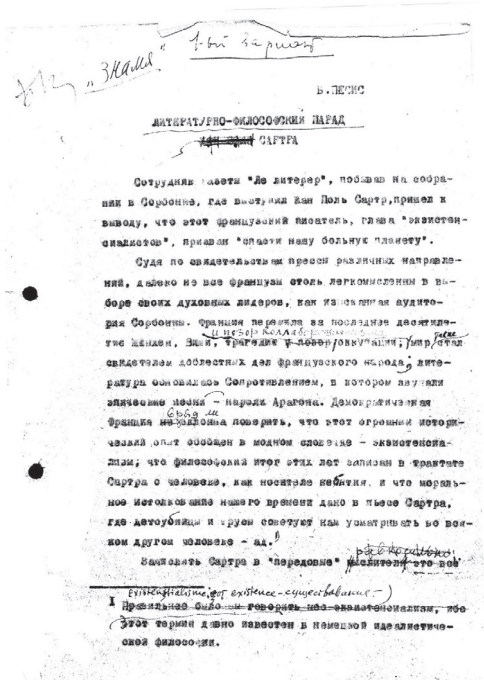
На-днях в клубе писателей состоялся вечер Иностранной комиссии ССП, на котором были прочитаны доклады А. Лейтеса «Философия на четвереньках» (критические замечания о трактате французского писателя Жан-Поль Сартра «Бытие и небытие») и Б. Песиса о литературных произведениях Сартра.

А. Лейтес подверг резкой критике антигуманистические взгляды Сартра, изложенные в его трактате «Бытие и небытие».

– Сартр, – указывает докладчик, – стал модным философом и писателем в буржуазных кругах послевоенной Европы. Вокруг его книг поднята шумиха. В своих произведениях он говорит о невыносимой, безысходной случайности человеческого существования. Внешнее наукообразие трактата «Бытие и небытие» прикрывает крайнюю антинауочность и произвольность рассуждений Сартра. Эклектическая философия Сартра – своеобразная помесь идеалистических теорий Гуссерля и концепций Фрейда. Онтология (учение о бытии) превращена у Сартра в психопатологию. Ее исходный пункт – в рассуждении о человеке, как о «животном антиобщественном». Точка зрения Сартра на сущность человека, как некоего духовного Робинзона, искусственно вырванного из совокупности общественных отношений, создает патологические, аномальные образы.

Проникнутое такой философией творчество Сартра оплевывает человека, ставит его на четвереньки, заслоняя клиническими сценами правдивое

¹ Одним из весомых мотивов этой неприязни было творческая и идейная смычка Сартра с поруганным в те годы Достоевским, которого французский автор цитирует в эссе «Экзистенциализм – это гуманизм»: «Достоевский некогда написал: “Если Бога нет, то все позволено”. Именно здесь находится отправная точка экзистенциализма» (подробнее об этом см.: *Фокин С.Л.* Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб.: РХГА, 2013. С. 235–247). Противоположная и, как представляется, не вполне убедительная точка зрения представлена в: *Вавилова В.Ю., Просветов С.Ю.* Интерпретация идей Ф.М. Достоевского в творчестве французских экзистенциалистов // *Культура. Духовность. Общество.* 2015. № 19. С. 59–63.

Экз. статьи Б. Песиса
«Литературно-философский парад Сартра»
(Знамя. 1947. № 4) с редакторской правкой
(РГАЛИ)

изображение современности. Между тем Сартр, участвовавший в движении сопротивления немцам, желает быть активным участником современной эпохи. Вот отчего свою философию отчаяния он пытается одновременно представить, как проповедь «активизма». Но нельзя быть подлинным, действенным антифашистом, сохраняя в себе элементы цинического отношения к человеку. В парадоксальных и противоречивых рассуждениях Сартра выражены элементы той демагогии и авантюризма, к которым на современном этапе прибегают буржуазные философия и литература, тщетно ищущие опоры в массах. Тем более необходимо, – заключает докладчик, – разоблачать подлинную сущность упадочной идеологии Сартра и его последователей.

Соглашаясь с А. Лейтесом в его оценке философских

позиций Сартра, Б. Песис анализирует романы Сартра и доказывает несостоятельность утверждений тех западных буржуазных критиков, которые пытаются изобразить Сартра новатором. По мнению докладчика, этот писатель лишь завершает определенный этап в том направлении западной литературы, которое проникнуто глубоким пессимизмом и стремится принизить человека. Романы и пьесы Сартра пытаются доказать, что гнусное, пошлое буржуазное существование – это только одно из проявлений «бессмысленности» человеческого существования вообще.

Произведения Сартра, построенные на подобного рода «тезисе», искажают историческую правду. Схемы, из которых исходит Сартр, калечат и уродуют его произведения. В его книге «Отсрочка» принижена пережитая Францией в мюнхенские дни драма, которую он трактует, как некий «клинический случай» в истории. В своих произведениях Сартр, несмотря на

опыт окажется чрезвычайно важным для постсталинской литературы и, в частности, для прозы В.Т. Шаламова¹.) Это расхождение во взглядах в итоге и привело к ужесточению критической риторики по отношению к мировоззренческим ориентирам и литературным опытам философа. Так, например, выпускник Высшего литературно-художественного института им. В.Я. Брюсова (1925) Я.В. Фрид в статье «Философия неверия и равнодушия: Жан-Поль Сартр и современный буржуазный индивидуализм»² предложил довольно подробную критическую характеристику сартровской художественной прозы, а Н.А. Каринцев несколькими месяцами позднее писал о новом драматическом сочинении Сартра «Мертвые без погребения» (*Morts sans sépulture*, 1946):

Вся омерзительная сущность сартровской «философии» сказалась в его новой пьесе, где проповедь отказа от борьбы и погружения в nirvanу обращена к людям, которые отдали свою жизнь в беззаветной борьбе с фашизмом. Какая злая ирония звучит в названии пьесы – «Победители!» Сартр втаптыкает в грязь это прекрасное, светлое слово и тех, кого он осмеливается описывать под именем «победителей»³.

Кроме того, весьма показательное замечание Каринцева касается пьесы Сартра «За закрытыми дверями» (*Huis clos*, 1943):

Его первая пьеса, «При закрытых дверях», выдержала только в одном парижском театре «Вье коломбье» 300 спектаклей. Сейчас она идет в Нью-Йорке, Брюсселе, Женеве и Стокгольме, где ее оценили поклонники Сартра. На

реальной жизни и особенностям художественной индивидуальности, которая, если она действительно достойна этого названия, не может не отражать в себе интересов, устремлений и порывов народа» (*Рыльский М. Пятилетка и литература // Литературная газета. 1946. № 20 (2283). 9 мая. С. 3*). На практике тенденция к планированию выразилась в писательских заметках (Алигер, Асеева, Иванова, Лебедева-Кумача, Михалкова, Пришвина и других), объединенных в раздел «Наш первый послевоенный год» и помещенных следом за статьей Рыльского в том же номере «Литературной газеты». В 1947 г. «Литературная газета» посвятит несколько разделов в разных номерах теме «Новая сталинская пятилетка и литература» (см.: Литературная газета. 1947. № 12 (2327). 22 марта. С. 3; № 14 (2329). 5 апреля. С. 3).

¹ Подробнее об этом см.: *Джагалов Р. Варлам Шаламов и пути советского экзистенциализма // К столетию со дня рождения Варлама Шаламова: Материалы конференции. М.: [Б. и.], 2007. С. 55–72.*

² Литературная газета. 1946. № 43 (2306). 19 октября. С. 3. См. Приложение 3 к настоящей статье.

³ *Каринцев Н. Пропаганда маразма и безумия // Литературная газета. 1947. № 14 (2329). 5 апреля. С. 4.* Текст Каринцева приведен в приложении к настоящей статье.

сцене показан ад; в нем осуждены на вечные муки две женщины и мужчина. В сартровском «аде» нет ничего мистического – это шаблонная комната третьеразрядного отеля. Лакей объясняет «клиентам», что ни крючьев, ни кипящей смолы здесь нет. И, действительно, весь «ад» состоит в том, что эти три человека мучают друг друга. Но смерть, как избавление, невозможна в «аду», и пьеса кончается мрачной репликой одного из ее героев: «Ну что ж, давайте продолжать». Такова эта оскорбительная и лживая пародия Сартра на человеческое «бытие»¹.

Понятно, что партийные критики не могли пройти мимо этой сартровской пьесы: ад в ней показан привлекательнее, чем воспетый в литературе соцреализма коммунально-колхозный «коммунистический рай»... Дабы избежать нежелательных параллелей, советская литературная критика сосредоточилась на попытке убедить несведущего читателя в «катастрофичности» сартровского мироощущения, его дистанцированности от «передовых идей». Ясно и то, что читательской публике, чей круг чтения определялся приматом «снабжения», в те годы куда больше пришелся по душе второй роман «давнего друга СССР» и «антикапиталистического писателя» Анри Барбюса «Ад» (*L'Enfer*, 1908), избранными фрагментами публиковавшийся в прессе и «толстых» журналах. Меж тем в сталинскую эпоху представление о «правильности» того или иного произведения формировалось сугубо практически. Сами писатели в процессе чтения чужих книг усваивали те схемы (идеологические, образные, сюжетные), на которых они строились, и стремились воспроизвести их в собственных текстах в надежде на повторный успех. Именно поэтому литературная критика всячески старалась представить тексты Сартра (особенно драматические²) как принципиально

¹ Там же.

² Дело в том, что положение в советской драматургии в 1940-е гг. было крайне тяжелым. Уже с конца 1930-х наметился серьезный кризис в этой области писательского творчества, лишь усугубившийся в послевоенную эпоху. Область драматургии постепенно захватывалась «драмаделами» вроде А. Софронова, А. Сурова и Н. Вирты, воцарившимися в Союзе писателей и безраздельно распоряжавшимися тиражами, репертуаром и премиями. Фактическая неприкосновенность даровала им право создавать «поделки», хоть и походившие формально на традиционные пьесы, но лишённые основного драматургического компонента – конфликта. Эти карьеристы от литературы прекрасно понимали шаткость своего положения и, равно как и прочие партработники, боялись конкуренции и потенциально дискредитирующей критики. Именно поэтому и была организована серия идеологических погромных кампаний, в результате которой были последовательно устранены все поборники «искусства ради искусства». Пьесы Сартра в данном случае выступали в роли выгодного контекста, позволявшего легитимировать «бесконфликтность» советской драматургии.

чужеродные, органически не сопряженные соцреалистической эстетике, которая к тому времени уже обрела довольно четкие очертания.

4.

К середине – концу 1947 г. почти стабилизировалась «теория социалистического реализма», которая после массированного вмешательства партии в дела советского искусства потребовала пересмотра и переосмысления. «Спор о порочной методологии Веселовского» как этап борьбы с «низкопоклонством перед Западом» завершился к марту 1948 г., когда на страницах «Культуры и жизни» появилась редакционная статья «Против буржуазного либерализма в литературоведении» с подзаголовком «По поводу дискуссии об А. Веселовском». В ней утверждалось:

Нетрудно понять политический смысл всей кампании, направленной к вящему прославлению Веселовского. Эта фигура извлечена на поверхность не случайно. Веселовский является ныне знаменем безыдейной, либерально-объективистской науки, а восхваление его научных приемов есть не только пережиток буржуазных взглядов на историю литературы, но и активная попытка со стороны некоторых ученых вернуть советскую науку к традиции буржуазного литературоведения. Воскрешение Веселовского является фактом отнюдь не прогрессивным¹.

И далее:

Дискуссия, прошедшая в журнале «Октябрь», отдельные выступления «Литературной газеты» не принесли ничего, кроме вреда. Защитники Веселовского лишний раз показали, что под сенью юбилейного славословия в честь «гиганта русской науки» скрывается попытка возродить чуждые нам традиции безыдейного и антипатриотического буржуазного литературоведения. «Критики» Веселовского боялись сказать это прямо, они пожелали остаться в рамках «академической объективности». Тем самым они отступили от принципа большевистской партийности в литературе – главного принципа для каждого советского литературоведа².

¹ Против буржуазного либерализма в литературоведении, [редакционная] // Культура и жизнь. 1948. № 7 (62). 11 марта. С. 3.

² Там же.

Столь серьезная реакция на дискуссию в «Октябре»¹ определялась тем, что в ее ходе традиционное представление о соцреалистической эстетике, установившееся во второй половине 1930-х гг., было поколеблено усилиями ряда критиков. Сердцевиной этого спора стала полемика О. Грудцовой и Б. Бялика, сущность которой прочитывается уже по заглавиям их статей, опубликованных в 1947–1948 гг. В ответ на статью Фадеева «Задачи литературной критики» («Октябрь». 1947. № 7) Грудцова опубликовала работу «О романтизме и реализме» («Октябрь». 1947. № 8). Бялик же через несколько месяцев ответил на нее статьей «Надо мечтать!» («Октябрь». 1947. № 11). Грудцова отреагировала на построения Бялика резко критически, что выразилось даже в заглавии следующей статьи – «В плену схемы» («Октябрь». 1948. № 2), на что оппонент тут же возразил заглавием-тезисом «Героическое дело требует героического слова» («Октябрь». 1948. № 2). Важно, что различные аспекты этого спора будут то и дело актуализироваться в литературно-критических статьях вплоть до Второго съезда Союза писателей в 1954 г., превращая сферу советского официального искусства в пространство полемики о сущности «основного метода». Но никуда не исчезнут и интенсивно доносившиеся упреки в «абстрактном теоретизировании»², заглушить которые можно было лишь при помощи педальирования исключительных успехов в соцреалистической писательской практике. Именно поэтому уже летом 1948 г. руководство «Октября», изо всех сил стремившееся сгладить неоднозначное впечатление от состоявшейся дискуссии, будет обвинено в отсутствии самокритики, господстве «местнических настроений», «самозахваливании», завышении и «выпячивании» собственных заслуг и нарочном преуменьшении достоинств иных литературно-художественных журналов³.

Поворотным пунктом в процессе «отвердения» соцреалистической литературной теории стал выход в 1947 г. (на титуле – 1948 г.) в изда-

¹ Детали этой дискуссии ранее подробно освещались в научной литературе. См., например: *Кормилов С.И.* Из истории антиэстетической антимысли: Литературная критика послевоенного десятилетия о реализме, типическом и герое советской литературы // Из истории русской эстетической мысли. СПб.: Образование, 1993. С. 153–172; *Добренко Е.А.* Литературная критика и институты литературы эпохи войны и позднего сталинизма: 1941–1953. С. 401–416.

² Именно этим объясняется разгром сборника теоретических статей «Советская литература», появившегося в «Гослитиздате» в 1948 г. (см.: *Озеров В.* Неудавшийся сборник // Литературная газета. 1948. № 67 (2450). 21 августа. С. 3).

³ См.: *Макаров А.* О критическом отделе журнала «Октябрь» // Литературная газета. 1948. № 63 (2446). 7 августа. С. 3.

тельстве «Советский писатель» сборника «Проблемы социалистического реализма»¹, в редакционную коллегию которого вошли Б. Бялик, В. Ермилов, Л. Субоцкий и В. Щербина. Книга явилась итогом работы специальной Комиссии теории литературы и критики Союза писателей. Этот том был сопровожден нейтральным вступлением от издательства, в котором сообщалось, что «не все положения статей, входящих в этот сборник, бесспорны, некоторые из них носят дискуссионный характер. Издание настоящего сборника должно послужить толчком для широкого обсуждения вопросов нашей литературной теории, для углубленной разработки творческого опыта советской литературы, уже имеющей за собою тридцатилетний путь развития и роста»². Очевидно, что никакого «широкого обсуждения» после весьма однозначных суждений Фадеева, изложенных в статье «Задачи литературной теории и критики»³, не предполагалось: все тексты, включенные в сборник, так или иначе развивали предложенную «литературным генсеком» точку зрения на соцреализм. В этот том, помимо вышеупомянутой работы Фадеева, вошли статьи Т. Мотылевой («Мировое значение советской литературы»), Б. Бялика («Горький и социалистический реализм»), Е. Тагер («Горький и проблемы советской литературы»), Б. Яковлева («Ростки коммунизма и советская литература»), В. Кирпотина («Пафос социального воспитания»), Я. Эльсберга («Наши ближайшие предшественники»). Заключительным материалом в сборнике стала принципиально важная для нашей темы статья Я. Фрида «Социалистический реализм и современная декадентская литература», отнюдь не случайно почти наполовину посвященная творчеству Сартра.

Статья Фрида – один из ярчайших «антимодернистских» манифестов позднесталинской эпохи. В ней критик ставит под сомнение мысль о продуктивности развития почти всей западноевропейской литературы первой

¹ Основной каркас сборника был готов уже к началу осени 1947 г. Книга была подписана к печати 16 октября 1947 г. Одним из первых откликов на выход тома стала редакционная статья «Проблемы социалистического реализма» в «Литературной газете» (1948. № 47 (2430). 12 июня. С. 3).

² От издательства // Проблемы социалистического реализма: Сб. статей. [М.]: Советский писатель, 1948. С. [5].

³ В основу этой статьи, печатавшейся под разными названиями, лег текст выступления Фадеева в конце июня 1947 г. на XI пленуме правления ССП; позднее доклад был напечатан в «Литературной газете» (см.: Советская литература после постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград»: Доклад генерального секретаря ССП СССР тов. А. Фадеева // Литературная газета. 1947. № 26 (2341). 29 июня. С. 1–2). Окончательная расширенная (более, чем на десять страниц печатного текста) редакция текста датирована 1956 г.

половины XX в. Однако самое большое неудовольствие у него вызывает именно творчество «экзистенциалистов» – «специалистов по обесмысливанию бытия человеческого». Так, Фрид, ссылаясь¹ на уже упомянутое нами эссе «Экзистенциализм – это гуманизм» (*L'existentialisme est un humanisme*, 1946), писал:

«[п]афос» декадентского индивидуализма – в презрительном снисхождении к слабостям человека. Человек не совершенен. «Роковым» несовершенством людей объясняется несовершенство частнособственнического общества. Человек обречен на чисто обезьянье непостоянство, его мысль, его поступки всегда лишены последовательности <...>; он – игралище своих инстинктов, импульсов <...>; разум его сумеречен, слаб².

Главный упрек в адрес «декадентской эстетики» состоял в культивации декомпозированной личности:

...декадентская литература пришла к распаду искусства, к отказу от всех традиций критического реализма, к искусственному упрощению человека, к отрицанию целостности характера и превращению целостного характера во множество статичных, простейших состояний психики³.

Дело в том, что в понимании советских теоретиков культуры пресловутая «концепция личности» оказывалась осевым элементом произведения искусства, поэтому цельность героического типа трактовалась как едва ли не ключевой параметр «удачного» соцреалистического текста и закономерно определяла иллюзорную аксиологическую перспективу этого текста. Нет ничего удивительного в том, что этот параметр в применении

¹ Примечательно, что Фрид дает ссылки на тексты Сартра по французским изданиям, что еще раз подтверждает факт их доступности в Советском Союзе. При этом поражает объем привлекаемых источников: Фриду были доступны не только художественные тексты, но и публицистика Сартра.

² *Фрид Я.* Социалистический реализм и современная декадентская литература // Проблемы социалистического реализма. С. 366.

³ Там же. С. 373. Здесь и далее разрядка автора. – Д.Ц. Позднее, уже в начале 1950-х гг., обвинения в «схематизме» распространятся и на произведения советской литературы, чьи авторы сознательно или неосознанно отклонились от примата социалистического реализма (см., например: *Озеров В.* Против литературных схем, обедняющих жизнь // Правда. 1951. № 290 (12127). 17 октября. С. 2–3).

к «натуралистическому»¹ методу Сартра давал отрицательный результат: «По Сартру, – продолжал Фрид, – только смерть раскрывает “реальную” ценность действий человека – ценность, которая... равна нулю. <...> Отсюда цинично-релятивистское отрицание всех моральных ценностей»². Не обошел вниманием Фрид и вопрос о жанровой специфике «декадентского» искусства. В типичной для работ такого плана оппозитивной манере критик стремился показать «ущербность» западной литературы с присущей ей тенденцией к «распадающейся» романной форме на фоне «цветущего» социалистического реализма с его тягой к монументальности текста:

Сартр, доводя до окончательного развития приемы композиции Джойса и Дос-Пассоса³, рубит роман на кадры и кадрики, перемешивает их – и в каждом отрезке перед нами клочок «внутреннего монолога» какого-то одного «конкретного» человека и клочок его «индивидуального» времени. <...>

Кадрики Сартра разбивают существование героя на хаос отдельных состояний, не связанных друг с другом: каждое состояние может быть «независимым» от предшествовавших состояний, от цельности характера⁴.

Тенденция к фрагментарности в советской литературе, будучи едва ли не центральным стилевым ориентиром 1920-х – начала 1930-х гг. (в частности, в «метельном» стиле раннесоветской прозы⁵), оказалась по-

¹ Фрид пишет об этом: «Конечно, физиологизм натурализма подготовил почву для формирования биологизма современного декадентства. <...> Для современных декадентов “несовершенство” человека – неизменно. Физиологизм – одна из самых слабых сторон натурализма. Эстетика социалистического реализма последовательно борется с опасностью влияния натурализма на отдельных советских писателей» (Фрид Я. Социалистический реализм и современная декадентская литература. С. 374).

² Там же. С. 375.

³ Выбор именно этих имен отнюдь не случаен и отсылает к давней дискуссии о Джойсе и Дос Пассосе, состоявшейся в первой половине 1930-х гг. Подробнее об этом см.: Гюнтер Х. Советская литературная критика и формирование эстетики соцреализма: 1932–1934 // История русской литературной критики. С. 259–266; Гальцова Е.Д. Западные писатели-модернисты в журнале «Литературный критик»: Пруст, Джойс, Дос Пассос // Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории 1917–1941 годов: исследования и архивные материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 669–686.

⁴ Фрид Я. Социалистический реализм и современная декадентская литература. С. 381.

⁵ Подробнее об этом см.: Белая Г.А. Закономерности стилевого развития советской прозы двадцатых годов. М.: Наука, 1977. С. 111–118.

давленной в ходе многочисленных дискуссий о параметрах творческого метода. Во второй половине 1940-х гг. монументализм советской прозы¹ достиг высшей точки – «Большой Стиль» предъявил себя во всей полноте. Необузданное стремление практики соцреалистического письма к оформлению в специфический метанарратив привело к упразднению текстовой замкнутости, к окончательному демонтажу «теории романа» («эпос» взял верх над «романом»). Иначе говоря, твердая литературная форма перестала быть средством репрезентации соцреалистической эстетики², которая обрела способность формировать более сложные текстовые структуры. Закономерным образом этот процесс немногим позднее выразился, например, в списке лауреатов Сталинской премии по литературе за 1951 г. Наряду с почти тысячестраничным романом С.П. Злобина и пятисотстраничным романом В.Т. Лациса премий второй и третьей степеней были удостоены *романные циклы* В.Л. Василевской, Н.П. Задорнова. Точности ради отметим, что в дальнейшем советская официальная литература, будучи продуктом распада сталинского соцреализма, сохранит тенденцию к созданию произведений эпопейного типа: В.С. Гроссман напишет роман «Жизнь и судьба» (1959), который в паре с «За правое дело» образует дилогию; в конце 1950-х и все 1960-е гг. К.М. Симонов будет писать военную трило-

¹ А.Н. Толстой еще в 1924 г. в статье «Литературные заметки (Задачи литературы)» вслед за А.В. Луначарским провозглашал монументальность в качестве ключевого параметра «нового» искусства: «Эстетическое искусство – развлечение. В нем всегда встает роковой вопрос: есть ли в искусстве смысл. Эстетизм не дает ответа. Я противопоставляю эстетизму литературу монументального реализма. Ее задача человекотворчество. Ее метод – создание типа. Ее пафос – всечеловеческое счастье, – совершенствование. Ее вера – величие человека. Ее путь – прямо к высшей цели: в страсти, в грандиозном напряжении создавать тип большого человека. <...> Мы не должны бояться широких жестов и больших слов. Жизнь размахивается наотмашь и говорит пронзительные, жестокие слова. Мы не должны бояться громоздких описаний, ни длиннот, ни утомительных характеристик: монументальный реализм!» (цит. по: *Толстой Ал.* Литературные заметки (Задачи литературы) // Писатели об искусстве и о себе: Сб. статей. М.; Л.: Круг, 1924. С. 15–16, 18–19).

² Неслучайно М.М. Бахтин, выступая против марксистски ориентированных построений Г. Лукача, еще в 1941 г. в докладе «Роман как литературный жанр» (опубл. в 1970 г. под названием «Эпос и роман» с подзаголовком «О методологии исследования романа») отмечал, что именно эпическое начало позволяет стабилизироваться эстетическому канону, тогда как роман «не имеет такого канона, как другие жанры: исторически действены только отдельные образцы романа, но не жанровый канон как таковой». По Бахтину, роман – «единственный становящийся жанр среди давно готовых и частично уже мертвых жанров» (цит. по: *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 448).

гию «Живые и мертвые» («Живые и мертвые», 1959; «Солдатами не рождаются», 1962; «Последнее лето», 1971); Ф.А. Абрамов на протяжении почти тридцати лет будет работать над тетралогией «Прясины» («Братья и сестры», 1958; «Две зимы и три лета», 1968; «Пути-перепутья», 1973; «Дом», 1979); тогда же А.С. Иванов будет писать сперва хронику «Тени исчезают в полдень» (1963), а затем двухчастный роман-эпопею «Вечный зов» (1970, 1976), П. Проскурин – трилогию «Судьба» (1972), А.Б. Чаковский – эпопею в пяти книгах «Блокада» (1975), а В.А. Закруткин – эпопею в трех книгах «Сотворение мира» (1978); вершинной точкой развития этой тенденции можно считать «Красное колесо» А.И. Солженицына¹. Фрид уже в 1947 г. осознал, что в этой дихотомии «распадающегося» / «монументального» состоит едва ли не главная черта различия между «модернизмом» и «соцреализмом», и, по-видимому, нехотя, резюмировал, провоцируя искушенного читателя на усмешку:

Когда от Морана, Клоделя, Сартра, Кафки, Камю мы переходим к Горькому, Маяковскому, к «Молодой гвардии» Фадеева, к «Людам с чистой совестью» П. Вершигоры, к произведениям Шолохова, мы словно вырываемся из подземелья на простор, к яркому солнцу <...> Вообще не следует преувеличивать роль декадентства в западной литературе последних десятилетий. Вспомним, что формирование западной литературы последних десятилетий неотделимо не только от глубокого потрясения и мучительного разочарования, вызванного первой мировой войной, но и от великих надежд, порожденных Октябрьской революцией, строительством социализма в нашей стране, победами Советского Союза. Вспомним, что передовые западные писатели уже давно с огромным интересом следят за развитием советской литературы и изучают ее опыт, – что для них стало маяком гениальное сталинское определение принципов социалистического реализма².

Имен этих «передовых западных писателей» Фрид, конечно же, не называет. Эта фигура умолчания объясняется тем, что советская пропаганда трепетно «подбирала слова», когда речь шла о работе с внешними потребителями советской идеологической риторики. Поэтому в «проработочных»

¹ Подробнее о влиянии соцреалистической теории на писательскую стратегию Солженицына см. в: *Николсон М.А.* Солженицын как «социалистический реалист» // Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика: 1974–2008: Сб. статей. М.: Русский путь, 2010. С. 476–498.

² *Фрид Я.* Социалистический реализм и современная декадентская литература. С. 389–390.

статьях такого толка очень редко можно встретить упоминания конкретных «подельников». (Это же справедливо и для тактики присуждения международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами»: награды учреждались лишь с учетом отсутствия прогнозируемых негативных последствий для лауреата.) Вердикт Фрида сформулирован без обиняков:

Будет расти и развиваться талантливая передовая литература Запада, ибо творческие возможности народов неисчерпаемы. А творчество тех писателей, которые сознательно и упорно противопоставляют себя народу, принадлежит небытию, к которому оно так устремлено¹.

В самом конце 1940-х гг. отношение к западноевропейской литературной традиции заметно усложнилось. Если раньше, как уже было отмечено, советские теоретики позиционировали «модернизм» как весьма атомизированное, но тем не менее относительно цельное в идейном отношении явление, противостоящее прогрессивному «критическому реализму», то после борьбы с «низкопоклонством перед Западом» под влиянием различных – прежде всего идеологических – факторов в трактовке «модернизма» наметилась тенденция к несколько более подробной дифференциации. Однако эта трактовка «чужой» культуры по-прежнему осталась сопряженной с проблемным полем «основного метода» советской литературы. Именно поэтому в теоретической по установке и «проработочной» по духу статье А.К. Тарасенкова «Советская литература на путях социалистического реализма»² мы сталкиваемся с пространными пассажами, посвященными западной литературе. По Тарасенкову, «буржуазные писатели» – орудие в руках их «хозяев-капиталистов», а создаваемая ими литература якобы отчетливо делится на две различные в эстетическом отношении части:

Для современной буржуазной литературы чрезвычайно характерно разделение на два рода, которые могут показаться противоречивыми только поверхностному наблюдателю. На одном «полюсе» – литература, призванная

¹ Там же. С. 393.

² Статья Тарасенкова имеет по крайней мере две редакции. Первоначальный ее вариант был напечатан критиком в сборнике «Идеи и образы советской литературы» (М.: Советский писатель, 1949). Затем в переработанном и дополненном виде она была перепечатана сперва в сборнике статей «Советская литература» (М.: Учпедгиз, 1950), а потом в томе избранных работ Тарасенкова «О советской литературе» (М.: Советский писатель, 1952). Далее в тексте ссылки на эту статью мы даем по сборнику 1950 г.

разлагать сознание масс. Это всевозможные дешевые авантюрные и сексуальные истории о гангстерах, автомобильных погонях, таинственных преступлениях, кроважидных и соблазнительных женщины, глупые и вздорные повествования внезапно и сказочно разбогатевших на бизнесе мальчиков-газетчиков, о молодых красавицах с белозубыми улыбками – короче весь тот отвратительный, мутный литературный поток, который, служа целям пропаганды фашистских, человеконенавистнических идей, ежедневно изливается из недр американских буржуазных издательств, газет и журналов, звучит с подмостков мюзикхоллов и ночных кабаре, популяризируется в кинокартинах Голливуда, все шире захлестывая в авантюристическом порыве своей идеологической экспансии многие страны Западной Европы, Латинской Америки, Азиатского материка, Австралии. Это литература самого низкого пошиба, даже и не претендующая ни на какую художественность, свидетельствующая о полной потери ее авторами какого бы то ни было вкуса и морали, литература циническая, вся построенная на бизнесе, пропагандирующая фашистские идеи, не скрывающая своей откровенной грубой игры на низменных сторонах человеческой психологии.

Второй род современной буржуазной литературы, казалось бы, отличен от первого. Это так называемая литература «высоколобых», романы и поэмы, авторы которых выступают во всеоружии идеалистической философии и социологии, претендуя на звание «новаторов» в области формы. Творения различных Дос-Пассосов и Сартров, Андре Жидов и Эллиотов¹ – это попытка буржуазного искусства создать «утонченную» форму, создать литературу психологических «нюансов», словесная эквилибристика, лишённая здравого смысла, представляющая собой игру в слова и понятия. Это литература, предельно выхолощенная, насквозь формалистическая. Декадентские изломы сплетаются в ней с чудовищным, циническим натурализмом, она полна самого крайнего релятивизма и одновременно религиозного ханжества. Но под покровом этих формалистских «изысков» и психологических «тонкостей» современные «высоколобые» писатели буржуазии ведут ту же самую яростную пропаганду фашистского мракобесия. Заумный бред различных сюрреалистов и экзистенциалистов служит тем же целям, что и низменная авантюрная литература, о которой шла речь выше².

¹ Примечательно, что на почти на этих же авторах подробно останавливался Я. Фрид в цитированной выше статье «Социалистический реализм и современная декадентская литература».

² Тарасенков А.К. Советская литература на путях социалистического реализма // Советская литература: Сб. статей. М.: Учпедгиз, 1950. С. 9–10.

Как видим, динамика отношения к западной литературе свидетельствовала об угасании всякой дипломатической интенции и делала бескомпромиссное отрицание главной стратегией межгосударственных культурных взаимодействий. Таким образом, во второй половине 1940-х гг. за Сартром в советском науке о литературе и литературной критике по ряду не вполне логически формализуемых причин закрепилась репутация лидера «декадентской литературы загнивающего Запада». Ни один (!) из европейских или американских писателей и мыслителей конца XIX – начала XX столетия не удостоился такого внимания коммунистической пропаганды и, как следствие, такого числа дискредитирующих публикаций. С уверенностью можно говорить о том, что случай Сартра беспрецедентен не только для периода сталинизма, но и для всей семидесятилетней советской эпохи. Однако в этой истории довольно длительных *взаимоотношений* были и периоды «потеплений», первый из которых пришелся на начало 1950-х гг.

5.

В первой половине 1950-х гг. отношение к фигуре Сартра неоднократно и весьма стремительно менялось. В уже упомянутой книге Б. Песиса «Французская прогрессивная литература в борьбе за мир и демократию», создававшейся в конце 1940-х – первой половине 1951 г. и подписанной к печати в январе 1952 г., содержится краткая, но емкая характеристика сартровской интеллектуальной деятельности:

Одновременно враги французского народа пытаются замолчать или преуменьшить роль советских людей – спасителей Европы от фашизма. Эти трюки лакейской литературы прямо связаны с замыслом американских штабов, которые надеются вытравить из памяти народов подвиги героев Сталинграда, взятие Берлина, победу над Японией, чтобы таким образом облегчить себе добывание пушечного мяса для военных авантур в Азии и Европе. Бельмом на глазу у американской пропаганды является история Сопротивления, показавшая, что французский народ не только не дал себя втянуть в антисоветскую войну, но, вдохновляясь примером Советского Союза, «осененный крылом Сталинграда», развернул героическую борьбу против поработителей. Исторические уроки этой борьбы и стараются «опровергнуть» бесчисленные фальшивки.

Сартр вскоре после окончания войны опубликовал в Лондоне подхалимское «обращение» к англо-саксам. Беря на себя роль лжесвидетеля,

Сартр заявил, что никакого реального сопротивления французских партизан и подпольщиков не было. Сартр осмеливается называть героические подвиги таких людей, как Габриэль Пери, «жестами». В качестве «освободителей» Франции он рекламирует всех тех, кто руками де Голля изменнически подрывал борьбу французских партизан¹.

Кроме того, Песис прямо говорит о коллаборационистских взглядах Сартра² и выдвигает вполне конкретные обвинения, ранее не артикулировавшиеся так развернуто:

Сартр не только не может скрыть своей ненависти к героям французского народа, к коммунистам, расстрелянным гитлеровцами, но и прямо признается в своем сочувствии коллаборационистам. «Коллаборационизм, – нагло заявляет Сартр, – был усилием вернуть Франции ее будущее»³. Таким образом, ясно, какое будущее хотели бы готовить Франции сартры, – нечто вроде деголлевого Виши под сапогом у американских генералов.

«Опровергая» историю Сопротивления, историю борьбы за свободу и национальную независимость Франции, Сартр прибегает к откровенно космополитической клевете на народ. <...> Сартры приходят в неистовство всякий раз, когда французский народ выступает в защиту мира, против террора, осуществляемого лидерами «американской партии».

<...> расчеты Сартра, Руссе и прочих разбойников пера на то, что их американским хозяевам удастся усмирить французов, не оправдались. Почва горит под ногами американских оккупантов во Франции⁴.

Важным для нас оказывается и другой контекст, намеченный в приведенном фрагменте. Критик утверждает абсолютную несамостоятельность мировоззренческих установок Сартра, называет его, наряду с Андре

¹ Песис Б.А. Французская прогрессивная литература в борьбе за мир и демократию. С. 145.

² Подробнее об этом см.: Фокин С.Л. Экзистенциализм – это коллаборационизм? (Несколько штрихов к портрету Жана-Поля Сартра в оккупации) // Новое литературное обозрение. 2002. № 3 (55). С. 258–281; Полякова Н.В. Французский экзистенциализм: Политическая философия в условиях национальной катастрофы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2015. № 3. С. 15–24.

³ Цитата из примечания Сартра к его собственной статье «Париж при оккупации» (“Paris sous l’Occupation”), опубликованной в 1945 г. в лондонском органе печати политического объединения «Свободная Франция».

⁴ Песис Б.А. Французская прогрессивная литература в борьбе за мир и демократию. С. 145–146.

Мальро¹, «более натренированным шулером», чем любые другие деятели «французского декадентства и литературного гангстерства американского образца». Песис прямо связывает интеллектуальную деятельность Сартра со «шпионофобией», набравшей обороты в послевоенном СССР (ср.: «Сартры и прочие воспевают “чувства шпионов”, что вполне отвечает функциям гангстеров пера, занимающихся вербовкой предателей и диверсантов для Эйзенхауэра»²).

Вскоре во взглядах Сартра наметилась перемена³, сделавшая возможным его сближение сперва с кругами левых французских интеллектуалов, выступавших против политической линии американского правительства⁴, а затем и с руководством СССР. В середине – второй половине 1952 г. на страницах «*Temps modernes*» в виде серии статей появился его трактат «Коммунисты и мир» (“*Les communistes et la paix*”, 1952, 1954), после чего Сартра начинают воспринимать как «попутчика» коммунистического движения. Антиамериканизм, ставший доминирующим в политических взглядах мыслителя, послужил поводом к возбуждению в кругах советской партийно-литературной номенклатуры прагматического интереса к его фигуре.

С 12 по 19 декабря 1952 г. в Вене проходил Конгресс народов в защиту мира⁵, который советская пропаганда восприняла как весьма выгодную площадку для выстраивания взаимоотношений с «коммунизировавшимся»

¹ Подробнее о репутации Мальро в сталинском СССР см.: *Балашова Т.В.* Эстетические предпочтения Андре Мальро и его контакты с культурой страны Советов // Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории 1917–1941 годов. С. 162–221.

² *Песис Б.А.* Французская прогрессивная литература в борьбе за мир и демократию. С. 150–151. Примечательно, что в конце 1930-х Песис, заведовавший отделом теории и критики в «Интернациональной литературе», и Мальро состояли в переписке: о письме 1937 г. критик, пытаясь переменить мнение писателя о журнале, раболопно и мягко упрекал его в «проявлении минутной “развязности”» (см.: Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века. С. 387–389).

³ Уже позднее советские историки и биографы Сартра представляли эту трансформацию как закономерный и безальтернативный процесс (см., например: *Кисель М.А.* Философская эволюция Ж.-П. Сартра. Л.: Лениздат, 1976).

⁴ Подробнее о роли Сартра в антиамериканской компании 1950-х гг. см.: *Сондерс Ф.* ЦРУ и мир искусств: Культурный фронт холодной войны. М.: Кучково поле, 2013. Отношение философа к Америке на протяжении нескольких десятилетий было неравномерным и зачастую менялось в связи с интенсификацией советской пропагандистской риторики (подробнее об этом см.: *McBride W.* Sartre and America // *Філософія освіти.* 2017. № 2 (21). С. 266–275).

⁵ Подробнее см.: *Материалы Конгресса народов в защиту мира.* Вена, 12–19 декабря 1952 г. М.: Госполитиздат, 1954.

Сартром. В это же время в Москве шло обсуждение кандидатов на международные Сталинские премии «За укрепление мира между народами». 16 декабря Луи Арагон выступил с возражением против присуждения награды своему другу Иоганнесу Бехеру, аргументируя это тем, что «следовало бы выдвинуть такую кандидатуру, которая могла бы вызвать больший международный отклик, в частности во Франции»:

<...> Поэтому мне хотелось бы, чтобы кандидатура из Германии была бы именно такой, которая способна вызвать наибольший международный отклик, в частности во Франции, чтобы мы могли успешнее бороться с шовинизмом. Вот причина, которая заставила меня высказать критическое замечание. Остается мое пожелание выдвигать из Германии кандидатуру, способную вызвать наибольший международный отклик¹.

По мнению акад. Д.В. Скобельцына, такой кандидатурой мог бы оказаться бывший рейхсканцлер (1921–1922) Йозеф Вирт. Вместе с тем Бехер выступал еще и в роли выгодного посредника между советскими партфункционерами от литературы и «критическим реалистом» Томасом Манном – главной «мишенью» сталинской политики «сплочения прогрессивных творческих сил» в деле противостояния «упаднической культуре империалистического Запада»². Особых прений в Комитете не было, так как часть экспертов (Го Мо-жо, И. Эренбург и Дж. Бернал) была задействована в работе упомянутого Конгресса народов в защиту мира, куда также был вызван Арагон «для лучшей связи с группой французских писателей, <...> в которую входит, между прочим, писатель Сартр»³; позднее туда же при-

¹ Протокол № 3 заседания Комитета по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами». 23 декабря 1952 г. ГА РФ. Ф. 9522. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 24.

² Подробнее о роли Бехера в деле налаживания связей Томаса Манна с Советским Союзом см.: *Баскаков А.Н.* «Я не попутчик...»: Томас Манн и Советский Союз. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 142–163. Кроме того, стоит отметить, что именно Бехер выступил автором предисловия к русскому переводу романа Г. Манна «Голова» (М.: Гослитиздат, 1937). Попытки воздействовать на Т. Манна через его брата Генриха также предпринимались. В 1939 г. А. Фадеев и А. Толстой организовали приезд Г. Манна в СССР, чтобы предотвратить возможные преследования писателя-антифашиста. В архиве Толстого сохранилось письмо Т. Манна от 8 мая 1943 г., написанное по-английски (см.: *Переписка А.Н. Толстого: В 2 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. С. 355–359*).

³ Протокол № 1 заседания Комитета по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами», 16 декабря 1952 г. // ГА РФ. Ф. 9522. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 2. Курсив мой. – *Д.Ц.*

был и Неруда, а Фадеев отсутствовал, так как оказался в больнице. Фактически, решение по премированию в 1952 г. принимали трое экспертов: Скобельцын, Дембовский и Садовяну. В ряду претендентов из Советского Союза были названы Фадеев, Эренбург и Лысенко¹ (позднее в список была внесена и фамилия Прокофьева), но всецело общественными организациями была поддержана лишь кандидатура Ильи Эренбурга. Соответствующее постановление Комитета по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами» «О присуждении международных Сталинских премий “За укрепление мира между народами” за 1952 год» было принято 20 декабря 1952 г.² Возникновение имени Сартра в этом контексте весьма примечательно, так как свидетельствует об особой расположенности советской стороны к оформлению в странах Западной Европы коммунистически ориентированной интеллектуальной ойкумены. В тот же день, когда на сессии в Комитете впервые возникло имя Сартра, вышел очередной выпуск «Литературной газеты», передовица которой была посвящена Конгрессу. В рубрике «Говорят люди различных убеждений и верований» в ряду «сочувствующих» уже вполне благожелательно цитировался и нейтральный фрагмент из выступления Сартра:

Если в ООН имеются еще люди, которые верят, что третья мировая война явится борьбой добра против зла, мы говорим им, что они неправы. Народы встретились друг с другом, говорили друг с другом, соприкасались друг с другом, и они согласились, что, во всяком случае, война, которую им готовят, является злом, что, во всяком случае, мир, который они хотят установить и который они установят, является благом. На нас больше не обрушат крестового похода³.

Сартровская речь на конгрессе была посвящена критике американской политики усугубления конфликта и оказалась важной вехой в эскалации антиамериканских настроений в советском социуме⁴. Прямо в Вене Симо-

¹ По поводу фигуры Лысенко Скобельцын добавил: «Что касается кандидатуры Лысенко, то нужно считаться с мнением советских общественных организаций, а они выдвигают на этот год только Илью Эренбурга» (Протокол № 1 заседания Комитета по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами», 16 декабря 1952 г. ГА РФ. Ф. 9522. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 8).

² Документ опубл. в: Правда. 1952. № 356 (12558). 21 декабря. С. 1.

³ Говорят люди различных убеждений и верований // Литературная газета. 1952. № 150 (3023). 16 декабря. С. 1.

⁴ Неслучайно текст выступления Сартра на Венском конгрессе был опубликован в январском номере журнала «В защиту мира» за 1953 г. и в приложении к журналу «Новое время» (1953. № 1).

ФРАНЦИЯ

Говорит писатель ЖАН-ПОЛЬ САРТР:

— Если в ООН имеются еще люди, которые верят, что третья мировая война явится борьбой добра против зла, мы говорим им, что они неправы. Народы встретились друг с другом, говорили друг с другом, соприкасались друг с другом, и они согласились, что, во всяком случае, война, которую им готовят, является злом, что, во всяком случае, мир, который они хотят установить и который они установят, является благом. На нас больше не обрушат крестового похода.

нов передал Сартру приглашение в СССР. С этого момента его отношение к советской власти начало стремительно улучшаться, а радикализм сталинской пропаганды по отношению к «попутчику» стал закономерно смягчаться. Эти перемены во взаимоотношениях стали причиной появления сперва сокращенного перевода трактата Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм» в сборнике с примечательным названием «Французские коммунисты в борьбе за прогрессивную идеологию», вышедшем в «Издательстве иностранной литературы», а затем и упомянутого выше полного перевода этого программного текста.

В предоттепельную эпоху некогда «попутническая» репутация Сартра в СССР значительно окрепла¹: бывший враг социалистического режима фактически стал его идейным пособником. За эту метаморфозу советское правительство щедро вознаградило французского мыслителя. После выступления Роже Гароди² перед Иностранной комиссией Союза писателей³ в начале 1954 г. о «полезности» Сартра для дел компартии ни у кого не осталось сомнений в возможности его приезда в СССР. В конце мая 1954 г. Сартр и Симона де Бовуар по приглашению ССП приехали с месячным визитом, в ходе которого советской стороне удалось

¹ Подробное о взаимоотношениях Сартра и советского правительства в 1950-е гг. см.: Гальцова Е. Д. Недоразумения (первая канонизация Сартра в СССР) // Литературный пантеон: национальный и зарубежный. М.: Наследие, 1999. С. 295–314.

² Отметим, что именно он в 1947 г. опубликовал разгромную книгу «Литература могильщиков» (*Une littérature de fossoyeurs*), где обрушился на «некоммунистических левых» писателей Франции, и в том числе на Сартра.

³ Текст выступления Гароди был опубликован под названием «О некоторых явлениях в современной французской литературе» в «Знамени» (1954. № 6).

заручиться поддержкой писателя в деле постановки нескольких его пьес – «Почтительная шлюха» (*La Putain respectueuse*, 1946) и «Кин» (*Kean*, 1953). Хотя подготовка пьесы «Кин» и не приведет ни к каким итогам, «Почтительная шлюха» в постановке И.С. Анисимовой-Вульф под названием «Лиззи Мак-Кей» и с традиционно измененным финалом была поставлена на сцене Театра имени Моссовета. В основу постановки лег перевод пьесы, подготовленный С.И. Юткевичем¹. В статье о Сартре, опубликованной в «Большой советской энциклопедии» в конце 1955 г., по поводу этой пьесы читаем: «Укрепившаяся связь с прогрессивными писателями Франции благотворно отразилась на творчестве С[артра], к[ото]рое все глубже проникается реалистическими и оптимистическими тенденциями. В пьесе “Почтительная проститутка” (пост. и изд. 1946, в рус. пер. – «Лиззи», 1955) выведены сатирич[еские] образы амер[иканских] расистов и показано растлевающее действие реакционной идеологии на простых людей Америки»².

Во время следующего недельного визита Сартра и де Бовуар в Москву в конце октября 1955 г.³ лично Ю.А. Завадский – главный режиссер театра – познакомит Сартра с планом постановки, эскизами декораций и костюмов, а также афишей грядущего спектакля⁴.

Тогда же вновь встал вопрос о присуждении Сартру международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами». Имя французского мыслителя вновь возникло на обсуждении кандидатов в Комитете 11 декабря 1954 г. (К тому моменту он фактически избран вице-президентом Общества дружбы «Франция – СССР».) Примечательно, что на этом заседании впервые (!) прямо обозначился конфликт со

¹ Одробнее об этом см.: Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века. С. 490–491

² Сартр Жан-Поль // Большая советская энциклопедия: В 51 т. [М.]: Большая советская энциклопедия, 1955. Т. 38. С. 123.

³ Как свидетельствуют фотоматериалы, Сартр также вновь встретится со знакомыми ему по прошлому визиту советскими писателями (среди них: Микола Бажан, Константин Симонов и Константин Федин). Сюжет о пребывании французских писателей С. де Бовуар и Ж.-П. Сартра в Москве вошел в киножурнал «Новости дня» № 58 (режиссер В.В. Катанян). Позднее Катанян описал свои впечатления от знакомства с Сартром в мемуарах (запись от 31 октября 1955 г.): «Сартр – маленький, уродливый гномик, славный и любезный. Его жена де Бовуар высокая, элегантная. Им бешено понравился “Клоп” в Сатире» (*Катанян В.В.* Лоскутное одеяло. М.: Вагриус, 2002. С. 131).

⁴ Этот спектакль с Л.П. Орловой в главной роли будет непрерывно идти в Театре имени Моссовета вплоть до 1966 г.

Ж.-П. Сартр и С. де Бовуар в Театре им. Моссовета

структурами Нобелевского комитета: Я. Дембовский в своем выступлении указал на несхожесть принципов, лежащих в основе работы двух институтов и состоящих в том, что

...Нобелевский комитет присуждает премии выдающимся ученым уже после того, как научные достижения проверены и стали достоянием науки. (Далее следует неразборчивый текст, вписанный позднее. – Д.Ц.)

Наша задача состоит не только в том, чтобы присудить премию ... (неразборчиво. – Д.Ц.), но и в том, чтобы главным образом поддержать движение за мир в отдельных странах. Поэтому, мне кажется, мы должны сосредоточить наше внимание на тех кандидатурах, для которых присуждение премии будет являться дальнейшим стимулом в их еще более энергичной деятельности, и отклонить те кандидатуры, относительно которых мы имеем основания думать, что они не внесут ничего нового в дело мира¹.

¹ Стенограмма заседания Комитета по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами», 11 декабря 1954 г. ГА РФ. Ф. 9522. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 5.

Предварительный список претендентов на премию за 1954 г. состоял из двадцати имен, в числе которых оказались Николай Тихонов и Жан-Поль Сартр. О последнем Луи Арагон не вполне внятно говорил:

...необходимо учитывать, что интересная и полезная эволюция его (Сартра. – Д.Ц.) началась сравнительно недавно. В свое время он писал вещи, которые могли быть использованы и были использованы против борьбы за мир. Сейчас он сам занимает по отношению к этим вещам, к этим текстам вполне удовлетворительную позицию. Однако, присуждение ему премии так быстро после того, как он изменился, может быть использовано не только определенными французскими газетами, органами прессы, но и значительной частью общественного мнения для того, чтобы подчеркнуть, что речь идет о своеобразной компенсации, оплате за прошедшую у Жана-Поля Сартра эволюцию. Необходимо это учитывать.

Я думаю, что Жан-Поль Сартр, мнение которого не запрашивалось по этому вопросу, был бы согласен с такой точкой зрения. Сартр очень ценит имеющиеся у него связи с определенными слоями общественного французского мнения, на которые он оказывает влияние, и он очень хочет сохранить эти связи, боится, что они нарушатся. Возьмем такой пример: Жан-Поль

Сартр приглашен на съезд советских писателей. Он уже один раз был в Советском Союзе и, если он второй раз не придет, то это следует расценить, как желание сохранить эти связи, поскольку те люди, с которыми он связан, которыми он дорожит, смогут сказать, что Жан-Поль Сартр очень быстро пошел по ~~этому~~ *новому* пути¹.

Второй раз, как уже отмечалось, Сартр посетил СССР в октябре 1955 г. на обратном пути из Китая. Мыслитель прошел ту самую пресловутую «проверку», которую ему готовили советские партфункционеры от культуры, но они встречную «проверку» пройти не смогли. После ввода советских войск в Венгрию в начале ноября 1956 г. во взаимоотношениях Сартра и коммунистической партии СССР вновь наметится кризис². 9 ноября в «Экспрессе» появилась его резкая разоблачительная статья «Призрак Сталина» (“Le Fantôme de Staline”). Симпатия Сартра к советскому политическому режиму существенно ослабла, но не иссякла полностью. Однако последствия этого почти шестилетнего кризиса будут давать знать о себе вплоть до смерти французского мыслителя 15 апреля 1980 г.

Литература

Андреев Л.Г. Жан-Поль Сартр: свободное сознание и XX век. М.: Geleos, 2004.

Баскаков А.Н. «Я не попутчик...»: Томас Манн и Советский Союз. М.; СПб.: Нестор-История, 2021.

Белая Г.А. Закономерности стиливого развития советской прозы двадцатых годов. М.: Наука, 1977.

Блох А.М. Советский Союз в интерьере нобелевских премий. Факты. Документы. Размышления. Комментарии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005.

Вавилова В.Ю., Просветов С.Ю. Интерпретация идей Ф.М. Достоевского в творчестве французских экзистенциалистов // Культура. Духовность. Общество. 2015. № 19. С. 59–63.

¹ Там же. Л. 9–10. М. Садовяну позже скажет о том, что Сартр уверенно идет по пути размежевания со своим прошлым, поэтому следовало бы выяснить у писателя его мнение о возможности премирования. Однако его аргументы не повлияли на ход дискуссии.

² На этот раз в роли судьбы Сартра выступит все тот же Гароди, всего два года назад настаивавший на положительной эволюции сартровских взглядов (см.: *Гароди Р.* Ответ Сартру // Литературная газета. 1956. № 142 (3643). 29 ноября. С. 3).

Гальцова Е. Д. Недоразумения (первая канонизация Сартра в СССР) // Литературный пантеон: национальный и зарубежный. М.: Наследие, 1999. С. 291–314.

Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

Добренко Е.А. Поздний сталинизм: эстетика политики: В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Добренко Е.А. Судный день русской литературы. Пост-классический роман: канон и трансгрессия // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 3. С. 9–22.

История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Кормилов С.И. Из истории антиэстетической антимысли: литературная критика послевоенного десятилетия о реализме, типическом и герое советской литературы // Из истории русской эстетической мысли. СПб.: Образование, 1993. С. 153–172.

Куликова О. Д. Французский журнал «Тан модерн» и начало холодной войны (1944–1954 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2002.

«Мы предчувствовали полыханье...»: Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Документы и комментарии. Июнь 1941 – сентябрь 1945 г. М.: РОССПЭН, 2015. Т. 2.

Полякова Н.В. Французский экзистенциализм: политическая философия в условиях национальной катастрофы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2015. № 3. С. 15–24.

Пономарев Е.Р. Экспорт и реэкспорт соцреализма: восточноевропейские литературы в контексте советского толстого журнала (конец 1940-х годов) // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 93–112.

Постер М. Экзистенциальный марксизм в послевоенной Франции: от Сартра к Альтюссеру // Философско-антропологические исследования. 2008. № 3–4. С. 86–123.

Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории 1917–1941 годов. Исследования и архивные материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2015.

Солженицын: мыслитель, историк, художник. Западная критика: 1974–2008: Сб. статей. М.: Русский путь, 2010.

Сондерс Ф. ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны. М.: Кучково поле, 2013.

Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М.: Материк, 2005.

Фокин С.Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб.: РХГА, 2013.

Фокин С.Л. Экзистенциализм – это коллаборационизм? (Несколько штрихов к портрету Жана-Поля Сартра в оккупации) // Новое литературное обозрение. 2002. № 3 (55). С. 258–281.

Цыганов Д.М. Холодная война с «модернизмом»: Международная Сталинская премия в контексте западно-советских литературных взаимодействий периода позднего сталинизма // Rossica. Литературные связи и контакты. 2022. № 2. С. 191–268.

Шишкова Т. Внеждановщина: советская послевоенная политика в области культуры как диалог с воображаемым Западом. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Bollaert Ch. Советская судьба французских экзистенциалистов: анализ восприятия переводов произведений Жан-Поля Сартра и Альбера Камю. Gent: [Б. и.], 2014.

References

Andreev L.G. *Jean-Paul Sartre: Svobodnoe soznanie i XX vek* [*Jean-Paul Sartre: Free Consciousness and the XXth century*]. Moscow: Geleos publ., 2004. (In Russ.)

Baskakov A.N. “*Ja ne poputchik...*”: *Thomas Mann i Sovetskij Sojuz* [“*I am not a fellow-traveler...*”: *Thomas Mann and the Soviet Union*]. Moscow; Saint-Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2021. (In Russ.)

Belaja G.A. *Zakonomernosti stilevogo razvitija sovetskoj prozy dvadcatyh godov* [*Patterns of stylistic development of Soviet prose in the 1920s*]. Moscow: Nauka Publ., 1977. (In Russ.)

Bloh A.M. *Sovetskij Sojuz v inter'ere nobelevskih premij. Fakty. Dokumenty. Razmyshlenija. Kommentarii* [*The Soviet Union in the interior of the Nobel Prizes. Facts. Documentation. Reflections. Comments*]. Moscow: FIZMATLIT Publ., 2005.

Bollaert Ch. *Sovetskaja sud'ba francuzskih jekzistencialistov: Analiz vosprijatija perevodov proizvedenij Zhan-Polja Sartra i Al'bera Kamju* [*The Soviet fate of French existentialists: Analysis of the perception of translations of the works of Jean-Paul Sartre and Albert Camus*]. Gent: S.N., 2014. (In Russ.)

Dennes M. *Husserl – Heidegger. Influence de leur œuvre en Russie*. Paris; Montréal: L'Harmattan, 1998.

Dialog pisatelej: Iz istorii russko-francuzskih kul'turnyh svyazej XX veka. 1920–1970 [*Dialogue of Writers: From the History of the XXth century Russian-French cultural connections. 1920–1970*]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2002. (In Russ.)

Dobrenko E.A. “*Sudnyj den' russkoj literatury. Post-klassicheskij roman: Kanon i transgressija.*” [“*Doomsday of Russian literature. Post-classical novel: Canon and transgression*”]. *Filologicheskij klass* [*Philological Class*] 25:3 (2020): 9–22. (In Russ.)

Dobrenko E.A. *Pozdnij stalinizm: Estetika politiki: v 2 t. [Late Stalinism: Aesthetics of the Politics: in 2 vols]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020. (In Russ.)

Fokin S.L. “Ekzistencializm – eto kollaboracionizm? (Neskol’ko shtrihov k portretu Zhana-Polija Sartra v okkupacii)” [Existentialism is a Collaborationism? (A Few touches to the portrait of Jean-Paul Sartre during the occupation)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* 3 (55) (2002): 258–281. (In Russ.)

Fokin S.L. *Figury Dostoevskogo vo francuzskoj literature XX veka [Figures of Dostoevsky in the XXth century French literature]*. Saint-Petersburg: RHGA Publ., 2013. (In Russ.)

Galtsova E. D. “Nedorazumenija (pervaja kanonizacija Sartra v SSSR).” [“Misunderstandings (First canonization of Sartre in the USSR)”.] In *Literaturnyj panteon: Nacional’nyj i zarubezhnyj [Literary Pantheon: National and Foreign]*. Moscow: Nasledie Publ., 1999: 291–314. (In Russ.)

Istorija russkoj literaturnoj kritiki: Sovetskaja i postsovetskaja epohi [History of Russian literary criticism: Soviet and Post-Soviet epochs]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. (In Russ.)

Kormilov S.I. “Iz istorii antijesteticheskoj antimysli: Literaturnaja kritika poslevoennogo desjatiletija o realizme, tipicheskom i geroe sovetskoj literatury.” [“From the history of anti-aesthetic anti-thought: Literary criticism of the post-war decade about realism, the typical and the hero of Soviet literature”.] In *Iz istorii russkoj esteticheskoj mysli [From the History of Russian Aesthetic Thought]*. Saint-Petersburg: Obrazovanie Publ., 1993: 153–172. (In Russ.)

Kulikova O. D. *Francuzskij zhurnal “Les Temps modernes” i nachalo holodnoj vojny (1944–1954 gg.): Dissertatsia kand. ist. nauk. [The French journal “Les Temps modernes” and the beginning of the big war, 1944–1954. PhD Thesis]*. Yaroslavl’, 2002. (In Russ.)

McBride W. “Sartre and America.” *Філософія освіти [Filosofia osviti]* 2 (21) (2017): 266–275.

“My predchuvstvovali polyhan’e...”: *Sojuz sovetskih pisatelej SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Dokumenty i kommentarii. Ijun’ 1941 – sentjabr’ 1945 g. [“We Foresaw a Blaze...” The Union of Soviet Writers during the Great Patriotic War, June 1941 – September 1945]*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2015. (In Russ.)

Poljakova N.V. “Francuzskij jekzistencializm: Politicheskaja filosofija v uslovijah nacional’noj katastrofy.” [French Existentialism Political Philosophy in the conditions of national catastrophe”.] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnoshenija* 3 (2015): 15–24. (In Russ.)

Ponomarev E.R. “Eksport i rejeksport sorealizma: Vostochnoevropskie literatury v kontekste sovetskogo tolstogo zhurnala (konets 1940-h godov).” [“The Export

and Re-export of Socialist Realism. Eastern European Literatures in the Context of the Soviet Thick Journal (late 1940s)”. *Novoe literaturnoe obozrenie* 2 (144) (2017): 93–112. (In Russ.)

Poster M. “Ekzistencial’nyj marksizm v poslevoennoj Francii: Ot Sartra k Al’tiuseru.” [Existential Marxism in postwar France.] *Filosofsko-antropologicheskie issledovanija* 3–4 (2008): 86–123. (In Russ.)

Postizhenie Zapada. Inostrannaja kul’tura v sovetskoj literature, iskusstve i teorii 1917–1941 godov: Issledovanija i arhivnye materialy [Understanding the West: Foreign Culture in Russian Literature, Art, and Theory, 1917–1941. Research and Archival Documents]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2015. (In Russ.)

Shishkova T. *Vnezhdanovshhina: Sovetskaja poslevoennaja politika v oblasti kul’tury kak dialog s voobrazaemym Zapadom* [Vnezhdanovshhina: Soviet postwar politics in the sphere of culture as a dialogue with an imaginary West]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2023. (In Russ.)

Socialist Realism in Central and Eastern European Literatures under Stalin: Institutions, Dynamics, Discourses. London; New York: Anthem Press, 2018.

Solzhenicyn: Myslitel’, istorik, hudozhnik. Zapadnaja kritika: 1974–2008 [Solzhenitsyn: Thinker, historian, artist. Western criticism: 1974–2008]. Moscow: Russkij put’ publ., 2010. (In Russ.)

Sonders F. *TsRU i mir iskusstv: Kul’turnyj front holodnoj vojny* [CIA and the world of art: Cold War cultural front]. Moscow: Kuchkovo pole publ., 2013. (In Russ.)

Stalin i kosmopolitizm. 1945–1953: Dokumenty Agitpropa TsK [Stalin and Cosmopolitanism. 1945–1953: Agitprop Documents]. Moscow: Materik publ., 2005. (In Russ.)

Tsyganov D.M. “Holodnaja vojna s ‘modernizmom’: Mezhdunarodnaja Stalinskaja premija v kontekste zapadno-sovetskih literaturnyh vzaimodejstvij perioda pozdnego stalinizma.” [“The Cold War with ‘Modernism’: The International Stalin Prize in the Context of Late Stalinist Western-Soviet Literary Contacts.”] *ROSSICA. Literaturnye svjazi i kontakty* [ROSSICA. Literary Contacts & Connections] 2 (2022): 191–268. (In Russ.)

Vavilova V. Yu., Prosvetov S.Yu. “Interpretacija idej F.M. Dostoevskogo v tvorcestve francuzskih jekzistencialistov” [“Interpretation of F. Dostoevsky’s ideas in the French Existentialists’ works”]. *Kul’tura. Duhovnost’. Obshhestvo* [Culture. Spirituality. Society] 19 (2015): 59–63. (In Russ.)

Я[ков Владимирович] Фрид

**ФИЛОСОФИЯ НЕВЕРИЯ И РАВНОДУШИЯ:
ЖАН-ПОЛЬ САРТР И СОВРЕМЕННЫЙ БУРЖУАЗНЫЙ
ИНДИВИДУАЛИЗМ**

Во Франции творчество Жан-Поль Сартра и возглавляемой им группы писателей «экзистенциалистов»* привлекает большое внимание. Противники экзистенциалистов обвиняют их в том, что они низвели литературу на уровень иллюстраций и комментариев к философии, в том, что они изменили французской ясности разума для туманной немецкой и скандинавской метафизики, наконец, в том, что главным своим учителем они избрали немецкого философа М[артина] Хайдеггера, который был ректором университета¹ в гитлеровской Германии. Защитники экзистенциалистов заявляют, что благодаря усилиям этих писателей «возрождается метафизический роман» и литература, наконец-то, перешла от изображения поверхности явлений к философскому осмыслению основных проблем бытия. Творчество экзистенциалистов – и прежде всего Сартра – действительно заслуживает внимания, так как оно хорошо характеризует социальную роль современного индивидуализма в идеологических атаках реакции на передовые идеи нашего времени.

Первая книга Сартра («Стена»)² вышла еще до второй мировой войны, ранее его философских трудов. Уже в этой книге рассказов и в первом своем романе («Тошнота»)³ Сартр видел жизнь глазами «экзистенциалиста»: она, по Сартру, бессмысленна, тошнотворна, бескрасочна; жизнь – отвратительное прозябание, навязанное людям некоей неразумной и жестокой судьбой. Не такое уж это «откровение» для западной литературы последних десятилетий. И если герои Сартра являются прямыми потомками некоторых героев А. Мальро, А. Жида, Ж. Грина и (если заглянуть далее в прошлое) [А.] Стриндберга, а композиция наиболее значительного рома-

Статья Я.В. Фрида печ. по: Литературная газета. 1946. № 43 (2306). 19 октября. С. 3.

* От слова «existence» (существование). (Примеч. «Литгазеты» 1946).

¹ М. Хайдеггер (1889–1976) занимал пост ректора Фрайбургского университета с 21 апреля 1933 по 23 апреля 1934 г.

² Сборник рассказов «Стена» (*Le Mur*) был опубликован в 1939 г.

³ Роман «Тошнота» (*La Nausée*) был опубликован в 1938 г.

на Сартра «Отсрочка»¹ развивает приемы Джойса, Дос-Пассоса, Ж. Ромэна, – то и философия Сартра перерабатывает и объединяет в хитроумную реакционную, полную противоречий систему те настроения и идеи, какие частично были уже и у Жида, и у Мальро, а ныне рассыпаны в ряде статей и книг, авторы которых, вероятно, и не читали Хайдеггера и датского философа XIX в. С[ерена] Киркегора – учителей Сартра. Например, философия истории английского ученого Рональда Латама, автора книги «В поисках цивилизации»² (1946), многими чертами весьма напоминает философию Сартра (хотя Р. Латам экзистенциалистом не является). Успех Сартра на Западе тем и обусловлен, что Сартр не одинок, что он – один из первых голосов в нестройном хоре индивидуализма, пропагандирующем ныне мнимую «свободу личности» при капитализме.

Вторая причина известности Сартра заключается в том, что он выступает как участник движения Сопротивления, а кое-что в его творчестве, кое-что в его «системе» может заинтересовать ту молодежь, устремления которой, возможно, и честны и гуманистичны, но которая очень плохо разбирается и в действительности и в философии.

Идейной программой современного индивидуализма является утверждение: человек несовершенен, а отсюда – подчиненный инстинктам, импульсам, раздираемый противоречивыми желаниями, непостоянный и непоследовательный, не обладающий подлинной индивидуальностью, современный человек (если не считать, конечно, самих идеологов индивидуализма, «избранных») есть результат неудачного эксперимента природы. Человек с маленькой буквы, «человек» в кавычках, он биологически «не получился», не удался природе. Общество слагается, как из кирпичиков, из этих «неудавшихся» людей, почему и оно **неизбежно** должно быть далеким от совершенства. Так критика капитализма подменяется критикой «сущности» рода человеческого, так «устанавливается», что с недостатками капитализма нужно помириться. «Горькую истину» о роковом несовершенстве «упрощенного», «незавершенного» природой человека осторожно преподносят и историк Латам, и троцкистствующий сюрреалист [Андре] Бретон, и ницшеанец Мьюэр, и многие другие. Этой «истиной» мотивируются «ликвидаторские настроения» по отношению к будущему человечества. На нее отчасти опираются те, кто зовет к бегству от действительности, уходу в мистику и т. д. И именно теперь, когда в моде бегство всех видов, об-

¹ Роман «Отсрочка» (*Le Sursis*) был опубликован в 1945 г.

² Книга Рональда Латэма «В поисках цивилизации» (*Inquest of civilization*) была опубликована в 1946 г.

ращение к религии, антропософии, спиритизму (например, один французский художник-примитивист, «новый А[нри] Руссо», уверяет, что его руку во время работы направляет дух)¹, именно теперь, в 1946 году, Сартр **как бы** делает иные, противоположные выводы из этого же «постулата» о «несовершенстве» человека. Он заявляет: бога нет, потустороннего мира нет, реален только человек, и бежать ему некуда; он должен жить и действовать в своей эпохе. Да, – говорит Сартр, – человек – несовершенен. Но, – подчеркивает Сартр, – человек так и останется несовершенным и будет только **существовать**, нося в себе небытие и не переходя к **бытию**, если он сам не создаст себя своими деяниями; никакая посторонняя сила не поможет ему в этом. «Человек есть только то, что он из себя создал»². Каждый человек ответственен за то, чем является человечество.

Это может импонировать тем, кто не разбирается в нарочитой сложности Сартра. Ведь эти мысли как будто говорят о стремлении философа осмыслить опыт Сопротивления. Но если Сартр в какой-то мере и отправляется от опыта Сопротивления, то ему удастся лишь замутить и исказить смысл опыта этого движения. Перед нами – чисто внешнее сходство, эффект мимикрии. Ведь когда Сартр заявляет: «я мыслю, следовательно, я существую, – вот из чего я исхожу»³, – это «картезианство» Сартра (впрочем, очень стилизованное под эмпириокритицизм) также является камуфляжем, наложенным на идеи, взятые у Хайдеггера и на явное ницшеанство Сартра.

Фундамент системы Сартра – определение основных «вечных» условий человеческого существования, не зависящих от воли человека (в чем, по Сартру, выражена нелепая, алогичная жестокость бытия, судьбы). Эти всеобщие постоянные условия таковы. От каждого человека не зависят: его появление и необходимость жить на земле, его причастность к труду, его бытие среди других и его обреченность быть смертным. В романе «Отсрочка» синонимом обреченности человека на смерть является угроза войны. Не структура общества, не то, в чем конкретно выражается «причастность» людей к труду (владение заводом, либо безработица), а только эти «универсальные» условия бытия выделены Сартром. Они образуют «границы бытия»,

¹ По всей видимости, имеется в виду Никола де Сталь (1914–1955) – французский художник, родившийся в Санкт-Петербурге. Фрид интерпретирует его автокритическое высказывание (ср.: «Я пишу, чтобы освободиться от впечатлений, всех чувствований и всего, что меня тревожит. Моей рукой водит тот, кто сидит внутри»).

² Здесь и далее Фрид цитирует трактат Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм» (*L'existentialisme est un humanisme*, 1946).

³ Сартр обыгрывает знаменитую формулу Р. Декарта «*Cogito ergo sum*» («я мыслю, следовательно, я существую»).

в которых люди сосуществуют, взаимно связанные не более, чем спички в коробке. Человек, по Сартру, «проклят и посажен на цепь неразумной судьбой» (Э[ммануэль] Мунье). «Но если человек, – заявляет Сартр, – сумеет осознать, что он “покинут” на произвол судьбы и абсолютно одинок, что он может рассчитывать лишь на свои индивидуальные силы, – он в одиночестве обретет мнимую “свободу личности” и “величие”»¹. «Человек свободен, сам человек есть свобода». «Достоевский пишет: если бы бога не было, – все было бы позволено; вот от чего отправляется экзистенциализм». Атеизм для того и понадобился Сартру, чтобы сделать этот «окончательный логический вывод» из мысли Достоевского: да, бога нет, следовательно, «все позволено». Правда, не совсем все «позволено»; есть границы «для фантазий и капризов» (то есть, очевидно, одинокий безработный не может стать хозяином завода, но может броситься под поезд, выразив так свою тоску, отчаяние, протест против бессмысленности бытия).

Здесь начинается главное: насколько возможна и целесообразна деятельность человека в коллективе, например, в партии. Свобода одинокого человека – свобода от всех связей с миром. Она обусловлена тем, что жизнь вообще алогична и «свободна» от взаимосвязи явлений. Детерминизм, причинность, по Сартру, – абстракция, существующая лишь в сознании марксистов. Человек волен сделать с собой что ему угодно. И так как люди, какими их видит Сартр, – импульсивные, непостоянные существа с весьма короткой памятью – удивительно напоминают изображенный [Редьярдом] Кипплингом в «Книге джунглей» (*The Jungle Books, 1894*) обезьяний народец бандер-логи <sic!>, – Сартр считает, что человек и за самого себя может отвечать только сегодня, в данный момент. Как же доверять другим? Что человек знает о других? Только то, что сегодня он видит их такими-то, а не иными, с одними сегодня соглашается, с другими – спорит. Что будет завтра – человеку неизвестно.

Коварные, циничные, ядовитые скептицизм и агностицизм дополнены таким же релятивизмом махистского типа. «Только я сам могу выбрать и сказать, что такое-то деяние скорее хорошо, нежели худо». Люди всегда «свободны выбирать» заново все, и прежде всего – идеи, абстрактные системы фраз. Поэтому совершенно естественно будет, если сегодняшние антифашисты завтра решат сделаться фашистами и заставят окружающих принять «смену вех»: «в этот момент фашизм станет человеческой истиной». Злободневная формула, которая, вероятно, нравится иным вчерашним

¹ В приведенной Фридом цитате содержится отсылка к хайдеггеровской концепции «заброженности» (*Geworfenheit*).

антифашистам. Это понимание ренегатства, как проявления «высшей свободы» и как закономерной формы «развития» человека, совпадает с тем, что писал о ренегатстве русский дореволюционный декадент Л. Шестов в книге «Достоевский и Ницше»¹. Вот одна из причин признания Шестова группой Сартра «великим философом». Далее Сартр пишет, что каждый человек, делая выбор, естественно, из уважения к себе выбирает служение добру. И вместе с тем Сартр заявляет: «Если мне кто-нибудь скажет: – А что, если я избрал служение злу? – я ему отвечу: – Нет никаких оснований для того, чтобы вы поступили иначе» (ведь «все свободны»). Но философ вправе морально осудить злодея, сообщив ему, что лучше служить добру. Хорошо, что не такие философы были судьями в Нюрнберге. Неудивительно, что Сартр заявляет: «Мы не верим в прогресс»; в конце концов, что бы человек ни выбирал, – во все эпохи он «всегда тот же».

Обращаясь к мотивам классической трагедии (ответственность трагического героя, трагический выбор, трагическая вина), – Сартр понимает их только в духе гамлетизма; но и гамлетизм он по-декадентски переосмысливает, точнее – обесмысливает.

Признав людей фатально разобщенными, непостоянными и неисправимыми, всегда прикованными к «сегодня» рабами импульсов и минутных настроений, не знающими ответственности бандер-логи, – Сартр предлагает им же: каждый из них должен «сделать выбор», исходя лишь из своей «человеческой субъективности», и должен служить изменчивой, как хамелеон, «человеческой истине», движимый чувством ответственности и его детищем – «метафизической» тоской. И так как нелепо гадать о будущем и надеяться на то, что «несовершенные люди» завтра не отрекутся от своего «сегодня», Сартр предлагает им «действовать без надежды на успех». «Нет необходимости надеяться на успех, для того, чтобы предпринимать что-нибудь». Это не только пропаганда авантюристского действия, обращенная к индивидуалистам. Этот «стоический» центральный тезис системы должен также «придать» авантюристский характер коллективной прогрессивной деятельности; подрывая веру людей в дело, которому они служат («а кто его знает, что у вас получится»), – он должен «скомпрометировать» идею целесообразности прогрессивной деятельности, марксизм, научную теорию развития общества в глазах тех учеников Сартра, которые интересуются его фразами о том, что человек должен рассчитывать только на свои силы.

¹ Книга Л.И. Шестова «Достоевский и Ницше: Философия трагедии» была опубликована в Петербурге в 1903 г.

Одиноким и «суверенным», нагой, лишенный прошлого и будущего «человек Сартра» стоит на голой планете, ему «все позволено», но он согнулся под бременем своей «беспольной и бесплодной свободы»: ему нечего делать на земле, но он, тоскливо ожидая минуты, когда возвратится в небытие, готов использовать свою «свободу» для того, чтобы навредить человечеству. «Анархизм, – писал Ленин, – вывороченный на изнанку буржуазный индивидуализм... Индивидуализм... основа всего мировоззрения анархизма... Анархизм – порождение **отчаяния**»**. Обращаясь к творчеству Сартра, мы наблюдаем процесс «выворачивания на изнанку» буржуазного индивидуализма, который при этом ныне особенно изворачивается, надеясь в анархистской философии отчаяния найти оружие для борьбы против передовой идеологии и пытаюсь замаскировать сущность этой философии «гуманистическими» фразами.

Наиболее тонкую иллюстрацию к философии Сартра встречаем в его большом романе «Отсрочка», втором томе трилогии «Пути к свободе»***. Время, охватываемое романом, – 23–30 сентября 1938 г., мюнхенские дни; этим определяется и его тема. Сартр-художник, не уважая людей, часто жалеет их, как богач – нищих, которые «не доросли» до экзистенциалистской метафизики. Вместе с тем, кое-что в романе заинтересовывает читателя. Это те места, где участник Сопротивления не надолго побеждает в Сартре экзистенциалиста. Волнует трагедия семьи чехов – Милана и Анны, сознающих, что их маленькая страна предана [Артуром Невиллом] Чемберленом и [Эдуаром] Даладье. Среди других героев **несколько** выделяются рабочие, эпизодические персонажи, которые, не пугаясь угроз Гитлера, готовы сражаться с фашистами и говорят: «Гитлер сказал, что он теряет терпение? Что ж, и мы теряем его».

Памфлетно-остро, гневно изображена ночь мюнхенского предательства (равнодушный, сытый после сговора с Гитлером Чемберлен, нетерпеливый Даладье и презирающий их, обреченный [Томаш Гарриг] Масарик, который видит: перед ним – гангстеры, уже сговорившиеся с «фюрером»). Вот где неуважение Сартра к людям вполне справедливо. Но эти и некоторые другие немногочисленные волнующие страницы – ложка правды, влитая в бочонок лжи.

** В.И. Ленин, «Анархизм и социализм». «Пролетарская революция», 1936, № 7, стр. 163. (Примеч. «Литгазеты» 1946).

*** Jean-Paul Sartre. «Les chemins de la liberté». II. «Le Sursis». Paris Gallimard, 40-е изд. (Примеч. «Литгазеты» 1946).

Мир накануне страшного суда – вот общее впечатление от картины, размашисто набросанной Сартром. Где бы герои ни находились, – в Марекаше, среди песков Африки, в Испании, в огне первой антифашистской войны, в Париже, в Марселе, в Лаоне, в Биаррице, – повсюду они в пустыне, голой, мертвой, под низким черным солнцем, – они в тупике и накануне гибели. Почти все они – одинокие, опустошенное существование, патологически вялые, или патологически-конвульсивно дергающиеся – ближе к небытию, нежели к бытию. Типичен для этой атмосферы кошмара символический образ простого человека – пастуха Гро-Луи, беспомощного гиганта, с умом и сердцем восьмилетнего ребенка, который впервые пришел в большой город и жалуется: в этой пустыне лишь один встречный, негр, признал в нем, в Гро-Луи, человека; но он потерял негра и не может найти его вновь, – «ведь они все – на одно лицо!» Гро-Луи – образ символический. Но и прочие персонажи изображены как чей-то кошмар, как масса медленно барахтающихся тел, взаимно связанных только сосуществованием во времени и пространстве, как некое вязкое, густое бродящее месиво. Эта характеристика «несовершенных людей» усилена композицией романа. Он состоит из множества различных по объему кадров, перемешанных в беспорядке, с учетом одной лишь синхронности происходящего. Эти кадрики «взаимопроницаемы», «переливаются» один в другой так, что часто «парижские» кадрики отделяются от «марсельских» и «марокканских» не абзацем, не точкой, а точкой с запятой, запятой, либо соединяются с ними союзом «и» (хотя по существу ничем не связаны)¹. Этот алогизм построения должен «отражать» «отсутствие причинности» в мире; как пишет М[орис] Бланшо, экзистенциалисты, чтобы об'ять «бессмысленное разнообразие жизни», «сделали нонсенс, бессмыслицу простой категорией мышления» – «превратили» в нонсенс «непознаваемые» противоречия действительности². Алогизм – форма экзи-

¹ Рассуждая о «кадриках», Фрид отсылает читателя к давней дискуссии 1933–1934 гг. о композиции в связи с текстами Дж. Джойса и Дж. Дос Пассоса. В 1948 г. (фактически – в 1947 г.) Фрид в статье «Социалистический реализм и современная декадентская литература», опубликованной в сборнике «Проблемы социалистического реализма» (М.: Советский писатель, 1948), напишет: «Сартр, доводя до окончательного развития приемы композиции Джойса и Дос-Пассоса, рубит роман на кадры и кадрики, перемешивает их – и в каждом отрезке перед нами клочок «внутреннего монолога» какого-то одного «конкретного» человека и клочок его «индивидуального» времени» (С. 381).

² Фрид в собственном переводе цитирует фрагменты из главы «Миф о Сизифе» в сборнике коротких эссе М. Бланшо «Ложный шаг» (*Faux Pas*, 1943).

стенсалистской капитуляции перед противоречиями, перед «бессмыслицей бытия» (форма того, о чем Л. Шестов писал: «приятие жизни со всеми ее ужасами»).

Главный герой романа профессор философии («картезианец») Матье Деларю лепит на пляже пироги из песка. «И вот получился прекрасный пирог, – окруженный воздухом, он стоял без поддержки и не рассыпался». Полюбовавшись пирогом, Матье разрушает его. Вот так же, по Сартру, каждый бандер-логи должен подняться из густой, вязкой массы, частицей которой он является, и стать человеком – одиноким «стойком», «держущимся в воздухе без поддержки» (а в сущности – не более прочным, чем пирог из песка). Эта «метафизическая» сторона романа неинтересна и совсем абстрактна, – хотя Матье и начал поиски свободы в первом томе трилогии [«Дороги свободы» (*Les chemins de la liberté*)] («Век разума»)¹ с конкретной меры – с освобождения от любовной связи, ставшей для него обузой. Во втором томе он открывает, что свобода – это он сам, но что вместе с тем эта свобода бесполезна и что он не уважает себя. В третьем томе, еще не вышедшем, он, вероятно, следуя «системе» Сартра, «вполне» обретет свободу, поняв, что должен из чувства ответственности и порядочности начать стоически действовать без надежды на успех, служа тому, что в третьем томе ему будет казаться «человеческой истиной».

Интереснее другое. Борьбу испанских антифашистов Сартр приводит как образец «деятельности без надежды на успех». «Не замечая» веры республиканцев в конечную победу их дела, Сартр подменяет героическую трагедию трагедией обреченности «идеалистов-авантюристов». Неудивительно, что в образе республиканского генерала Гомеца, борющегося без надежды, есть авантюристские и «брутальные» черты. Гомец «сделал выбор», нашел себя, свободен. Но он, прежде всего, – «бывший художник», ставший профессиональным военным. Исповедуясь перед Матье, он, не касаясь идей и идеалов, говорит просто, «полсолдатски»: «Война прекрасна», «Я люблю войну». О своих гибнущих в боях бойцах он говорит: «Я не жалею их». Ему вторит другой «антифашист», Матье. Своему брату, мюнхенцу и профашисту, призывающему не проливать человеческую кровь, Матье отвечает: война ли, мир ли – для человечества безразлично. Ведь люди «носят в себе свою смерть с самого своего рождения», а человечество останется тем же, самим собой, если и погибнут миллионы. Итак, мюнхенцы, профашисты, гуманны, им дорога жизнь людей, а антифашисты с жестоким равнодуши-

¹ Роман «Возраст зрелости» (*L'âge de raison*) был опубликован в 1945 г.

ем «идеалистов-авантюристов» приносят **конкретных** людей в жертву «абстрактным», «бесплотным» идеям родины, человечества, справедливости. Мысль, типичная для современного индивидуализма.

Жизнь «конкретных людей» подчинена в романе его сюжетной оси – переговорам Чемберлена и Даладьё с Гитлером. Днем и ночью почти все персонажи думают: «только бы не война!». В конце сюжетной линии – ее высшая точка, штурмгартская речь Гитлера. Сюда тянутся нити романа. И вот – «все» у приемников, «все» ждут, «как манны небесной», что скажет Гитлер. Слышен гул зала, «гул моря». «Он поднял руку, и море затихло», он заговорил, и «его голос уже не принадлежит ему, стал международным», и миллионы «несовершенных» людей, жалкие бандер-логи, не дышат у приемников, замороженные холодным взглядом питона Каа. Композицией романа Гитлер поднят на пьедестал. Фашист, убийца-оптовик с лицом лавочника – «судья» на этом «страшном суде»; людской род ничтожен, – говорит читателю Сартр, – и получает за это по заслугам. Неудивительно, что Гитлер фактически в центре романа: ведь он – единственный в романе – «сделал выбор» и действует авантюристически. Здесь между строк романа мелькает довольная усмешка учителя Сартра – Хайдеггера, философа гитлеровской Германии.

Социальной функцией того, что создано Сартром, может быть лишь роль своеобразного Троянского коня, заброшенного реакцией в лагерь прогрессивных сил. Реакции ныне до-зарезу нужна лукавая, софистская «философия», которая помогла бы заразить побольше людей, мечтающих о справедливости, о лучшей жизни, неверием в их собственные силы, равнодушием к передовой партии, сомнением в плодотворности коллективных усилий трудящихся и всего прогрессивного человечества, капитулянтскими настроениями и заблуждением, будто возможна только авантюристская деятельность, обреченная на неуспех. Фрагменты такой «философии» сочиняются многими, например Р. Латамом, который читал изданные им лекции в колледже для рабочих (то есть пытается проникнуть в народные массы глубже, нежели Сартр). Если бы Сартр не построил своей системы, это сделал бы другой. Но все подобные системы несомненно потерпят поражение в борьбе с подлинной, марксистско-ленинско-сталинской философией, и ложь «гуманистического» искусства экзистенциалистов и любых других декадентских «истов» бессильна рядом с правдой горьковского, действительно гуманистического социалистического реализма.

Д[авид Иосифович] Заславский

СМЕРТЯШКИНЫ ВО ФРАНЦИИ

И всех видов французского довоенного экспорта стал оживать после войны прежде всего экспорт парижских дамских мод. В журнале «Иллюстрацион» [*L'Illustration*)] изображены последние модели Пакена¹ <sic!>, Руфф², Гре³. Журнал обрамляет изящные костюмы таким национально-философским рюшем:

«Эти моды необходимы для нашего международного престижа. Только Париж сохраняет свою монополию портняжного вкуса. Пусть растет за океаном спрос на эти восхитительные наряды. Тогда изобилие войдет в наши дома. У нас во Франции трудолюбивому муравью нужна стрекоза».

Эта стрекозья философия откровенно расценивает себя в долларах. Французские закройщики модных нарядов связывают свои надежды с прихотью богатых американских дам.

В этом плане надо рассматривать также литературные произведения Сартра и его школы, – мы едва не сказали мастерской, – экзистенциализма. Французская и американская буржуазная печать усиленно рекламирует их как самое модное слово французской литературы: модная поэзия, модные романы, модная философия. Журнал Сартра «*Les Temps modernes*» правильнее всего перевести «Новомодное время».

Жан Полью Сартру 40 лет. Он был до войны профессором философии⁴. В основном его труде «*L'Être et le néant*» («Бытие и небытие») свыше

Статья Д.И. Заславского печ. по: Правда. 1947. № 21 (10412). 23 января. С. 4.

¹ Имеется в виду Жанна Пакен (1869–1936) – французская художница-модельер, в 1891 г. открывшая в Париже дом высокой моды «Raquin», который просуществовал до 1956 г.

² Имеется в виду Магги Руфф (1896–1971) – французская художница-модельер, в 1929 г. открывшая в Париже дом высокой моды, которым управляла до 1948 г.

³ Имеется в виду Жермен Эмили Кребс (1903–1993) – французская художница-модельер, известная под псевдонимом Мадам Гре (Madame Grès); в 1942 г. в Париже она открыла дом высокой моды, которым руководила до 1988 г.

⁴ После окончания Высшей нормальной школы Сартр преподавал философию сначала в Гавре (1931–1936), а затем в Лицее Пастера в Париже (1936–1944).

800 страниц, написанных в стиле немецкой университетской философии. Даже почитатели Сартра сознаются в том, что не могли одолеть эту книжищу. Его романы почти столь же об'емисты и столь же тяжеловесны и неудобочитаемы.

Однако идеи экзистенциализма весьма портативны, и их нетрудно изложить в немногих строках. Сам Сартр не претендует на особую оригинальность. В родословном древе экзистенциализма значатся мракобесы средневековой теологии. Ближайшими своими учителями Сартр называет датского мистика Сёрёна Киркегора (1813–1855) и современного немецкого профессора [Мартина] Хейдеггера, превратившего университет Фрейбурга в фашистское стойло для молодых эсэсовцев. В опоганенных аудиториях этого университета изготовлялась «философская» надстройка над печами Майданека¹.

Киркегор учил тому, что основное в жизни человека – это страх перед непонятной и непознаваемой жизнью. Его книги так и называются «Страх и трепет» [(*Frygt og Bæven*, 1843)], «Понятие о страхе» [(*Begrebet Angest*, 1844)] и т. п. Хейдеггер считает, что основное в жизни человека – это предсмертное томление. Человек, по его словам, «брошен в жизнь» и «падает к смерти». Только в смерти есть смысл, а жизнь бессмысленна. С этим связаны проповедь слепой покорности силе и вера в мистическую власть немецкого фюрера.

Сартр вслед за своими учителями отрицает какой бы то ни было смысл в жизни человека и народа. Единственная реальность, единственная истина по Сартру – это «мое личное существование». Все прочее – домысел, вымысел, ложь.

Существование по-французски – экзистенс, отсюда экзистенциализм – учение о случайности и бессмысленности исторического процесса, о лживости всякой морали, о полной душевной пустоте. Нет и не может быть никаких законов, никаких норм. Нет истории, есть «историзирование». Нет морали, есть «стиль жизни». Нет народа и общества, есть личные интересы и выгоды по принципу: хоть день, да мой!

Экзистенциализм называют также персонализмом – служением собственной персоне. Литературным героем некоторых последователей Сартра является Дон-Жуан², как выразитель половой распущенности, ничем не

¹ Майданек (немецкое название – *Konzentrationslager Lublin*) – немецкий концентрационный лагерь, располагавшийся на окраине польского города Люблина.

² Речь идет о небольшом фрагменте «Донжуанство» из второй главы теоретического трактата А. Камю «Миф о Сизифе» (*Le Mythe de Sisyphe*, 1942).

стесненной. Другие разрабатывают преимущественно тему тщеты и суетности жизни, тему самоубийства, смерти. Напускной пессимизм соединен с откровенным цинизмом.

«Философия» Сартра – это отрицание всякой философии, всякого познания. Его ученики утверждают, что логические суждения бесполезны и необязательны, а сознательность болезненна. В пьесе «Антигона» [*Antigone*, 1944)] сартровца [Жана] Ануйля <sic!> героиня говорит: «Я не хочу понимать... Мне не нужен разум... Не знать, вот что мне нужно».

[Альбер] Камю <sic!>, другой писатель этой школы, героем драмы сделал Сизифа, совершающего бессмысленный и бесполезный труд¹. В темах и сюжетах о бессмысленности исторического процесса без усталости копаются Симона де Бовуар. Таковы же романы и пьесы самого Сартра.

Эту тошнотворную и гниlostную стряпню буржуазная реклама выдает за новое и оригинальное слово философской моды. Но что же тут нового? К своим единомышленникам Сартр причисляет ископаемых «философов» белогвардейской эмиграции – Льва Шестова и Николая Бердяева. Да ведь это плюсквамперфектум, давно прошедшее время русской реакции!

Эти имена больше всего связаны с тем десятилетием 1907–1917 годов, которое [Максим] Горький называл самым позорным и самым бездарным десятилетием в истории русской интеллигенции. Значительная ее часть скатилась тогда, после 1905 года, в реакционное болото мистики. Ренегатство стало модой в буржуазной литературе и философии². Появились идеалистические школы и школки, об'единенные общей ненавистью к марксизму и звериным страхом перед революцией.

Под разнообразным пестрым оперением в них было одно общее: отрицание об'ективного, реального мира, отрицание опыта и науки, возведение в мистическое божество собственных, личных ощущений.

¹ Речь идет об эссе Альбера Камю (1913–1960) «Миф о Сизифе» (*Le Mythe de Sisyphe*, 1942).

² Заславский приводит почти точную незакавыченную цитату из печально известного августовского 1946 г. доклада А.А. Жданова; ср.: «Горький в свое время говорил, что десятилетие 1907–1917 годов заслуживает имени самого позорного и самого бездарного десятилетия в истории русской интеллигенции, когда после революции 1905 года значительная часть интеллигенции отвернулась от революции, скатилась в болото реакционной мистики и порнографии, провозгласила безидейность своим знаменем, прикрыв свое ренегатство “красивой” фразой: “и я сжег все, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигал”» (цит. по: *Жданов А.А. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград»: Сокращенная и обобщенная стенограмма докладов.* [М.], 1952. С. 8).

Ленин разгромил философствующую реакцию и показал, что все идеалистические школы и школки, как бы они ни рядились, представляют перепев берклеанского солипсизма, признающего реальность только собственного «я».

Сартр и его ученики щеголяют в этих философских обносках. Даже терминология их взята из лавки старьевщика. Ленин высмеивал учено-философскую тарабарщину идеалистов. Он писал: «Наши русские махисты стыдливо обходят по большей части эту профессорскую галиматью, лишь изредка стреляя в читателя (для оглушения) каким-нибудь “экзистенциалом” и т. п.» (Собр. соч., XIII, 75)¹.

Вот уж когда гуляло это модное словечко! И тогда уже в моде была игра несоединимыми понятиями. Лев Шестов свои писания кокетливо именовал «догматическим адогматизмом». Сартр своему главному сочинению дает подзаголовок «Феноменологическая онтология» [(*L'Être et le néant: Essai d'ontologie phénoménologique*, 1943)], – если сказать проще, выйдет нечто вроде: учение о несуществующей сущности, или еще проще: сапоги всмятку.

Философическая болтовня перекликается с литературной болтовней. Горький в сатирическом образе поэта Евстигнея Смертяшкина² зло осмеял [Федора] Сологуба, [Зинаиду] Гиппиус, [Дмитрия] Мережковского, [Анну] Ахматову, [Михаила] Арцыбашева, певших славу смерти и бессмыслице... От литературы этого рода шла болезненная эротика, и точно такой же эротикой, грубой порнографией проникнуты стихи, повести, романы экзистенциализма.

В журнале «Ле тан модерн» печатаются «Хроника лжеца» [(*Chroniques du menteur*, 1946–1948)]³, «Записки вора» [(*Journal du voleur*, 1949)]⁴, «Дневник шизофреника» [(*Journal d'une schizophrène*, 1950)]⁵, повести «Черная свадьба», «Страсть насилия» и т. п. Ежемесячные обозрения – это подробный перечень самоубийств и убийств во Франции.

Конечно, французские Смертяшкины не пожелают признать себя копией русских Смертяшкиных 1907–1917 гг. Они будут отмежевываться от

¹ Заславский цитирует работу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» (1908–1909).

² Речь идет об одноименном тексте Горького 1912 г., вошедшем в цикл «Русские сказки».

³ Серия текстов Бориса Виана (1920–1959), публиковавшаяся в журнале «Les Temps modernes» в 1946–1948 гг.

⁴ В журнале «Les Temps modernes» публиковались фрагменты текста Жана Жене (1910–1986) «Дневник вора».

⁵ В журнале «Les Temps modernes» публиковались фрагменты текста Маргерит Сешей (1887–1964) «Дневник шизофренички».

предшественников, как и сами эти предшественники усиленно отмежевались друг от друга. Но Ленин писал Горькому в 1913 году, что одна такая школка отличается от другой «ничуть не больше, чем желтый черт отличается от черта синего», и основное во всех этих школках, их объединяющее, это «идейное труположество» (XVII, стр. 81)¹.

Идейное труположество находит в современной Франции немногочисленных, но весьма шумливых поклонников, а главное, находит издателей. Реакционная буржуазия покровительствует Сартру. Он нужен для борьбы с демократией, с марксизмом. Разгром фашизма опустошил прежнюю идеологическую охрану «200 семейств»². Требуется нечто иное. Делается попытка создать это иное, и для этого напускается гнилой мистический туман на новую, молодую Францию, прошедшую школу боевого сопротивления немцам-захватчикам.

«Мертвый хватает живого». Франция [Филиппа] Петэна – [Пьера] Лаваля пытается, спекулируя на трудностях послевоенного времени, заразить французскую молодежь трупным ядом своего собственного гниения, умственного и нравственного разложения.

В последнее время идет приспособление экзистенциализма к политическим запросам реакции. До войны Сартр был чужд политике. Его не знали за пределами узкого круга. Его школа была выражением полного разложения довоенной буржуазной интеллигенции. Во время войны Сартр попал в лагере сопротивления и этим нажил небольшой демократический капитал.

Ныне этот капиталец пущен в политический оборот. Сартр пытается соединить философский нигилизм с демократической фразой. Он выдает себя за либерала. Одна из его брошюр называется «Экзистенциализм и гуманизм» [*L'existentialisme est un humanisme*, 1946)]. В действительности под прикрытием философской тарбарщины идет поход против материализма и науки, против марксизма и народной демократии.

Не одна лишь французская буржуазия оценила «учение» Сартра. К нему со вниманием присматривается американская реакция. В прошлом году Сартр совершил обезд университетов в США. Он читал лекции об экзистенциализме в Йеле, Гарварде, Принстоне – цитаделях американского ученого консерватизма. Американская печать устроила ему громкую ре-

¹ В письме Ленина Горькому речь шла об отличии «богоискательства» от «богостроительства» («боготворчества»). Заславский намеренно искажает смысл ленинского послания, тем самым подкрепляя приведенный выше фрагмент из «Материализма и эмпириокритицизма».

² Заславский отсылает к политическому мифу, авторство которого принадлежит Эдуару Даладьё (1884–1970).

кламу. Журнал «Лайф» напечатал хвалебную биографию Сартра и подчеркнул, что «самый модный философ» Сартр ныне является «главным врагом марксизма на идейном фронте». Это значит, что модной продукции Сартра обеспечен импорт в США наряду с модной продукцией Пакена <sic!>.

Сартр знает, что от него требуется. Вскоре после того, как он вернулся из США, вышел в свет специальный, «американский» номер его журнала. В нем до 400 страниц. Напечатаны статьи французских и американских авторов, но изгнаны хроника самоубийств, дневники шизофреников и письма воров... Смертяшкины остепенились! Они заговорили вдруг об экономических проблемах и о главной для них – о валюте.

Сам Сартр снисходительно пишет об «американизме». Его философские иероглифы расшифрованы в соседней статье Ги Кардаляка «США перед своим наследством». Мы узнаем, что историческим наследством США является, по сути... весь мир! Хочет, мол, этого или не хочет Франция, а она будто бы должна итти на буксире у США, должна включиться в «Западный» или «Атлантический блок», должна, говоря попросту, стать колонией богатого американского империализма. Кардаляк отрицает возможность французской независимой экономической политики.

Так открывается экономическая и социально-политическая сторона экзистенциализма. Французские Смертяшкины пишут о смерти, а хотят жить, торговать своими идеями и наживаться на них. Франция бедна для них теперь, страшна в будущем. В росте сознательности рабочего класса, в успехе коммунистов, в популярности идей марксизма они с полным основанием видят приговор над собой. В американской реакции они видят свою метрополию, рынок для сбыта своей продукции.

Они нужны богатой американской буржуазии как враги марксизма. Это уж само по себе свидетельствует о банкротстве буржуазной философии и о растущем успехе марксизма в широких кругах. Любопытно, что спрос на философию упадка, пессимизма, гниения появился в США, где грубый и самодовольный оптимизм преуспевающей буржуазии был еще недавно признаком хорошего философского тона. По-видимому, тревога и неуверенность раз'едают традицию самодовольства. Импорт французского нигилизма не поможет. Смертяшкины – плохие врачи.

Философия упадка, разложения и смерти бессильна перед философией развивающейся жизни, перед побеждающей властью разума и науки. Утверждаемая марксизмом-ленинизмом в теории и на практике закономерность исторического процесса приводит в ужас и наполняет смертельной тревогой общественные классы, вынужденные сойти с исторической сцены.

Экспорт модной продукции Сартра за океан это и есть бегство от передовой европейской демократии, от науки, от марксизма, от народа.

Ник[олай Алексеевич] Каринцев

«ПРОПАГАНДА МАРАЗМА И БЕЗУМИЯ»

Французская пресса отмечает, как наиболее значительные явления послевоенной литературы, две пьесы, появившиеся в 1946 году. Это «Победители»¹ Сартра, драма, посвященная французским партизанам, и последняя пьеса [Ипполита-Жана] Жироду – «Безумная из Шайо»², направленная против «двухсот семейств»³ Франции. Столь высокая оценка пьесы, естественно, привлекает наше внимание, тем более, что французская литература, в частности драматургия, во время и после войны не дала ни одного сколько-нибудь значительного произведения, не говоря уже о таких произведениях, в которых ставились бы вопросы, связанные с войной, или всерьез затрагивались социальные проблемы. Что же представляют собой эти две пьесы и в чем их истинное значение?

Всему миру известно, какую героическую борьбу вели с гитлеровскими оккупантами партизаны Франции и какие жертвы они понесли в этой борьбе, увенчавшейся славной победой. В истории французского народа это одна из самых блистательных страниц.

Французский писатель и «философ» Жан-Поль Сартр откликнулся на эти замечательные события, написав пьесу «Победители». Но в ней только название соответствует делам, которым пьеса посвящена. Произведение Сартра – злая и неправдоподобная карикатура на героических партизан.

Глубочайшим пессимизмом, неверием в жизненные силы человека, отсутствием перспективы отмечена вся «философия» Сартра, его пресловутый «экзистенциализм». По Сартру, у человека есть только один выход – садическое любование собственными мучениями. Он с упоением, с предельным натурализмом показывает «тошнотворные» мрачные будни, давящие на волю человека, отравляющие его сознание. Откажись от борь-

Статья Н.А. Каринцева печ. по: Литературная газета. 1947. № 14 (2329). 5 апреля. С. 4

¹ Пьеса позднее была переименована и в настоящий момент имеет заглавие «Мертвые без погребения» (*Morts sans sépulture*, 1946).

² Пьеса «Безумная из Шайо» (*La Folle de Chaillot*) была опубликована в 1945 г.

³ См. примеч. к статье Д.И. Заславского «Смертяшкины во Франции» на с. 168.

бы, подчинись бытию, как оно ни ужасно, и ты найдешь в этом сладость и забвение, – вот подлинный смысл «философии» Сартра, которая недаром пришлось весьма по вкусу самой откровенной реакции. Вот откуда ошеломительный «успех» Сартра и та шумная реклама, которая создана вокруг его имени и в Западной Европе и в Америке.

Сартр формально не скомпрометировал себя «сотрудничеством» с немцами. Более того, он даже сидел в немецком концлагере, а во время освобождения Парижа дрался на баррикадах. Однако это «бытие» Сартра не отразилось в его «сознании», то есть в его литературных и философских трудах, напротив, оно коренным образом разошлось с ним.

Вся омерзительная сущность сартровской «философии» сказалась в его новой пьесе, где проповедь отказа от борьбы и погружения в нирвану обращена к людям, которые отдали свою жизнь в беззаветной борьбе с фашизмом. Какая злая ирония звучит в названии пьесы – «Победители»! Сартр втоптывает в грязь это прекрасное, светлое слово и тех, кого он осмеливается описывать под именем «победителей». Все, что в его предыдущих двух пьесах было скрыто под наслоением изощренной выдумки, в «Победителях» навязчиво выступает вперед, не сдерживаемое плотинами обычного сартровского двуязычия. Для Сартра-драматурга – это вполне закономерный путь.

Его первая пьеса, «При закрытых дверях»¹, выдержала только в одном парижском театре «Вье коломбье» [*Vieux-Colombier*] 300 спектаклей. Сейчас она идет в Нью-Йорке, Брюсселе, Женеве и Стокгольме, где ее оценили поклонники Сартра. На сцене показан ад; в нем осуждены на вечные муки две женщины и мужчина. В сартровском «аде» нет ничего мистического – это шаблонная комната третьеразрядного отеля. Лакей объясняет «клиентам», что ни ключев, ни кипящей смолы здесь нет. И, действительно, весь «ад» состоит в том, что эти три человека мучают друг друга. Но смерть, как избавление, невозможна в «аду», и пьеса кончается мрачной репликой одного из ее героев: «Ну что ж, давайте продолжать». Такова эта оскорбительная и лживая пародия Сартра на человеческое «бытие».

Вторая пьеса Сартра, «Мухи»², – вариант греческого мифа об Оресте и Электре. Тема довольно старая в драматургии. Но у Сартра она звучит по-своему. «Мухи» – это эриннии – богини «угрызений совести», мучающие человека, это наказание, посланное людям богами, чтобы держать их в повиновении. «Мертвые повелевают» живыми – таков непреложный закон, от которого, по Сартру, нет и не может быть освобождения.

¹ Пьеса «За закрытыми дверями» (*Huis clos*) была опубликована в 1943 г.

² Пьеса «Мухи» (*Les Mouches*) была опубликована в 1943 г.

Но одно дело, когда извращенная фантазия Сартра обращается к сюжетам библии и мифологии, где «убогой роскошью наряда» прикрывается убогость политической мысли. Когда же он переносит свои «экзистенциалистские» выверты в реальную жизнь и вторгается в борьбу героических партизан, – картина получается мерзкая до тошноты. Спекулируя на высокой теме, Сартр под маской «французских партизан» вывел кучу больных, извращенных людей – плод его грязной фантазии, направленной на то, чтобы очернить и оболгать действительных героев. «Победители» Сартра – клевета на французский народ и позор для французской драматургии!

Вот содержание этой, с позволения сказать, «пьесы».

В фашистском плену томятся несколько французских партизан; среди них молодая девушка – Люси и пятнадцатилетний подросток Франсуа. И странное дело, на чердаке, где заперты эти гордые, непокорные люди, – такими в действительности были партизаны, – разыгрывается та же трагедия, которую Сартр награбил выдуманных им персонажей в пьесе «При закрытых дверях». Партизаны, ведущие непримиримую борьбу с немцами, живут в «аду», сочиненном для них Сартром. Они мучают друг друга ложными подозрениями, обвинениями, взаимными попреками, проявляют самые низкие черты человеческого характера. Дело доходит до того, что один из партизан убивает Франсуа в припадке животного страха, что мальчик не вынесет пыток и предаст товарища.

Все границы гнусности Сартр перешагнул в сцене, где в тюрьму приводят вожака партизан Жана. Немцы не знают, кто попал в их руки, и Жан надеется, что его освободят. Казалось бы, в этой ситуации нет ничего, что могло бы вызвать у партизан зависть, обиду. Наоборот, совсем иные чувства – товарищеская сплоченность, стремление помочь другу должны владеть ими. Но Сартру необходимо показать «ад». И вот партизаны изгоняют из своей среды человека, перед которым, возможно, откроются двери тюрьмы и он сможет продолжать борьбу. Они злобно похваляются своими мучениями, своими несчастиями (вернее, это делает за них автор). Жан – этот вождь партизан – говорит им: «Надоело мне слушать все время о ваших муках, как будто эти муки ваша заслуга! Я и так чувствую себя словно в чем-то виноватым перед вами. То, что они (т. е. немцы) сделали с вами, я и сам могу сделать с собой. Это доступно всем».

Люси, только что вернувшаяся с допроса, измученная, опозоренная, отвечает Жану (которого она любит): «Это не то, не то! Ты можешь переломать себе кости, ты можешь выцарапать себе глаза, но ведь это сделаешь ты сам, ты сам накладываешь на себя свои муки, а мы жертвы насилия, жертвы других людей». И Жан отвечает: «Да, ты права, я не могу быть вместе с вами, я одинок. Я останусь один, уйду в тень, забудьте о моем существовании. У вас ваша судьба, и вы ее приняли. У меня – моя, которую я принял».

Эту жалкую философию трусости и отчаяния Сартр пытается выдать за правду жизни! Может ли быть что-нибудь более подлое, чем такой навет на французский народ?

«Победители» – произведение не только антинародное, вредное, клеветническое, но и антихудожественное. Сартр не мог оказать лучшей услуги французской реакции, с восторгом подхватывающей любую ложь о борьбе французского народа с фашизмом.

«Победители» французского «философа» Сартра и «Победители»¹ русского драматурга Б. Чиркова! Какая пропасть отделяет понятия, вложенные в самое слово «победители»! Два мира здесь противостоят друг другу – затхлый мир реакционного, оторванного от народа, искусства, загнанного в тупик пессимизма, ложной «глубины» и извращенной мысли, и мир правдивого, жизненного, передового искусства, глубоко уходящего корнями в толщу народных масс. Уже в самое последнее время Сартр изменил название своей пьесы. Его «Победители» теперь называются «Смерть без погребения». Этот трюк служит лишь для рекламы пьесы и ровно ничего не меняет в ее существе.

С большим успехом в парижском театре «Атенэ» [(*Théâtre de l'Athénée*)] идет «Безумная из Шайо» Жана Жироду. По некоторым намекам, брошенным во французской прессе, этот успех отчасти объясняется уважением к памяти «Ундины» [(*Ondine*, 1939)], «Тессы» [(*Tessa, la nymphe au cœur fidèle*, 1934)] и «Песни песней» [(*Le Cantique des cantiques*, 1938)], но, главным образом, пьеса привлекает тем, что в ней, хотя и очень сумбурно, поставлена социальная проблема. Жироду выступает против пресловутых французских «двухсот семейств», – и все реплики в пьесе, направленные против спекулянтов, биржевиков, трестов, встречаются аплодисментами зрителей. Но для своего выступления Жироду избрал очень странный метод. Драматург обращается к социальному «дну» – старьевщикам, бродягам, нищим, воплощающим у него общественную справедливость и разрешающим классовые противоречия путем физического уничтожения группы биржевиков и спекулянтов. Все это выглядит довольно эффектно на сцене, но не может скрыть слабости политической идеи произведения.

Сюжет пьесы «Безумная из Шайо» таков: шайка спекулянтов и биржевиков организует трест для эксплуатации нефтяных источников, будто бы скрытых под землей Парижа. Для этого они собираются взорвать город со всеми его памятниками, дворцами, зданиями. О преступных замыслах шайки узнает уличный Париж, все эти тряпичники, старьевщики, судомой-

¹ Имеется в виду пьеса: *Чирков Б. Ф. Победители: Военная драма в 4 действиях, 10 картинах.* М.; Л.: Искусство, 1946.

ки из кафе, бродячие певцы, нищие. Ими руководит полубезумная старуха, проживающая в одном из подземелий Шайо. Она берет на себя миссию спасти Париж, а вместе с ним и мир, от спекуляции, биржи, от всего зла, которое они несут с собой.

Безумие – вот что должно спасти мир, ибо безумие, по мысли Жироду, это любовь, радость жизни, беззаботность, счастье.

Планы безумной старухи пропагандируют тряпичник и судомойка из ресторана. Тряпичник разоблачает спекулянтов и мародеров, судомойка возвещает принципы новой жизни – красоту, радость. «Я ненавижу безобразие, я обожаю красоту, – говорит она в своем монологе, который воспринимается как некое “исповедание веры” самого Жироду, – я ненавижу зло, я люблю добро. Я ненавижу ночь, я обожаю утро. Ненавижу дьявола, обожаю бога. Люблю свободу, презираю рабство...» и т. д.

Единственное средство спасти мир от кучки бандитов – уничтожить их физически. В подземелье, где живет безумная из Шайо, есть потайная пещера, в которой существует только один вход. Безумная заманивает туда спекулянтов под предлогом, что она откроет им источник нефти. Но тут перед старухой и ее друзьями возникает вопрос – имеют ли они право на убийство? И они организуют заочный судебный процесс. Суд присяжных, состоящий из друзей безумной, приговаривает преступников к смертной казни. Итак, правосудие свершается – преступники погибают. Мир освобожден от власти богатых, от безобразия, тьмы и обмана. Теперь наступит царство радости и красоты. Безумная из Шайо может заняться судьбой тех, кто достоин того, чтобы о них заботились.

Такова посмертная пьеса Жана Жироду, его «политическое завещание», по выражению французской прессы. Вручая безумию судьбу мира, Жироду показал, что не видит никакого реального выхода, пути к разумному устройству мира.

Итак, «ад» у Сартра и «безумие» у Жироду – вот альфа и омега двух современных французских пьес. Никакого другого актива нет у послевоенной французской драматургии. Вряд ли можно представить себе большее идейное убожество. Это говорит прежде всего о том, что определенная часть французской интеллигенции действительно не видит выхода из тупика, в который ее завели реакционные «философские» концепции. А самое главное, за этим убожеством скрывается и определенный расчет – пропагандой идей «ада» и «безумия» увести широкие массы подальше от политической борьбы.

Дата поступления в редакцию: 11.07.2023

Received: 11.07.2023

Дата публикации: 30.08.2023

Published: 30.08.2023

Комическая опера Ж.-М. Буте де Монвеля в шереметевском театре: дворяне и крестьяне во Франции и в России

© 2023 Л. А. Трахтенберг

J.-M. Boutet de Monvel's comic opera in Sheremetev's theatre: nobles and peasants in France and in Russia

© 2023 Lev A. Trakhtenberg

УДК 82.091

https://doi.org/10.54791/27823792_2023_4_175_192

Информация об авторе:

Лев Аркадьевич Трахтенберг, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. E-mail: Lev_A_T@inbox.ru.

Аннотация: Статья посвящена комической опере «Три откупщика», которая ставится в 1784 году в крепостном театре П.Б. Шереметева (в это время руководит театром его сын Н.П. Шереметев). Она представляет собой перевод пьесы Ж.-М. Буте де Монвеля «Три арендатора» («*Les Trois Fermiers*»), выполненный крепостным Шереметева В.Г. Вороблевским. Идейный центр пьесы – сцена, в которой крестьяне отдают значительную сумму денег оказавшемуся в долгах дворянину, во владениях которого живут, чтобы он не продавал землю и не покидал их. В переводе, несмотря на сохранение французских имен многих персонажей, пьеса приобретает русский колорит: герои из народа предстают как крепостные, они называют себя рабами своего барина. Вероятно, именно

Information about the author:

Lev Arkad'evich Trakhtenberg, Doctor hab. of Philology, Professor, M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: Lev_A_T@inbox.ru.

Annotation: The paper considers the comic opera *Three Farmers*, staged in 1784 in P. B. Sheremetev's serf theatre (at the time the theatre is run by his son N.P. Sheremetev). It is a translation of *Les Trois fermiers* by J.-M. Boutet de Monvel, made by V.G. Voroblevskii, a serf of Sheremetev. In the central scene of the play, peasants give a big sum of money to their landlord who cannot otherwise pay his debts, so that he would not sell the land and leave them. In the translation, despite the original French names of certain characters, the play gets a Russian flavour: peasants speak as serfs, calling themselves the slaves of their master. It is probably the idyllic picture of relations between the landlord and his peasants that attracts Sheremetev's attention to this play. Its inclusion into the repertoire of the serf theatre in the middle of the 1780s can be accounted for by the fact that this is the

идиллическое изображение взаимоотношений между господином и крестьянами привлекает внимание Шереметева к этой пьесе. Ее появление в репертуаре крепостного театра именно в середине 1780-х гг. можно связать с тем, что в это время в русской комической опере ослабевает интерес к социальным конфликтам и на смену ему приходит стремление такие конфликты сгладить или вовсе обойти стороной.

Ключевые слова: русская литература XVIII века, драматургия, русско-французские связи, переводоведение, тема крепостного права.

time when Russian comic opera loses interest in social conflicts, preferring to smooth them over or to pass them by.

Keywords: Russian 18th-century literature, drama, Russian-French connections, translation studies, serfdom theme.

4 августа 1784 г. на сцене домашнего театра графа Петра Борисовича Шереметева в Кускове силами крепостной труппы ставится комическая опера «Три окупщика». Это перевод пьесы французского драматурга и актера Жака-Мари Буте де Монвеля «Три арендатора» («*Les Trois Fermiers*»). Комическая опера Монвеля на музыку Николая-Александра Дезеда впервые поставлена в Париже в театре *Comédie-Italienne* в мае 1777 года и в том же году издана¹. Переводчик – Василий Григорьевич Вороблевский², крепост-

¹ На титульном листе первого издания указана дата премьеры – 16 мая: *Monvel [Boutet de Monvel J.-M.] Les Trois fermiers, comédie en deux actes, en prose, et mêlée d'ariettes...* Paris : Vente, 1777. P. i. (Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы.) В рецензиях названа другая дата первого представления – 24 мая: *Affiches, annonces, et avis divers. 1777. 4 Juin. P. 92 ; Journal de musique. 1777. No. 5. P. 64.* Даты постановки во Франции указаны по григорианскому, в России – по юлианскому календарям.

² См. о нем: *Станюкович В.* Домашний крепостной театр Шереметевых XVIII века. Л.: Издание Государственного Русского музея, 1927. С. 26–27; *Дынник Т.* Крепостной театр. М.; Л.: Academia, 1933. (Сер. «Театр» / Под общ. ред. А.К. Дживелегова). С. 119–122; *Елизарова Н.А.* Театры Шереметевых. М.: Издание Останкинского дворца-музея, 1944. С. 118 сл., особенно с. 176–182; *Кузьмин А. И.* 1) Крепостной литератор В.Г. Вороблевский // XVIII век. Сб. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 136–156; 2) В.Г. Вороблевский – переводчик «Анголь» // Из истории русских литературных отношений XVIII–XX веков / Отв. ред. С.В. Касторский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 66–74; 3) Вороблевский // Словарь русских писателей XVIII века / Отв. ред. А. М. Панченко. Вып. 1. Л.: Наука, 1988. С. 175–176; *Пискунова С.И.* «Ласарильо» в России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 24 (710). С. 420–422; *Сафонова А.А.* «Опыт дружбы» – «Испытание для дружбы»: «московский» Гретри // Старинная музыка. 2015. № 2 (68). С. 13–20.

Комическая опера Ж.-М. Буте де Монвеля в шереметевском театре

ной Шереметева. В 1785 г. перевод выходит из печати¹; на титульном листе названы имена Монвеля, Дезеда и Шереметева, но имя Вороблевского не упоминается².

Практика пополнения русского репертуара, особенно комедийного, за счет переводов с французского в XVIII веке обычна³. Жанр комической оперы в 1780-е гг. исключительно популярен; в России в это время он переживает расцвет. Среди всех его образцов пьеса Монвеля заслуживает внимания благодаря своей теме: она посвящена взаимоотношениям крестьян с дворянами-феодалами. В статье будет показано, как эта тема раскрывается в оригинале, какие акценты в ее трактовке расставляет русский переводчик и какое место опера «Три откупщика» занимает среди постановок шереметевского театра.

Пьеса Монвеля состоит из двух действий. Первое представляет собой развернутую экспозицию, показывающую подготовку крестьян к свадьбе. Основной же конфликт разворачивается во второй части второго действия. Он заключается в том, что любимый крестьянами землевладелец, из-за долгов оказавшись на грани разорения, вынужден продать землю. Но крестьяне настолько ему преданы, что дают ему сто тысяч экю, необходимые для оплаты долга, лишь бы земля, на которой они живут, осталась в его руках. Заканчивается пьеса рядом песенных номеров, что обычно для комических опер того времени (в терминологии эпохи эта часть называется водевилем). Любовная линия схематична и служит развлечению публики, а вот линия общественная, хотя ее разработке посвящена и меньшая часть текста, имеет принципиальное значение. Видимо, не случайно в пространственной рецензии на премьерный спектакль цитируется именно эта часть опе-

¹ *Монвель*. Три откупщика. Комедия с ариями в двух действиях... Музыка г. Дезеда. Переведена с французского на российский язык в Кускове 1784 году... В первый раз представлена на кусковском театре собственными его сиятельства графа Петра Борисовича Шереметева певицами и певчими августа 4 числа того ж году. М.: у содержателя типографии Ф. Гиппиуса, 1785. (Далее ссылки на страницы этого издания даются в тексте в скобках.)

² Об опере «Три откупщика» в театре Шереметева см. также музыковедческое исследование: *Сафонова А.А.* Московские версии опер Андре Гретри и его современников (последняя четверть XVIII века). Дисс. ... канд. искусствоведения / Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского: [В 2 т.] Т. 1. М., 2017. С. 126–130.

³ *Берков П.Н.* История русской комедии XVIII в. Л.: Наука, 1977. С. 43–55; *Левин Ю.Д.* Драматургия. Глава III // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 2. Драматургия. Поэзия. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 29–45.

LES
TROIS FERMIERS,
COMÉDIE.

ACTE PREMIER.

Le Théâtre représente une chambre rustique, au fond de laquelle est une fenêtre fermée par un volet; deux portes donnent dans cette chambre; où l'on voit un miroir gothique & plusieurs pots de fleurs.

SCENE PREMIERE.

LOUISE, seule.

(Elle sort d'un cabinet, venant de se lever dans le déshabillé villageois le plus simple, n'ayant rien dans ses cheveux; quelques unes de ses boucles même flottent légèrement sur son sein; elle marche doucement & va ouvrir le volet; elle dit ensuite, après avoir regardé par la fenêtre,)

EN mais... n'n'fait presque pas jour... j'ai cru qu'il étoit au moins huit heures ce matin... Louis...
A iv

ры, причем кульминационный эпизод приводится полностью, тогда как первое действие лишь кратко пересказывается¹.

Вопрос о правдоподобии такой ситуации, которая изображена в пьесе: как и зачем крестьяне жертвуют своему создателю большую сумму, чтобы он их не покинул? – возникает сам собой. Предупреждая эти сомнения, уже первое издание оперы автор открывает предисловием, в котором указывает на то, что источником сюжета служит реальное происшествие, описанное в журнале «Ephémérides du Citoyen» за 1769 год. Он также замечает, что, выходя из театра после премьеры, многие знатные господа вспоминали похожие случаи, произошедшие в действительности (р. iii–iv). Вслед за автором историю из «Ephémérides du Citoyen» пересказывают рецензенты².

С точки зрения современников, как видно по тем же рецензиям, этот сюжет – доказательство великодушия крестьян, людей из народа. Историки литературы и театра справедливо видят здесь руссоистскую идеализацию «естественного человека»³, в целом типичную для комических опер той эпохи⁴. Но трудно не заметить и другого аспекта содержания – идеализации

¹ Journal de musique. 1777. No. 5. P. 67–74.

² Affiches, annonces, et avis divers. 1777. 2 Juillet. P. 108 ; Journal de musique. 1777. No. 5. P. 75–76.

³ Charlton D. On redefinitions of 'rescue opera' // Music and the French Revolution / Ed. by M. Boyd. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 174–175.

⁴ Немировская И. Д. От русской комической оперы к «раннему» водевиллю: генезис, поэтика, взаимодействие жанров (середина XVIII в. – первая треть XIX в.). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. М., 2009. С. 28; Клейн И. Русская литература в XVIII веке.

Комическая опера Ж.-М. Буте де Монвеля в шереметевском театре

отношений между крестьянами и землевладельцем, которую можно истолковать как оправдание феодальных порядков. В 1773 году, когда французские просветители уже давно выступают против привилегий феодалов¹, это очень актуальная проблема.

Характерно, что поступок крестьян в пьесе объясняется великодушием – *humanité* (р. 51). Это ключевое слово в лексиконе просветителей. Оно обозначает и гуманность, человечность, и в то же время человеческое достоинство. Провозглашая именно этот принцип, просветители призывают отменить феодальные привилегии, противоречащие идее равенства всех людей². В пьесе Монвеля то же слово звучит иначе: достоинство крестьян проявляется не в отказе от прежних обычаев, а, напротив, в их сохранении, в любви к своему господину, который, конечно, отвечает им тем же.

Видимо, все это и привлекает внимание Шереметева. Очевидно, выбор репертуара крепостного театра находится в руках владельца. Одним из свидетельств тому служат слова Вороблевского из адресованного Шереметеву посвящения переведенной им комедии А. де Ферьера «Башмаки мордоре». Вороблевский пишет, что перевод осуществлен по приказу графа³. Возможно, инициатива обращения к пьесе «*Les Trois Fermiers*» принадлежит сыну П.Б. Шереметева – Николаю Петровичу, широко образованному человеку, театралу и музыканту: после его приезда из Парижа в 1773 г. куковский крепостной театр фактически переходит в его руки⁴. О его роли в составлении репертуара свидетельствует посвящение ему перевода еще одной комической оперы, также выполненного Вороблевским, – «Опыта дружбы» К.-А. Вуазенона на музыку А. Гретри. В этом посвящении сказано, что Н.П. Шереметев выбрал из нескольких произведений, которые

М.: Индрик, 2010. С. 269–280; *Karlinsky S.* Russian Comic Opera in the Age of Catherine the Great // *Karlinsky S.* Freedom from Violence and Lies: Essays on Russian Poetry and Music. Boston: Academic Studies Press, 2013. P. 423–439; *Kim V. M.* Les idées progressistes des Lumières sur la scène russe à travers l'opéra-comique français dans le dernier tiers du 18e siècle // *Fontes Artis Musicae*. 2020. Vol. 67. No. 3. P. 216–228.

¹ *Mackrell J.Q.C.* The Attack on “Feudalism” in Eighteenth-Century France. London: Routledge & Kegan Paul; Toronto: University of Toronto Press, 1973. P. 1–192.

² *Ibid.* P. 104 ff.

³ [Ферьер А. де.] Башмаки мордоре или Немецкая башмашница: Лирическая комедия в двух действиях / Переведена с французского Васильем Вороблевским 1778 году в Москве. В первый раз представлена на домовом театре его сиятельства графа Петра Борисовича Шереметева собственными его певчими генваря 11 дня 1779 году. [М.]: В тип. имп. Московского университета, [1779]. С. 5.

⁴ *Елизарова Н.А.* Театры Шереметевых. С. 25.

Вороблевский предполагал переводить, именно это благодаря «изрядной и приятной» музыке к нему¹.

Комическая опера Монвеля пользуется известностью. Она идет на сцене и через несколько лет после премьеры², неоднократно переиздается³ (а также вскоре после публикации в оригинале переводится на немецкий⁴ и датский⁵ языки, впоследствии на шведский⁶), не раз упоминается во французской и зарубежной прессе⁷, так что узнать о ней не составляет труда. Уже в год премьеры опубликована и партитура для оркестра, состоящего из двух скрипок, альты, контрабаса, двух гобоев, двух валторн и двух фаготов⁸. Отдельно изданы также ноты для инструментального исполнения: увертюра, ариетты в переложении для клавесина или фортепиано и ария Луизы в переложении для арфы⁹. Музыка Н. Дездема высоко оценена одним из французских рецензентов¹⁰.

¹ [Вуазенон К.-А. *de Фюзе де.*] Опыт дружбы, комедия с ариями в двух действиях, взятая из нравоучительных сказок г. Мармонтеля. Речи господ *** и Фавара, музыка г. Гретри. Перевел с французского Василий Вороблевский. В первый раз представлена в селе Кускове на домовом театре его сиятельства графа Петра Борисовича Шереметева собственными его певчими июня 29 дня 1779 году. [М.]: В тип. имп. Московского университета, [1779]. С. 4.

² *Almanach musical, pour l'année 1782.* Paris : Au Bureau de l'Abonnement Littéraire, 1782. P. 114–115 (отзыв о спектакле *Comédie-Italienne* 7 мая 1781 г.); *Journal de Paris.* 1782. 10 Juin. No. 161. P. 654 (анонс спектакля в том же театре 10 июня 1782 г.).

³ *Monvel [Boutet de Monvel J.-M.] Les Trois fermiers, comédie en deux actes, en prose, et mêlée d'ariettes...* Nouvelle édition. Paris : Didot l'aîné, 1777 ; под тем же названием издания: Toulouse: Brouhiet, s. a. ; Mons : H. Hoyois, 1777 ; Bruxelles : J. Vanden Berghen, 1777 ; Paris : Didot l'aîné, 1780 ; Paris : N. B. Duchesne, 1781.

⁴ *Idem.* Die drey Pachter. Ein ländliches Schauspiel mit Gesang, in 2 Akten / Nach dem Französischen umgedeutcht von W.-G. Becker. Gotha: Ettinger, 1778.

⁵ *Idem.* De tre Forpagtere, et Syngestykke i to acter... Musiken af D. Z. / Oversat af J. Wessel. Kiøbenhavn: Gyldendal, 1781. (Syngespil for den danske Skueplads ; 5. Bind).

⁶ *Idem.* De Ädelmodige bönderne, eller Dygden tilhör alla stånd, skådespel med sång uti 2 acter / Öfversättning af Hr Envallsson. Musiken af Hr Dezèdes... Stockholm: A. Zetterberg, 1794.

⁷ Помимо изданий, указанных выше (примеч. 2; примеч. 1 на с. 176; примеч. 2 на с. 178), см.: *Almanach des muses.* Paris: Delalain, 1778. P. 316 ; *Belles-Lettres in Frankreich vom Jahre 1777 // Litteratur- und Theater-Zeitung.* 1778. 21. März. No. 12. S. 182.

⁸ *D. Z. [Dezède N.] Les trois fermiers : Comédie en deux actes, en prose... et les parties séparées pour la facilité de l'exécution.* Paris : Houbaut, [1777].

⁹ *Bibliographie de l'Europe. Musique // L'Esprit des journaux, françois et étrangers.* 1777. T. 12. Décembre. P. 415–416.

¹⁰ *Journal de musique.* 1777. No. 5. P. 76–77.

Комическая опера Ж.-М. Буте де Монвеля в шереметевском театре

Экземпляр парижского издания 1777 г. назван среди книг, находившихся в библиотеке Шереметевых в их московском доме¹. (Ее каталог, по указанию Н.А. Елизаровой и А.И. Кузьмина, составлен самим Вороблевским, выполнявшим в хозяйстве графа, среди прочих, обязанности библиотекаря².) О каком из изданий этого года идет речь, неясно, так как их заглавия совпадают, а имена издателей в каталоге не отмечаются. Вероятно, по этой книге и сделан перевод. В том же каталоге значится и «*Almanach musical*» за 1782 г., содержащий рецензию на пьесу Монвеля³; нельзя исключать, что этот отзыв привлекает к ней внимание Шереметева.

В переводе пьеса подвергается частичной русификации. Центральный персонаж, добродетельный землевладелец, по-прежнему носит имя *господин Бельваль*, а его друг – *граф Дальвиль*. В тексте упоминается Париж (с. 14) – впрочем, лишь один раз (в оригинале – трижды, два других упоминания сняты). Но еще один топоним – Бургундия, где находится другое имение Бельваля (р. 50), устранен: о втором имении идет речь и в переводе, но его местоположение не уточняется. Французские имена персонажей-крестьян заменяются русскими, иногда никак не связанными с оригиналом: *Матюрен Девинь* становится *Матвеем*, *Жак* и *Пьер* – *Яковом* и *Петром*, *Алиса (Аlix)* – *Степанидой*, *Луиза* и *Бабетта* – *Анюткой* и *Танюшей*, *Луи* и *Блез* – *Иваном* и *Степаном*. Вместо французского денежного счета используется русский: экую заменены рублями. Такая частичная русификация, затрагивающая в первую очередь денежный счет, обычна в русских версиях французских комедий XVIII века⁴ (хотя против нее еще в 1760-х гг. выступает В.И. Лукин, требуя русификации последовательной)⁵.

Уже само название пьесы в русском переводе вызывает несколько иные ассоциации, нежели в оригинале⁶. Слову *fermier* во французском на-

¹ Опись библиотеки, находившейся в Москве, на Воздвиженке, в доме графа Дмитрия Николаевича Шереметева до 1812 г. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1883. С. 180. № 5394.

² *Елизарова Н.А.* Театры Шереметевых. С. 177; *Кузьмин А.И.* Крепостной литератор В. Г. Вороблевский. С. 155.

³ См. примеч. 1 на с. 180; Опись библиотеки, находившейся в Москве... в доме гр. Д.Н. Шереметева... С. 296. № 9172.

⁴ *Берков П.Н.* История русской комедии XVIII в. С. 48.

⁵ *Лукин В.И., Ельчанинов Б.Е.* Сочинения и переводы / С портретом Ельчанинова и со статьей о Лукине А.Н. Пыпина; редакция изд. П.А. Ефремова. СПб.: Изд. И. И. Глазунова, 1868. С. 112–119.

⁶ См.: *Елизарова Н.А.* Театры Шереметевых. С. 125–127; *Левин Ю. Д.* Драматургия. Глава III // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 2. С. 68.

Т Р И ОТКУПЩИКА

КОМЕДИЯ

СЪАРИЯМИ

въ двухъ дѣйствіяхъ,
съ своимъ Последствіемъ
называемымъ

СТЕПАНЪ и ТАЮША.

Слова сочиненія

Г. Монвеля,

Музыка Г. Дездема.

Переведена съ французскаго на Россій-
ской языкъ въ Кусковѣ 1784. году.
и при нихъ

СВАДЕБНЫЙ ПРАЗДНИКЪ.
съ танцами.

Въ первой разѣ представлена на Кусков-
скомъ театрѣ собственными Его Ся-
шельства Графа Петра Борисовича
Шереметева пѣвцами и пѣвчими
Августа 4. числа тогожъ году.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Господинъ БЕЛЬВАЛЬ.	Николай Розмаренъ.
Графъ ДАЛЬВИЛЬ.	Штепанъ Дехтяренъ.
МАТВЕЙ <i>опуш- щикъ.</i> Г. Бель- валя.	Григорей Янполскій.
ЯКОВЪ <i>его дѣти и также опу- шники</i> Г.	Григорей Коханов- скій.
ПЕТРЪ <i>Бельваля.</i>	Иванъ Николинскій.
СТЕПАНИДА <i>жена Якова</i>	Ирина Яхонтова.
АНИОТА <i>дѣти Якова и Степани- ды.</i>	Прасковья Жемчу- гова.
ТАЮША	Анна Изумрудова.
ИВАНЪ <i>жен ихъ Анюшинъ.</i>	Андрей Новикоѣвъ.
СТЕПАНЪ <i>женихъ Танюшинъ.</i>	Федоръ Травинъ.
ГАВРИЛА <i>Слуга Матвеевъ</i>	Ефимъ Головцовъ.
Одинъ Слуга Якова.	Семенъ Безозаровъ.

Дѣйствіе въ дѣревнѣ Господина Бельваля.

Въ Москвѣ у содержателя типографіи
Ф. Гиппіуса, 1785. Года.

звании соответствует в русском *откупщик*. Это верный перевод, однако лишь один из возможных. *Fermier* означает вообще арендатора – не только откупщика, но в том числе и крестьянина, который работает на земле, принадлежащей дворянину; «Словарь Французской академии» даже не различает этих значений¹. Из предисловия Монвеля видно, что он имеет в виду именно крестьян (*paysans*, р. iii), – впрочем, из текста остается неясным, как именно они заработали свое богатство. Но русскому зрителю и читателю трудно было бы представить крестьян в такой роли, какую они играют в пьесе. В России XVIII века у крепостных крестьян, занимающихся земледельческим трудом, едва ли нашлись бы сто тысяч рублей, которые они по сюжету отдают своему господину. Откупщиком же крепостной в это время фактически может быть (хотя формально все его имущество принадлежит помещику). В частности, такие примеры есть среди крестьян П.Б. Шереметева, который в инструкции по управлению своими именными, датированной 1764 годом, требует, чтобы крестьяне брали на себя откупа

¹ Dictionnaire de l'Académie française. 4ème éd. T. I (A-K). Paris: Veuve de B. Brunet, imprimeur de l'Académie française, 1762. P. 732–733.

Комическая опера Ж.-М. Буте де Монвеля в шереметевском театре

не иначе, как с его разрешения¹. Откуп в этот период действительно может приносить большой доход.

Русификация затрагивает лишь отдельные элементы текста. В целом перевод точен. Но на фоне общей верности оригиналу особенно отчетливо выделяются некоторые места, относящиеся к основной теме – взаимоотношениям дворян и крепостных. И здесь можно обратить внимание на некоторые соответствия оригинала и перевода.

Господин Бельваль в переводе так же доброжелателен, как и в оригинале – может быть, *почти* так же. По-русски он, как и по-французски, говоря с крестьянами, называет их своими друзьями (с. 57, 61, 63–66, 70–71, 75; ср. « mes amis », р. 43, 46, 50–53, 56). В оригинале он называет их еще и своими детьми (« mes enfans », р. 48, 49, 51), а в первый раз, приветствуя их, – даже своими дорогими детьми (« mes chers enfans », р. 43). В русской версии этой метафоры нет: она снимается там, где дополняет обращение «друзья мои», и заменяется этим обращением в том случае, где в оригинале выступает самостоятельно (с. 64). Быть может, на взгляд переводчика, по-русски так мог бы говорить священник, но не помещик.

Зато крестьяне называют Бельваля буквально *отцом* и *батюшкой* – даже чаще, чем в оригинале, где уже есть подобное обращение. Например, приветствие крестьян « Monseigneur » (р. 43) Вороблевский переводит так: «Здравствуй, наш батюшко, добро пожаловать» (с. 57), а их реплику ниже по тексту: « Monseigneur, pourquoi nous quittez-vous? » (р. 49) – так: «Отец наш, на что же ты нас покидаешь?» (с. 64).

Текст преобразован так, чтобы его можно было, несмотря на французские имена, отнести к обстоятельствам русской жизни. Крестьянка, в переводе получившая имя *Степанида*, говорит Бельвалю: «...для нас все равно, хотя бы вы нас убили или продали» (с. 61). Получается, что он собирается продавать не только землю, но и самих крестьян, как крепостных. В оригинале не так: « c'est comme si vous nous tuez que d'vouloir nous quitter » (р. 46, «покидая нас, вы нас словно убиваете»).

В переводе крестьяне трижды на протяжении одной и той же кульминационной сцены называют себя *рабами* помещика, тогда как в оригинале подобного слова нет. Слова *раб* и *рабский* звучат в репликах всех трех главных героев – крестьян. В первой из этих реплик *Яков*, соответствующий французскому *Жаку*, говорит Бельвалю: «Мы просим вас, чтоб <...> на этот час считали нас не так, как рабов, а как самых искренних друзей»

¹ *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. С. 329.

(с. 63). В оригинале эти слова звучат иначе. На обращенный к крестьянам вопрос Бельваля, чего они от него хотят, Жак отвечает: «qu'vous nous r'gardez dans ce moment-ici, moins comme vos vassaux, que comme vos amis» (р. 48), т. е. «чтобы вы сейчас смотрели на нас не столько как на вассалов, сколько как на друзей». (Здесь и в других местах Монвель придает речи необразованных персонажей диалектный колорит.) Затем Иван говорит Бельвалю, что он научил крестьян «не столько чувствовать рабское почтение, сколько истинную любовь» (с. 64). В оригинале слова *amiquié* (диалектизм, вм. *amitié* ‘дружба’) и *respect* (‘уважение’) не имеют определений: «n'vous en prenez qu'à vous si not'amiquié l'emporte encore sur l'respect qu'nous vous d'vons» (р. 48). Наконец, третий контекст также более определенно, чем оригинал, выражает мысль о социальном неравенстве. Во французском тексте Матюрен просит Бельваля «еще раз простить их назойливость, забыть, кто они [т. е. крестьяне] по сравнению с ним, и видеть лишь их сердца» («Pardonnez encore une fois à not'importunité; oubliez ce qu'je sommes au vis-à-vis d'vous, n'voyez qu'not'cœur», р. 49). Перевод выражает мысль короче, проще и резче: «Просим прощения, пожалуйста, забудьте, что мы ваши рабы» (с. 65).

Все эти изменения по объему незначительны, но в концептуальном отношении важны. Они позволяют применить сюжет к русской обстановке. В России 1784 года его звучание оказывается очень актуальным – для общества в целом и в частности для литературы и театра.

Образ великодушного крепостного, который помогает разорившемуся барину, имеет прецедент в русской комедии, причем также ориентированной на французский образец. Такой эпизод есть в пьесе В. И. Лукина «Мот, любовь исправленный», впервые сыгранной 19 января 1765 г. и в том же году напечатанной. В ней крепостной слуга Василий помогает своему господину Добросердову, который промотал состояние. Тот в знак благодарности дает Василию вольную, но слуга отказывается. После того как в финале Добросердов получает наследство, которое позволяет ему расплатиться с долгами, он вновь дает своему крепостному свободу, и на этот раз Василий принимает этот дар, но говорит, что будет и дальше служить своему барину. Василий в этой пьесе – резонер; благодаря его советам Добросердов раскаивается в своих проступках и становится на путь исправления.

Образцом для пьесы Лукина служит комедия Детуша «Расточитель, или Добродетельная обманщица». У Детуша слуга под обычным для этого амплуа именем *Пасквин*, когда его господин *Клеон* лишается имущества, отказывается покидать его и даже предлагает отдать все, что

Комическая опера Ж.-М. Буте де Монвеля в шереметевском театре

имеет сам¹. Лукин в предисловии к своей комедии обращает особое внимание на то, что его герой превосходит Пасквина: «...вольность сия драгоценная вещь, о которой они паче всего пекутся <...> однако *Василий* презирает вольность и остается при господине своем. Вот примерная добродетель»².

Тема крепостного права не раз затрагивается и в оригинальной русской комической опере 1770–1780-х гг. По наблюдению И.Д. Немировской, среди сменяющих друг друга тематических типов комической оперы хронологически первый – «межсословная сельская драма», где вопрос о взаимоотношениях сословий центральный³. Трактуются он по-разному: иногда в идиллически-мирном, а иногда и в конфликтном плане; впрочем, по законам жанра даже в последнем случае сюжет заканчивается счастливо⁴.

Одна из комических опер этого периода, где наиболее ярко изображаются злоупотребления крепостным правом, – «Несчастье от кареты» Я. Б. Княжнина. В ней помещик-галломан Фирюлин хочет продать в рекруты крепостного, чтобы на вырученные деньги купить новую карету, привезенную из Парижа. Приказчик Клементий решает продать крестьянина Лукьяна – своего счастливого соперника в борьбе за руку крестьянки Анюты. Конфликт разрешается благодаря вмешательству шута Афанасия, по совету которого Лукьян и Анюта обращаются к барину по-французски; растроганный этим Фирюлин оставляет их прислуживать себе и разрешает им пожениться. Помещик в пьесе – комический персонаж: в русской литературе XVIII в. галломания – постоянная сатирическая тема⁵.

¹ *Destouches [Ph. Nericault] Le Dissipateur ou L'Honnête friponne, comédie en vers et en cinq actes // Destouches. Œuvres. Nouvelle éd. T. 2. La Haye : B. Gibert, 1751. P. 275–276.*

² *Лукин В.И., Ельчанинов Б.Е. Сочинения и переводы. С. 12.*

³ *Немировская И.Д. Жанровые модели русской комической оперы: «межсословная сельская драма» и «частно-семейная идиллия» // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. № 4-6. С. 1655–1656.*

⁴ *Гозенгуд А. Музыкальный театр в России: От истоков до Глики. Очерк. Л.: Государственное музыкальное изд-во, 1959. С. 120–157; Karlinsky S. Russian Comic Opera in the Age of Catherine the Great. P. 428–431.*

⁵ Из новых работ см.: *Мирутенко К.С. Эволюция типов щеголя и щеголихи в комедийных жанрах русской драматургии и театра второй половины XVIII – начала XIX вв. Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения / Государственный институт искусствознания. М., 2007; Никитина А.В. Петиметр: щегольская культура в России второй половины XVIII века. Автореф. дисс. ... канд. культурологии / Школа-студия им. Вл. И. Немировича-Данченко при Московском Художественном академическом театре им. А.П. Чехова. М., 2010; Приказчикова Е.Е. Литературные проекции французской культуры в русской словесности XVIII в.: между галломанией и галлофобией // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки.*

Комическая опера «Несчастье от кареты» опубликована и впервые представлена на сцене в 1779 г. По свидетельству С. Н. Глинки, это любимая пьеса Екатерины II¹. Возможно, интерес императрицы обусловлен не столько проблематикой крепостного права, сколько темой галломании: для Екатерины преклонение русских дворян перед французами – важный социальный вопрос. Можно вспомнить, что ранее, в 1765 г., она высоко оценивает пьесу И.П. Елагина «Русский француз», где также обличается галломания².

«Несчастье от кареты» неоднократно ставится в разных театрах – как полагает Н. А. Елизарова, именно благодаря вниманию императрицы³. Пьеса с успехом идет на московской сцене; ее играют крепостные труппы А.Р. Воронцова и Г.С. Волькенштейна⁴.

Ставят комическую оперу Княжнина и в театре Шереметева⁵. Сатирическое изображение помещика этому не мешает – но, как видно по сохранившимся описаниям костюмов, далеких от бытового правдоподобия, даже эта пьеса в сценической интерпретации крепостного театра приобретает нарочито условный колорит, скрадывающий остроту социального конфликта⁶.

Тем более уместной на крепостной сцене оказывается комическая опера «Три откупщика», в которой социального конфликта нет вовсе: кре-

2022. Т. 24. № 1. С. 102–117; *Строев А.Ф.* Полемическое использование французских образцов в русских комедиях и сатирических произведениях XVIII века // Статьи о французской литературе. Сборник статей к 100-летию Л. Г. Андреева / Отв. редактор О.Ю. Панова. М.: Литфакт, 2022. С. 275–289; там же литература вопроса.

¹ *Глинка С.Н.* Записки. СПб.: Изд. редакции журнала «Русская старина», 1895. С. 95–96.

² *Порошин С.* Записки, служащие к истории <...> великого князя Павла Петровича, наследника престолу российского. СПб.: Тип. К. Крайя, 1844. С. 465.

³ *Елизарова Н.А.* Театры Шереметевых. С. 226.

⁴ *Веселова А.Ю., Гуськов Н.А.* Комментарии // Княжнин Я.Б. Комедии и комические оперы. СПб.: Гиперион, 2003. (Российская драматическая библиотека. III). С. 550. Об этих театрах см.: *Щеглова С.* Воронцовский крепостной театр // Язык и литература. Т. 1. Вып. 1–2. Л.: Акад. наук СССР, 1926. С. 323–350; *Карачарова Т.И., Карачаров И.Н.* Значение крепостных усадебных театров Хорватов и Волькенштейна для музыкальной культуры Белгородчины // Народная музыкальная культура в современном мире: взаимодействие науки, образования, практики. Сборник докладов Международной научно-практической конференции (VII научно-творческие «Маничкины чтения») (Белгород, 15–16 марта 2017 г.): В 2 т. / Отв. за вып. О.Я. Жирова, О.В. Логвинова. Т. 1. Белгород: ИПК БГИИК, 2017. С. 81–83.

⁵ *Елизарова Н.А.* Театры Шереметевых. С. 142–143, 226–227.

⁶ *Клейн И.* Русская литература в XVIII веке. С. 279–280.

Комическая опера Ж.-М. Буте де Монвеля в шереметевском театре

ствия не противостоят дворянину, а, напротив, поддерживают его. Опера Монвеля в переводе, сделанном, очевидно, по заказу Шереметева, словно уравнивает оперу Княжнина, предлагая иной, более выгодный для заказчика взгляд на крепостное право.

Обращение к комической опере французского автора в шереметевском театре соответствует тенденции развития жанра на русской почве. Оригинальная русская комическая опера в это время тоже движется в сторону отказа от изображения острых общественных противоречий. «Межсословная сельская драма» быстро выходит из моды. На смену ей идут новые жанровые модели – согласно концепции И.Д. Немировской, «частно-семейная идиллия», «комедия с песнями» и «бытовая хроника», где социальный конфликт смягчается или вовсе снимается¹.

Таким образом, выбор комической оперы Монвеля для постановки в крепостном театре Шереметева можно объяснить социальным и литературным контекстом. Интерес Шереметева к пьесе обусловлен, вероятно, тем, что ее сюжет позволяет представить взаимоотношения крестьян и помещиков благополучными и бесконфликтными; такая идея, очевидно, соответствует интересам русского дворянства. Эта мысль очевидна уже в оригинале; в переводе эффект усиливается благодаря тому, что сюжет проецируется на реалии русского общества. В отечественной комической опере 1770-х гг. обличение злоупотреблений крепостным правом возможно, однако интерес к этой теме быстро проходит, сменяясь, судя по всему, запросом на смягченное, а то и идеализированное изображение сложившегося социального порядка. Эта тенденция оказывается актуальной в 1784 г., когда в кусковском театре ставится опера «Три откупщика». Ответом на запрос русской дворянской аудитории становится перевод французской пьесы, приспособленный к новой обстановке.

Литература

Берков П.Н. История русской комедии XVIII в. Л.: Наука, 1977. 390, [1] с.

Веселова А.Ю., Гуськов Н.А. Комментарии // Княжнин Я.Б. Комедии и комические оперы. СПб.: Гиперион, 2003. (Российская драматическая библиотека. III). С. 507–565.

¹ *Немировская И.Д.* От русской комической оперы к «раннему» водевилю: генезис, поэтика, взаимодействие жанров (середина XVIII в. – первая треть XIX в.). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. С. 28–29.

Гозенпуд А. Музыкальный театр в России: От истоков до Глинки. Очерк. Л.: Государственное музыкальное изд-во, 1959. 781 с.

Дынный Т. Крепостной театр. М.; Л.: Academia, 1933. 327, [6] с. (Сер. «Театр» / Под общ. ред. А.К. Дживелегова).

Елизарова Н.А. Театры Шереметевых. М.: Издание Останкинского дворца-музея, 1944. 519 с.

Карачарова Т.И., Карачаров И.Н. Значение крепостных усадебных театров Хорватов и Волькенштейна для музыкальной культуры Белгородчины // Народная музыкальная культура в современном мире: взаимодействие науки, образования, практики. Сборник докладов Международной научно-практической конференции (VII научно-творческие «Маничкины чтения») (Белгород, 15–16 марта 2017 г.): В 2 т. / Отв. за вып. О.Я. Жирова, О.В. Логвинова. Т. 1. Белгород: ИПК БГИИК, 2017. С. 79–83.

Клейн И. Русская литература в XVIII веке. М.: Индрик, 2010. 440 с.

Кузьмин А.И. Вороблевский // Словарь русских писателей XVIII века / Отв. ред. А.М. Панченко. Вып. 1. Л.: Наука, 1988. С. 175–176.

Кузьмин А.И. В.Г. Вороблевский – переводчик «Анголы» // Из истории русских литературных отношений XVIII–XX веков / Отв. ред. С.В. Касторский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 66–74.

Кузьмин А.И. Крепостной литератор В.Г. Вороблевский // XVIII век. Сб. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 136–156.

Левин Ю.Д. Драматургия. Глава III // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 2. Драматургия. Поэзия. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 27–68.

Мирутенко К.С. Эволюция типов щеголя и щеголихи в комедийных жанрах русской драматургии и театра второй половины XVIII – начала XIX вв. Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения / Государственный институт искусствознания. М., 2007. 26 с.

Немировская И.Д. Жанровые модели русской комической оперы: «межсословная сельская драма» и «частно-семейная идиллия» // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. № 4-6. С. 1655–1658.

Немировская И.Д. От русской комической оперы к «раннему» водевилю: генезис, поэтика, взаимодействие жанров (середина XVIII в. – первая треть XIX в.). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. М., 2009. 39 с.

Никитина А.В. Петиметр: щегольская культура в России второй половины XVIII века. Автореф. дисс. ... канд. культурологии / Школа-студия им. Вл. И. Немировича-Данченко при Московском Художественном академическом театре им. А.П. Чехова. М., 2010. 30 с.

Пискунова С.И. «Ласарильо» в России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 24 (710). С. 420–430.

Приказчикова Е.Е. Литературные проекции французской культуры в русской словесности XVIII в.: между галломанией и галлофобией // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24. № 1. С. 102–117.

Сафонова А.А. «Опыт дружбы» – «Испытание для дружбы»: «московский» Гретри // Старинная музыка. 2015. № 2 (68). С. 13–20.

Сафонова А.А. Московские версии опер Андре Гретри и его современников (последняя четверть XVIII века). Дисс. ... канд. искусствоведения / Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского: [В 2 т.] Т. 1. 268 с.; Т. 2: Прил. 224 с. М., 2017.

Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. XXXVII, [3], 643 с.

Станюкович В. Домашний крепостной театр Шереметевых XVIII века. Л.: Издание Государственного Русского музея, 1927. 75 с.

Строев А.Ф. Полемическое использование французских образцов в русских комедиях и сатирических произведениях XVIII века // Статьи о французской литературе. Сборник статей к 100-летию Л.Г. Андреева / Отв. редактор О.Ю. Панова. М.: Литфакт, 2022. С. 275–289.

Щеглова С. Воронцовский крепостной театр // Язык и литература. Т. 1. Вып. 1–2. Л.: Акад. наук СССР, 1926. С. 323–350.

Charlton D. On redefinitions of ‘rescue opera’ // Music and the French Revolution / Ed. by M. Boyd. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 169–188.

Karlinsky S. Russian Comic Opera in the Age of Catherine the Great // Karlinsky S. Freedom from Violence and Lies: Essays on Russian Poetry and Music. Boston: Academic Studies Press, 2013. P. 423–439.

Kim V.M. Les idées progressistes des Lumières sur la scène russe à travers l’opéra-comique français dans le dernier tiers du 18e siècle // Fontes Artis Musicae. 2020. Vol. 67. No. 3. P. 216–228.

Mackrell J.Q.C. The Attack on “Feudalism” in Eighteenth-Century France. London: Routledge & Kegan Paul; Toronto: University of Toronto Press, 1973. xiii, 215 p.

References

Berkov P.N. *Istoriia russkoi komedii XVIII v. [History of Russian 18th-century Comedy]*. Leningrad: Nauka, 1977. (In Russ.)

Charlton D. “On Redefinitions of ‘Rescue Opera’”. In *Music and the French Revolution*, ed. by M. Boyd. Cambridge: Cambridge University Press, 1992: 169–188.

Dynnik T. *Krepostnoi teatr [Serf Theatre]*. Moscow; Leningrad: Academia, 1933. (In Russ.)

Elizarova N.A. *Teatry Sheremetevykh [Sheremetevs' Theatres]*. Moscow: Ostankino Palace-Museum, 1944. (In Russ.)

Gozenpud A. *Muzykal'nyi teatr v Rossii: Ot istokov do Glinki. [Musical Theatre in Russia: From its Origins to Glinka]*. Leningrad: State Musical Publishing House, 1959. (In Russ.)

Karacharova T.I., Karacharov I.N. “Znachenie krepostnykh usadebnykh teatrov Khorvatov i Vol'kenshteina dlia muzykal'noi kul'tury Belgorodchiny” [The Meaning of Mansion Serf Theatres of the Khorvats and Wolkenstein for the Musical Culture of Belgorod Land]. In *Narodnaia muzykal'naia kul'tura v sovremennom mire: vzaimodeistvie nauki, obrazovaniia, praktiki. Sbornik dokladov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Belgorod, 15–16 marta 2017 g.) [Folk Musical Culture in the Contemporary World: Interaction of Research, Education, Practice. Proceedings of the International Scholarly-Practical Conference (Belgorod, 15–16 March, 2017)]*. Vol. 1. Belgorod: IPK BGIK, 2017: 79–83. (In Russ.)

Karlinsky S. “Russian Comic Opera in the Age of Catherine the Great”. In Karlinsky S. *Freedom from Violence and Lies: Essays on Russian Poetry and Music*. Boston: Academic Studies Press, 2013: 423–439.

Kim V.M. « Les idées progressistes des Lumières sur la scène russe à travers l'opéra-comique français dans le dernier tiers du 18e siècle ». *Fontes Artis Musicae* 67: 3 (2020): 216–228.

Klein I. *Russkaia literatura v XVIII veke [Russian Literature in the 18th Century]*. Moscow: Indrik Publ., 2010. (In Russ.)

Kuz'min A.I. “Voroblevskii”. In *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka [Dictionary of Russian 18th-century Writers]*, ed. by A. M. Panchenko. Leningrad: Nauka, 1988: 175–176. (In Russ.)

Kuz'min A.I. “Krepostnoi literator V. G. Voroblevskii” [The Serf Writer V. G. Voroblevskii]. In *XVIII vek [The 18th Century]*. Iss. 4. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1959: 136–156. (In Russ.)

Kuz'min A.I. “V.G. Voroblevskii – perevodchik «Angoly»” [V. G. Voroblevskii, the Translator of “Angola”]. In *Iz istorii russkikh literaturnykh otnoshenii XVIII–XX vekov [From the History of Russian Literary Relations in the 18th–20th Centuries]*, ed. by S.V. Kastorskii. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1959: 66–74. (In Russ.)

Levin Iu. D. “Dramaturgiia. Glava III” [Drama. Chapter III]. In *Istoriia russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury. Drevnaia Rus'. XVIII vek [History of Russian*

Translated Literature. Old Rus. The 18th Century]. Vol. 2. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1996: 27–68. (In Russ.)

Mackrell J.Q.C. *The Attack on “Feudalism” in Eighteenth-Century France*. London: Routledge & Kegan Paul; Toronto: University of Toronto Press, 1973.

Mirutenko K.S. *Evolutsiia tipov shchegolia i shchegolikhi v komediinykh zhanakh russkoi dramaturgii i teatra vtoroi poloviny XVIII – nachala XIX vv. Avtoref. diss. [Evolution of the Types of Fop and Coquette in the Comic Genres of Russian Drama and Theatre of the Second Half of the 18th – early 19th Centuries. Thesis Abstract]*. Moscow, 2007. (In Russ.)

Nemirovskaia I.D. *Ot russkoi komicheskoi opery k «rannemu» vodevilii: genezis, poetika, vzaimodeistvie zhanrov (seredina XVIII v. – pervaiia tret’ XIX v.). Avtoref. diss. [From Russian Comic Opera to Early Vaudeville: Genesis, Poetics, Interaction of Genres. Thesis Abstract]*. Moscow, 2009. 39 s. (In Russ.)

Nemirovskaia I.D. “Zhanrovye modeli russkoi komicheskoi opery: «mezhslovnaiia sel’skaia drama» i «chastno-semeinaiia idilliia»” [Genre Models of Russian Comic Opera: “Inter-estate Village Drama” and “Private-Family Idyll”]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* 11: 4-6 (2009): 1655–1658. (In Russ.)

Nikitina A.V. *Petimetr: shchegol’skaia kul’tura v Rossii vtoroi poloviny XVIII veka. Avtoref. diss. [The Petit-Maitre: Fop Culture in Russia of the Second Half of the 18th Century. Thesis Abstract]*. Moscow, 2010. 30 s. (In Russ.)

Piskunova S.I. “«Lasaril’o» v Rossii” [Lazarillo in Russia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* 24/710 (2014): 420–430. (In Russ.)

Prikazchikova E.E. “Literaturnye proektsii frantsuzskoi kul’tury v russkoi slovesnosti XVIII v.: mezhdru gallomaniei i gallofobiei” [Literary Projections of French Culture in Russian 18th-century Literature: between Gallomania and Gallophobia]. *Izvestiia Ural’skogo federal’nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki* 24: 1 (2022): 102–117. (In Russ.)

Safonova A.A. “«Opyt” družby» – «Ispytanie dlia družby»: «moskovskii» Gretri” [Experience of Friendship – Test for Friendship: the “Moscow” Grétry]. *Starinnaia muzyka* 68/2 (2015): 13–20. (In Russ.)

Safonova A.A. *Moskovskie versii oper Andre Gretri i ego sovremennikov (posledniaia chetvert’ XVIII veka). Diss. [The Moscow Versions of Operas by André Grétry and his Contemporaries (Last Quarter of the 18th Century). Thesis]*. In 2 vols. Moscow, 2017. (In Russ.)

Semevskii V.I. *Krest’iane v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II [Peasants during the Reign of Catherine II]*, 2nd ed., corrected and enlarged, vol. 1. St. Petersburg: M.M. Stasiulevich’s Typography, 1903. (In Russ.)

Shcheglova S. “Vorontsovskii krepostnoi teatr” [Serf Theatre of the Vorontsovs]. In *Iazyk i literatura [Language and Literature]*, vol. 1, iss. 1–2. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1926: 323–350. (In Russ.)

Staniukovich V. *Domashnii krepostnoi teatr Sheremetevykh XVIII veka [Home Serf Theatre of the Sheremetevs of the 18th Century]*. Leningrad: State Russian Museum, 1927. (In Russ.)

Stroev A.F. “Polemicheskoe ispol’zovanie frantsuzskikh obraztsov v russkikh komediiakh i satiricheskikh proizvedeniakh XVIII veka” [The Polemic Usage of French Examples in Russian Comedies and Works of Satire of the 18th Century]. In *Stat’i o frantsuzskoi literature. Sbornik statei k 100-letiiu L. G. Andreeva [Papers on French Literature. Collected papers on the 100th Anniversary of L. G. Andreev]*, ed. by O. Iu. Panova. Moscow: Litfakt Publ., 2022: 275–289. (In Russ.)

Veselova A.Iu., Gus’kov N.A. “Kommentarii” [Commentaries]. In Kniazhinin Ia.B. *Komedii i komicheskie opery [Comedies and Comic Operas]*. St. Petersburg: Hyperion Publ., 2003: 507–565. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию: 17.07.2023

Received: 17.07.2023

Дата публикации: 30.08.2023

Published: 30.08.2023

«Я с удовольствием возьму на себя охрану Ваших интересов»: письма В.Л. Бинштока к М.А. Булгакову (1927–1930)

© 2023 В.Э. Молодяков, А.С. Александров

“I will be happy to take on the protection of your interests”: Letters of V.L. Bienstock to M.A. Bulgakov (1927–1930)

© 2023 Vassili E. Molodiakov, Alexander S. Alexandrov

УДК 82.-01

https://doi.org/10.54791/27823792_2023_4_193_222

Информация об авторах:

Василий Элинархович Молодяков, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор университета Такусёку, Токио, Япония. E-mail: dottore68@mail.ru

Александр Сергеевич Александров, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург, Россия. E-mail: aspirors83@mail.ru

Ключевые слова: Михаил Булгаков, роман, драматургия, перевод, авторские права, издание, постановка, гонорар.

Аннотация: В условиях неприсоединения СССР к международным соглашениям об охране авторских прав получение советскими авторами гонораров за зарубежные издания, переводы и постановки их произведений оказалось их частным делом. Живший в Париже с 1890-х годов русский адвокат, литератор и переводчик Владимир Биншток (1868–1933) вызвался представлять в Европе интересы Михаила Булгакова (1891–1940), поскольку имел большой опыт такой деятельности. Впервые публикуемые в полном объ-

Information about the authors:

Vassili E. Molodiakov, PhD in History, LLD in Political Science, Professor, Takushoku University, Tokyo, Japan. E-mail: dottore68@mail.ru

Alexander S. Alexandrov, PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature RAS, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: aspirors83@mail.ru

Keywords: Mikhail Bulgakov, novel, drama, translation, copyright, publication, stage production, royalties.

Abstract: In the conditions of non-alignment of the USSR to international copyright agreements, the receipt by Soviet authors of royalties for foreign publications, translations and stage productions of their works turned out to be their private business. Vladimir Bienstock (1868–1933), a Russian lawyer, writer and translator who had lived in Paris since the 1890s, volunteered to represent Mikhail Bulgakov (1891–1940) in Europe, because he had extensive experience in such activities. Bienstock’s letters to Bulgakov, published here in full for the first time, give a complete picture of his efforts not only to protect the writer’s copyright and ensure that he receives

еме письма Бинштока к Булгакову дают картину его усилий не только по защите авторских прав писателя и обеспечении получения им гонораров, но и по продвижению произведений Булгакова на европейский книжный рынок и театральную сцену. Не все попытки Бинштока увенчались успехом, но он искренне стремился расширить читательскую и зрительскую аудиторию Булгакова в Европе, защищал его интересы и был готов сам заняться переводом его произведений. В примечаниях к публикации полностью описаны пометы Булгакова на полученных им письмах Бинштока.

royalties, but also to promote Bulgakov's works to the European book market and the theater scene. Not all of Bienstock's attempts were successful, but he sincerely sought to expand Bulgakov's readership and audience in Europe, defended his interests and was ready to translate his works himself. The notes to the publication fully describe Bulgakov's marks on the letters he received from Bienstock.

В отечественной литературе Владимир Львович Биншток (1868–1933) упоминается главным образом как переводчик на французский язык произведений Л.Н. Толстого (переводы считаются неудачными и устаревшими), «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова и, наконец, как парижский «поверенный» М.А. Булгакова. Письма Бинштока к Булгакову (ответные не известны) цитировались, порой с искажениями из-за его трудночитаемого почерка¹, но полностью не публиковались. Ввиду малой известности автора в России необходимо предпослать публикации этих писем справку о его жизни и литературной деятельности.

Владимир Биншток родился в Житомире 22 апреля (5 мая) 1868 г. Его отец Лев Моисеевич (Иегуда Лейб) Биншток (1836–1894) служил казенным раввином в Житомире (1859–1862), преподавателем еврейского Закона Божьего в мужской (1863–1867) и женской гимназиях (1863–1875) Житомира, помощником редактора «Волынских губернских ведомостей» (с 1867), ученым евреем при киевском генерал-губернаторе в распоряжении волынского губернатора (1867–1882), выступал как журналист и публицист в общероссийской («Московские ведомости», «Русский вестник», «Голос») и русско-еврейской прессе («Восход», «Рассвет», «Сион»). В 1892 г. он уехал в Палестину как уполномоченный одесского Общества вспомоществования

¹ Яблоков Е.А. Путь Турбиных // Булгаков М. Белая гвардия. М.: Ладомир, Наука, 2015. С. 419–420, 437–438, 457–461 (серия «Литературные памятники»); Мишууровская М. Борьба за роман «Белая гвардия» и издательские интриги 20-х годов. М.: Музей М.А. Булгакова, 2015. С. 78–92.

евреям-земледельцам и умер в Яффе два года спустя¹. Старшая дочь Эрнестина (1863 – ?), в браке Вейнбаум, в 1878 г. окончила Житомирскую гимназию, с 1904 г. публиковала очерки и рассказы, с 1910 г. под псевдонимом «Э. Львова» переводила французскую и скандинавскую прозу и драматургию для журналов и для издательств «Универсальная библиотека», «Польза» и «Всемирная литература»; после 1924 г. по болезни прекратила литературную деятельность². Старший сын Александр (1866-1937) по окончании университета в 1893 г. стал врачом-окулистом, практиковал в Киеве, затем в Царицыне (ныне Волгоград), в 1920-е годы жил в Москве вместе с дочерью³. Младший сын Михаил (1871–1942; умер в Ленинграде во время блокады) сотрудничал в массовых журналах, составлял антологии, переводил.

Владимир Биншток по окончании юридического факультета Московского университета в 1891 г. переехал в Петербург, работал помощником присяжного поверенного, печатался в «Журнале гражданского и уголовного права», но сделал выбор в пользу журналистики. Согласно данным из французских источников, он в 1896 г. принял православие, до 1899 г. числился в петербургской адвокатуре, уже в первой половине 1890-х годов обосновался в Париже, занялся журналистикой и переводами, 12 сентября 1899 г. женился, в 1922 г. получил французское подданство, в 1929 г. стал кавалером ордена Почетного легиона за литературные заслуги, был назначен Профессиональной ассоциацией иностранной прессы и скончался в Париже 12 марта 1933 г.⁴ Считая себя французским литератором, а не русским эмигрантом, он принимал некоторое участие в жизни Русского Зарубежья как член бюро Комитета помощи русским писателям и журналистам и Объединения русских адвокатов во Франции. Сначала он писал о Франции для российских журналов, включая «Русское богатство» и «Русскую мысль», затем перешел на французский язык и рассказывал французам о России и русской литературе⁵. Биншток был одним из авторов обзоров «Русские

¹ Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. III. Бенни – Боборыкина. СПб.: Семеновская типо-литогр. (И. Ефрона), 1892. С. 296–297.

² Писатели современной эпохи. Био-библиографический словарь русских писателей XX века. Т. 1 / Ред. Б.П. Козьмин. М.: ДЭМ, 1992. С. 65–66. (1-е изд.: М., 1928).

³ Данные ветки «Биншток» генеалогического форума ВГД (<https://forum.vgd.ru>).

⁴ Кроме Википедии использована подборка материалов: heritagechecsfra.free.fr/bienstoc.htm

⁵ Библиографии Бинштока не существует. Часть его публикаций, а именно отклики на книги русских эмигрантов, в основном изданные на французском языке, учтена: *Livak L. Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France. A Bibliographical Essay.* Montreal: McGill-Queen's University Press, 2010 (по указ.).

письма» в журнале «Mercure de France», которые в очередь с ним писали бывший народоволец и парижский старожил Соломон Коган, в печати известный под именем Евгений Семенов, и переводчик Жан Шюзвиль.

Наибольшую известность Бинштоку принесли переводы с русского языка. Переведя для издательства «Stock» 27 томов собрания сочинений Льва Толстого (1902–1913; в редактировании участвовал П.И. Бирюков, книгу которого о Толстом Биншток также перевел на французский язык), он претендовал на роль главного переводчика «великого писателя земли русской» во Франции. Лев Николаевич и его окружение сетовали на недостаточное знание Бинштоком французского языка и порой были недовольны качеством работы, хотя ценили его оперативность, исполнительность и аккуратность¹. Вторым классиком, с которым он знакомил французов, стал Достоевский («Подросток», «Братья Карамазовы»², повести и рассказы, «Дневник писателя», письма к жене). Следя за литературными и театральными новинками, Биншток брался за то, на что был актуальный спрос во Франции, – пьесы Чехова, роман Бориса Савинкова «То, чего не было», пьеса Владимира Киршона «Константин Терёхин (Ржавчина)», роман Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев»³.

За исключением перевода «Синей птицы» М. Метерлинка на русский язык, выполненного им в соавторстве с З.А. Венгеровой для Московского Художественного театра⁴, остается неизученной работа Бинштока как переводчика французской драматургии. В 1920-е и в начале 1930-х годов он

¹ Мотылева Т.М. «Война и мир» за рубежом. Переводы. Критика. Влияние. М., 1978 (по указ.); Полосина А.Н.: 1) Первые переводы на французский язык романа Л.Н. Толстого «Воскресение» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2014. № 2 (6). С. 79–82; 2) Биншток // Лев Толстой и его современники. Вып. 3. Тула: Инфра-М, 2016. С. 66–68; Де Джорджи Р. «Не роман, а путаница в письмах и телеграммах»: Шолом-Алейхем и Лев Толстой (по неизданной переписке) // Архив еврейской истории. Т. 12. М.: СПб.; Бостон: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022 (по указ.). Многолетняя работа Бинштока не нашла отражения в томе 75 «Литературного наследства» «Толстой и зарубежный мир» (1965), не считая отдельных библиографических указаний.

² Власов С.В. «Братья Карамазовы» на французском языке // Романский коллегийум. Вып. 6, посвященный памяти И.В. Лукьянец: Французские пассажи Ф.М. Достоевского / Ред. С.Л. Фокин. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2014. С. 132–155.

³ Яновская Л.М. Почему вы пижете смешно? Об И. Ильфе, Е. Петрове, их жизни и их юморе. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1969; Бестолкова Г.В. Отражение реалий русской культуры в английских и французских переводах: на материале романов И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» и их переводов на английский и французский языки. Дис. ... кандидата филологических наук. М., 2005.

⁴ Станиславский К.С. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Письма. 1886–1917. М.: Искусство, 1960 (по указ.).

«Я с удовольствием возьму на себя охрану Ваших интересов»

в соавторстве с Р.З. Чинаровым перевел для московских театров десяток современных французских пьес, включая «Топаз» М. Паньоля, поддерживал контакты с А.И. Сумбатовым-Южиным, В.Э. Мейерхольдом и З.Н. Райх, состоял в Московском обществе драматических писателей и композиторов (МОДПиК) и в ноябре 1923 г. получил право представлять его интересы во Франции (материалы об этом хранятся в РГАЛИ и заслуживают отдельного изучения). Пока неизвестна в России и деятельность Бинштока как французского литератора¹. Помимо статей и обзоров его перу принадлежит компилятивный историко-политический очерк «Распутин. Конец режима» (1917) с использованием неопубликованных материалов следствия об убийстве «старца», антибольшевистская брошюра «Русская революция, переворот и максималистский режим» (1918), выдержанная в либеральной традиции «История революционного движения в России» (1920; вышла только первая часть, посвященная периоду 1790–1894 гг.) и десять сборников юмористических рассказов и анекдотов, изданных в 1924–1932 гг. Последние составлены им в соавторстве с «принцем гастрономов» Кюрнонским (наст. Морис Эдмон Сайян; 1872–1956), кулинарная слава которого полностью затмила его литературную деятельность.

Ниже публикуются все сохранившиеся письма (автографы) Бинштока к Булгакову. Инициатором переписки выступил Владимир Львович. Не будучи лично знаком с Михаилом Афанасьевичем, он 12 ноября 1927 г. написал в МОДПиК:

Париж 12/XI-27 года. Председателю общества Драматических Писателей в Москве. Гражданин председатель, здесь в театре Albert I в скором времени будет представлена на русском языке пьеса Булгакова «Дни Турбины», она уже объявлена в программах на уден так. Чтобы получить свои авторские, Булгаков должен записаться в члены здешнего общества драмписателей. Посылаю Вам для этого различные бумаги, которые он должен подписать и засвидетельствовать свою подпись под доверенностью и под прошением председателю во Французском консульстве в Москве. Кроме этих бумаг для здешнего общества еще необходимо так – В.М. метрика, справка о судимости. Это обязательно для всех членов общества, когда все бумаги будут готовы, попросите Булгакова мне их переслать. Эта же пьеса будет представлена на французском

¹ Первый очерк: *Молодяков В.* «Большевистский роман» для «принца гастрономов»: русско-французский литератор Владимир Биншток и его круг // Невский библиофил. Вып. 28 (в печати).

языке в театре труппой <пропуски в оригинале>. С искр<енным> уваж<ением> остаюсь Владимир Бинштен <так! – В.М.>. 18/XI-27 г. Верно: <подпись неразборчива>.¹

Далекий от советских реалий Биншток не предполагал, что это сугубо деловое письмо было перлюстрировано и скопировано ОГПУ и лишь затем передано адресату. В первом из известных писем Булгакову Владимир Львович отвечает на его письмо от 18 ноября, по всей видимости, содержащее отклик на информацию, сообщенную из Парижа в МОДПиК. Корреспонденты не знали, что «компетентные органы» заинтересовались спектаклем, который оказался вольной инсценировкой («пьеса по роману») опубликованной части «Белой гвардии» под «брендовым» названием «Дни Турбиных», сочиненной «белоземляком» Е.В. Рышковым (Тарусским). Пьесу, премьера которой состоялась 4 декабря 1927 г. на сцене парижского театра Albert I, играла труппа Русского драматического театра под руководством К.Я. Григоровича-Тинского и Н.П. Литвинова, постановка Н.Г. Северского, декорации В.Б. Полуэктова. Согласно программе², роли исполняли: Алексей Турбин – К.Я. Григорович-Тинский, Николка – В.В. Клименко и Н.Н. Паньков, Елена – А.С. Иванова, Гальберт (так! – В.М.) – Н.Н. Навицкий, Анюта – Д.Л. Читорина, Доброклонский, «богослов, друг семьи Турбиных»³ – Ф.И. Субботин, Лисович – В.Д. Борзов, Мышлаевский – В.И. Коренев, Шервинский – Н.В. Южин, Степанов (Карась) – М.Ф. Копытов, гетман Украины – В.Ф. Грановский, генерал Хорек⁴ – В.Д. Борзов, Щеткин – Н.П. Литвинов, Малышев – П.Г. Рахматов, Найтурс (так! – В.М.) – М.Н. Долохов, Студзинский – В.М. Кате, майор-немец – Ф.И. Астров, лейтенант-немец – Н.Н. Паньков, дама блондинка – Я.В. Лярская, юнкер – Е.В. Рышков, вольноопределяющийся – Е.В. Рышков, гимназический сторож Максим – П.Р. Миронов (сведения об исполнителях мы не разыскивали).

Посмотрев спектакль, Биншток 8 декабря сообщил Булгакову, что это не его пьеса, а «безграмотная переделка» романа, за которую тот не несет ответственности (но и на отчисления не может рассчитывать). Письмо с приложением программы до Булгакова, видимо, не дошло, ибо его ори-

¹ Машинописная копия со штампом «Центральный архив ФСБ РФ»: РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 4.

² РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 3.

³ Персонаж, придуманный инсценировщиком, возможно, вместо отца Александра из первой главы.

⁴ Персонаж, возможно, являющийся контаминацией генерала Макушина и «похожего на бесхвостого хорька капитана» из десятой главы.

«Я с удовольствием возьму на себя охрану Ваших интересов»

гинал оказался в ОГПУ¹. Не получив ответ, Биншток повторил сказанное в письме от 23 декабря, на основании чего писатель мог дезавуировать парижскую постановку².

Содержание дальнейших писем введено в научный оборот лишь частично. Биншток извещал Булгакова об интересе к его пьесам со стороны парижских театров, особо отметив популярную труппу Жоржа и Людмилы Питовых, просил прислать их тексты (чего автор не сделал, очевидно, опасаясь преследований из-за пересылки за границу неопубликованных и неразрешенных цензурой произведений), общался с приезжавшими в Париж «мхатчиками» П.А. Марковым («Миша Панин» из «Записок покойника») и И.Я. Судаковым (режиссер «Дней Турбиных»), хлопотал о защите его интересов в деле получения гонораров и въездной визы и об устройстве переводов, наконец, устроил отдельное издание «второй части» романа «Белая гвардия», т.е. текста, не опубликованного в журнале «Россия» из-за его запрещения. Биншток просил Булгакова посодействовать ему в получении своих московских гонораров в виде взаимного зачета, но тот отказался получать рубли вместо франков и свел «поверенного» со своим братом Николаем, переехавшим в Париже.

Переписка разделилась еще при жизни Булгакова и ныне хранится в двух его личных архивных фондах: 1) РО ИРЛИ РАН. Ф. 369. Ед. хр. 354 (далее в примечаниях: ИРЛИ) – «Биншток Владимир Львович. Письма его Булгакову Михаилу Афанасьевичу»; 2) НИОР РГБ. Ф. 562. Карт. 19. Ед. хр. 37 (далее в примечаниях: РГБ) – «Дело З.Л. Каганского о “Белой гвардии” – подборка писем и документов, связанных с изданием романа “Белая гвардия”, с постановкой пьесы “Дни Турбиных” за рубежом и с защитой М.А. Булгаковым своих авторских прав». Письмо от 8 декабря 1927 г., изъятое ОГПУ: РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Ед. хр. 6. При публикации сохранены особенности орфографии и пунктуации Бинштока, в частности пристрастие к точке с запятой. Подчеркнутые автором слова выделены курсивом, зачеркнуты заключены в квадратные скобки; конъектуры публикаторов в угловых скобках.

Публикаторы приносят благодарность Е.Б. Бурлаченко (Москва) и В.А. Резвому (Москва) за помощь в работе.

¹ Копия письма вместе с копиями других документов, имеющих отношение к Булгакову, в 1995 г. передана из Центрального архива ФСБ в РГАЛИ.

² *Мишурувская М.* Первое книжное издание «Белой гвардии» и первая зарубежная постановка пьесы по ней: к истории авторского права в советскую эпоху // Новое литературное обозрение. 2017. № 3. С. 432–438.

Литература

Бестолкова Г.В. Отражение реалий русской культуры в английских и французских переводах: на материале романов И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» и их переводов на английский и французский языки. Дис. ... кандидата филологических наук. М., 2005.

Власов С.В. «Братья Карамазовы» на французском языке // Романский коллегийум. Вып. 6: Французские пассажи Ф.М. Достоевского / Ред. С.Л. Фокина. СПб.: СПбГУЭФ, 2014. С. 132–155.

Де Джорджи Р. «Не роман, а путаница в письмах и телеграммах»: Шолом-Алейхем и Лев Толстой (по неизданной переписке) // Архив еврейской истории. Т. 12. М.; СПб.; Бостон: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022.

Мишуrowsкая М.В. Борьба за роман «Белая гвардия» и издательские интриги 20-х годов. М.: Музей М.А. Булгакова, 2015.

Мишуrowsкая М.В. Первое книжное издание «Белой гвардии» и первая зарубежная постановка пьесы по ней: к истории авторского права в советскую эпоху // Новое литературное обозрение. 2017. № 3. С. 432–438.

Мотылева Т.М. «Война и мир» за рубежом. Переводы. Критика. Влияние. М.: Советский писатель, 1978.

Писатели современной эпохи. Био-библиографический словарь русских писателей XX века. Т. 1 /Ред. Б.П. Козьмин. М.: ДЭМ, 1992.

Полосина А.Н. Биншток // Лев Толстой и его современники. Вып. 3. Тула: Инфра-М, 2016. С. 66–68.

Полосина А.Н. Первые переводы на французский язык романа Л.Н. Толстого «Воскресение» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2014. № 2 (6). С. 79–82.

Станиславский К.С. Собрание сочинений: в 8 тт. Т. 7. Письма. 1886–1917. М.: Искусство, 1960.

Яблоков Е.А. Путь Турбиных // *Булгаков М.* Белая гвардия. М.: Ладомир, Наука, 2015. С. 373–470.

Яновская Л.М. Почему вы пишете смешно? Об И. Ильфе, Е. Петрове, их жизни и их юморе. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1969.

References

Bestolkova G.V. *Otrazhenie realiy russkoi kultury v angliyskikh i frantsuzskikh perevodah: na materiale Romanov I. Il'fa i E. Petrova "Dvenadtsat' stul'ev" i "Zolotoi telenok" i ih perevodov na angliiskiy i frantsuzskiy yazyki. Dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk* [Reflection of the realities of Russian culture in English and French translations: Based on the material of the novels by I. Ilf and E. Petrov "Twelve Chairs" and "Golden Calf" and their translations into English and French languages. PhD Thesis]. Moscow, 2005. (In Russ.).

De Giorgi R. “‘Ne roman, a putanitsa v pis'mah i telegrammah’: Sholom-Aleihem i Lev Tolstoy (po neizdannoy perepiske).” [“‘Not a novel, but a confusion in letters and telegrams’: Sholom-Aleichem and Leo Tolstoy (based on unpublished correspondence).”]. *Arhiv evreyskoi istorii [Archive of Jewish History]*. Vol. 12. Moscow; Saint-Petersburg; Boston: Academic Studies Press / Bibliorossika, 2022. (In Russ.).

Livak L. *Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France. A Bibliographical Essay*. Montreal: McGill-Queen's Press, 2010.

Mishurovskaya M.V. *Bor'ba za roman “Belaya gvardiya” i izdatel'skie intrigi 20-h godov [The struggle for the novel “The White Guard” and publishing intrigues of the 1920s]*. Moscow: Muzei M.A. Bulgakova, 2015. (In Russ.).

Mishurovskaya M.V. “Pervoe knizhnoe izdanie “Beloy gvardii” i pervaya zarubezhnaya postanovka p'esy po nei: k istorii avtorskogo prava v sovetskuyu epohu.” [“The first book edition of *The White Guard* and the first foreign production of a play based on it: On the history of copyright in the Soviet era.”] *Novoe literaturnoe obozrenie* 3 (2017): 432–438. (In Russ.).

Motyleva T.M. “*Voyna i mir*” za rubezhom. *Perevody. Kritika. Vliyanie* [“*War and peace*” abroad. *Translations. Criticism. Influence*]. Moscow: Sovetskiy pisatel' publ., 1978. (In Russ.).

Pisатели современной эпохи. Bio-bibliograficheski slovar' russkikh pisatelei XX veka, [Writers of the modern era. Biobibliographical Dictionary of Russian Writers of the twentieth century. Edited by B.P. Kozmin]. Vol. 1, ed. B.P. Koz'min. Moscow: DEM Publ., 1992. (In Russ.).

Polosina A.N. “Binshtok.” [“Bienstock.”]. In *Lev Tolstoy i ego sovremenniki [Leo Tolstoy and his contemporaries]*. Issue 3. Tula: Infra-M Publ., 2016: 66–68. (In Russ.).

Polosina A.N. “Pervye perevody na frantsuzskiy yazyk romana L.N. Tolstogo *Voskresenie*.” [“First translations into French of L.N. Tolstoy's novel *Resurrection*.”]. *Tekst. Kiga. Knigoizdanie [Text. Book. Book publishing]* 2 (2014): 79–82. (In Russ.).

Stanislavsky K.S. *Sobranie sochineniy: v 8 tomah. T. 7. Pis'ma. 1886–1917 [Collected works: in 8 vol. Vol. 7. Letters. 1886–1917]*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1960 (In Russ.).

Vlasov S.V. “*Brat'ya Karamazovy na frantsuzskom yazyke*.” [“*The Brothers Karamazov in French*.”]. *Romanskiy kollegium. [Roman Collegium]*. Issue 6: Frantsuzskie passazhi F.M. Dostoevskogo [French passages by F.M. Dostoevsky]. Saint-Petersburg: SPbGUEF Press, 2014: 132–155 (In Russ.).

Yablokov E.A. “Put' Turbinyh.” [“The Way of the Turbins.”]. In: Bulgakov M. *Belaya gvardiya [The White Guard]*. Moscow: Ladomir, Nauka Publ., 2015: 373–470. (In Russ.).

Yanovskaya L.M. *Pochemu vy pishete smeshno? Ob I. Il'fe, E. Petrove, ih zhizni i ih yumore. [Why do you write funny? About I. Ilf, E. Petrov, their life and their humor]*. Moscow: Nauka Publ., 1969. (In Russ.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма В.Л. Бинштока к М.А. Булгакову (1927–1930)

1.

24/XI/27. Париж. 236 Boul(evar)d Raspail XIV¹.

Многоуважаемый Михаил Афанасьевич!

Получил Ваше письмо от 18-го ноября и спешу Вам на него ответить.

Пьеса Ваша объявлена к постановке 4-го декабря в театре Albert I². Театр довольно приличный, на 500 мест³. Там играет по воскресеньям⁴ русская труппа под управлением актера Литвинова и Григоровича-Барского⁵. В труппе 3–4 профессиональных актера (двое играют неплохо). Остальные любители, работающие на заводах; и исполнение, конечно, очень любительское. Я у них видел одну пьесу «Сказка жизни» Ренникова⁶; и пьеса очень слабая; и исполнение еще слабее.

Как они разыскали экземпляр Вашей пьесы, этого я совершенно не знаю; я в своей «candeur naïve»⁷ думал, что пьеса Ваша продается в театральных библиотеках. Если же они раздобыли ее путем нелегальным, то, конечно, они этого не скажут.

Относительно Ваших авторских будьте спокойны: здесь они взыскиваются автоматически: 8% с валового сбора. Я послал в Общество⁸, на имя председателя⁹, несколько бумаг, которые Вы должны подписать, чтобы сделаться членом здешнего Общества¹⁰. Вам, вероятно, их уже передали. А кроме того, напишите мне, по-французски, письмо, что Вы поручаете мне, как представителю нашего Общества, получить авторские¹¹. Я их Вам получу и перешлю в Москву. Но *одного* такого письма недостаточно; нужны еще, подписанные Вами, те бумаги, которые я послал, + *Ваша метрика* (во французском переводе) и *справка о судимости*. Это общее правило для поступления в Общество.

Я знаю, с одной стороны, что они сильно рассчитывают на Вашу пьесу, и хотят поехать с ней в Лондон и в Америку¹². Но, с другой стороны, я тоже знаю, что они ищут денег для ее постановки; им, говорят, не хватает 8000 франков.

Ваша пьеса объявлена также, *во французском переводе*, у Питовых в театре Mathurins¹³.

Это, конечно, более серьезно; и может дать гораздо больше, чем представление у Литвинова; так как у Питовых, если пьеса будет иметь успех, она может пройти 100 и больше раз.

Что это перевод авторизованный? Или же перевели без Вашего разрешения? Даже в этом последнем случае я мог бы поговорить с Питовым, с которым я в дружеских отношениях, чтобы известная часть была заплочена автору. Искренне уважающий Вас Вл. Биншток.

ИРЛИ. Л. 1–2 об; последний лист (со слов, отделенных двойной косой чертой – «боль//ше раз»): РГБ. Л. 24.

¹ Домашний адрес Бинштока с указанием на XIV-й округ Парижа.

² Théâtre Albert-I (назван в честь бельгийского короля Альберта I), частный парижский театр, существующий с 1919 г.; с 1973 г. называется Théâtre Tristan-Bernard в честь драматурга и писателя Тристана Бернара (1866–1947), руководившего им в 1930-е годы; официальный сайт: <https://www.theatretristanbernard.fr/>

³ Фраза подчеркнута адресатом красным карандашом.

⁴ Два слова подчеркнуты адресатом красным карандашом.

⁵ Русским драматическим театром руководили Константин Яковлевич Григорович-Тинский (1888–1953) и Н.П. Литвинов.

⁶ Премьера пьесы «Сказка жизни» А. Ренникова (наст. Андрей Митрофанович Селитренников; 1882–1957), прозаика, драматурга и сотрудника газеты «Возрождение», в постановке Русского драматического театра (режиссер Н.Г. Северский) состоялась на сцене театра Albert-I 20 ноября 1927 г. и, по сообщениям прессы, прошла «с громадным успехом» (подробнее: *Николаев Д.Д.* Драматургия А.М. Ренникова 1920-х годов // Русское зарубежье: история и современность. Сб статей. Вып. 4. М., 2015. С. 104–109); пьеса вошла в книгу Ренникова «Комедии» (Париж, 1931 <1930>).

⁷ Наивном простодушии (*франц.*).

⁸ Московское общество драматических писателей и композиторов (МОДПиК).

⁹ В справочной книге «Вся Москва» на 1927 г. председателем МОДПиК указан драматург Анатолий Глебович Глебов (наст. фам. Котельников; 1899–1964), на 1928 г. – Владимир Аркадьевич Тронин (1888–1946), участник революционного движения, партийный и государственный деятель, издательский работник.

¹⁰ Парижское Société des auteurs dramatiques.

¹¹ Со слов «...напишите мне» фраза подчеркнута адресатом красным карандашом.

¹² Со слова «...хотят» до конца фразы подчеркнута адресатом синим карандашом.

¹³ Игравшая в то время на сцене парижского театра Mathurins труппа актера и режиссера Жоржа Питоева (наст. Геворг Ованесович Питоян; 1885–1939) и его жены актрисы Людмилы Питоевой (урожд. Людмила Яковлевна Сманова; 1896–

1951) пользовалась большой популярностью во Франции (*Brasillach R. Animateurs de théâtre. Paris, 1938*). Питоев стремился ставить как можно больше пьес и «застолбить» за труппой перспективные театральные новинки, но не поставил ни одну из пьес Булгакова (этот сюжет нуждается в дальнейшем изучении). Подробнее: Театр Жоржа Питоева. Статьи, выступления, интервью, письма. М., 2005; *Мырзина Е.А. Жорж Питоев и русская драматургия («Балаганчик» А.А. Блока) // Театрон. Научный альманах. 2020. № 3 (33). С. 16–34.*

2.

Париж 8 / XII / 27. 236 Boul(evar)d Raspail XIV.

Многоуважаемый Михаил Афанасьевич!

Был я на представлении пьесы «Белая Гвардия (Дни Турбиных)». Но эта пьеса, кажется, ничего общего не имеет с той Вашей пьесой, которая идет в Худ<ожественном> театре. Это безграмотная переделка какого-то Северского¹ (так мне сказали) 1-й части Вашего романа; и Вы за нее ответственности не несете. Посылаю Вам программу.

Здесь в Париже вышла только 1-ая часть Вашего романа. Вторая должна выйти на будущей неделе². Но в пьесе я видел только 1-ую часть.

А что Питоевым давали ли Вы разрешение или нет? Во всяком случае та же Питоева объявила о постановке Вашей пьесы. Пришлите мне *заполненные Вами* те бумаги здешнего Об<щест>ва драм<атических> пис<ателей>, которые я послал давно в Общество. Только в графе: «В каком театре пойдет пьеса» напишите: *Le Théâtre des Mathurins*.

Если Вам нужны какие-либо дополнительные сведения, с удовольствием их пришлю.

Можете ли исполнить одну мою небольшую просьбу: узнайте в Обществе, получил ли Фонтанов³ мое письмо; и в каком положении находится дело об авторских. Заранее благодарен Вам. Искренне преданный Вл. Биншток.

РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 1–2.

¹ Николай Георгиевич Северский (наст. Прокофьев-Северский; 1870–1941), артист оперетты, эстрады, драмы, композитор, режиссер; летчик, во время Первой мировой войны инструктор Гатчинской авиационной школы, затем участник Белого движения; эмигрировал во Францию, занимался театральной деятельностью. Биншток ошибся: Северский поставил спектакль, а инсценировку сделал Евгений

«Я с удовольствием возьму на себя охрану Ваших интересов»

Тарусский (наст. Евгений Викторович Рышков; 1890–1945), участник Белого движения, эмигрант, журналист, редактор журнала «Часовой» с 1929 г. Об этой постановке: *Мишуровская М.* Первое книжное издание «Белой гвардии» и первая зарубежная постановка пьесы по ней: к истории авторского права в советскую эпоху // Новое литературное обозрение. 2017. № 3. С. 432–438. Позднее Рышков опубликовал рецензию на отдельное издание «второй части» «Белой гвардии» (1929): *Яблоков Е.А.* Путь Турбиных // Булгаков М. Белая гвардия. М., 2015. С. 464.

² Источник этой неверной информации неизвестен.

³ Очевидно, сотрудник МОДПиК, однако в адресных книгах «Вся Москва» на 1927 и 1928 гг. такой не значится.

3.

23 / XII / 27

Многоуважаемый Михаил Афанасьевич!

Получил *сегодня* Ваше письмо от 15 / XII; и спешу на него ответить.

Ваше письмо о Каганском¹ переводу и передам в «Comœdia»; и pošлю Вам №, в котором оно будет напечатано².

Что касается авторских за «*Дни Турбиных*», то пьеса, которая шла в театре Albert I, ничего общего с Вашей пьесой не имеет. Это безграмотная, бездарная переделка 1-ой части Вашего романа, сделанная каким-то *Северским* (я Вам послал программу спектакля. Получили ли Вы ее?³). И за нее получит авторские этот самый Северский, так как, к сожалению, пока нет конвенции между СССР и Францией. Но Ваше письмо мне пригодится для получения авторских с представления Питовых. Какое у Вас с ними соглашение? Черкните мне. И вообще, имеется у Вас с ними соглашение или нет? Питовев мой хороший приятель, и в его театре другие нравы, чем в [театре] труппе, которая играет в театре Albert I.

Вот там объявлена теперь Ваша другая пьеса: «*Зойкина квартира*»; и, как они пишут в объявлениях, «по точному тексту автора». Вот за что мы получим авторские. Но для этого мне нужно:

1) Иметь от Вас такое же письмо (по-французски), какое Вы мне написали для «Дней Турбиных».

2) Нужно иметь те бумаги, которые я Вам послал, чтобы зачислить Вас в члены здешнего Общества. Это *необходимо* для получения авторских.

Я с удовольствием возьму на себя охрану Ваших интересов. И если пьеса или роман будут взяты для синемаграфического сценария, я Вас об этом предупрежу. В этом смысле я смогу быть Вам полезным, так как хорошо знаю синемаграфич<еский> мир. Я завтра встречу одного знакомого,

хорошо знающего весь театральный мир Австрии, Германии и Америки; и скажу Вам точно: кто такие Герберт Биберман⁴ и Арнольд Вассерман⁵, о которых Вы пишете. Если пришлете мне экземпляр Ваших «Дней Турбиных», буду Вам очень признателен; и он может мне пригодиться в Ваших же интересах. Пришлите мне, если можете, и Вашу пьесу «Зойкина квартира». Мне кажется (судя по тому, что я читал о ней), что ее можно будет поставить на французской сцене.

Могу ли я иметь к Вам небольшую просьбу. Не можете ли Вы повидать Фонтанова и Гольденвейзера⁶ и спросить:

- 1) Почему ни тот, ни другой не ответили на мои письма?
- 2) Почему они мне не послали моего листа за *ноябрь и декабрь*?
- 3) В каком положении дело с переводом авторских?

Буду Вам очень признателен; и остаюсь искренне преданный
Вл. Биншток

Не забудьте написать относительно Питовых: имеется ли у Вас с ними соглашение и какое? Если нет, я Вам устрою, чтобы Вы получали авторские. Жду Ваших пьес.

РГБ. Л. 20–22 об.

¹ Слово подчеркнуто адресатом красным карандашом.

² Краткое заявление Булгакова о том, что он не давал Каганскому никаких доверенностей или прав на ведение переговоров об издании или постановке его произведений, опубликовано в парижской театральной газете «Comœdia» 12 января 1928 г. в составе письма Бинштока как представителя МОДПиК с датой «11 января 1928». Редакция указала, что ответственность за сообщенные в письме факты целиком лежит на Бинштоке.

³ Программа спектакля сохранилась в РГАЛИ в приложении к п. 2, которое, очевидно, не дошло до адресата.

⁴ Герберт Биберман (1900–1971), американский сценарист, режиссёр театра и кино (с 1935 г.), продюсер, сын эмигрантов из России.

⁵ Арнольд Вассербауэр (у Бинштока ошибочно: Вассерман), австрийский журналист, автор книги «Большевики. Серьезные и веселые рассказы из Советской России» (1928), и переводчик с русского языка: «Ибикус» А.Н. Толстого (1927), «Униженные и оскорбленные» Ф.М. Достоевского (1930); в конце 1927 г. просил у Булгакова авторизацию на перевод пьес «Дни Турбиных» и «Зойкина квартира» и вызвался представлять его интересы в Австрии и Германии.

⁶ Лев Владимирович Гольденвейзер (1883–1959), адвокат, драматург, театральный режиссер, киносценарист, прозаик, переводчик; в 1927–1928 гг. член правления МОДПиК и заведующий его Агентским отделом.

«Я с удовольствием возьму на себя охрану Ваших интересов»

4.

Париж 17 / I / 28

Многоуважаемый Михаил Афанасьевич!

Посылаю Вам вырезку из «*Comoedia*»¹; я Вам послал также отдельно № «*Comoedia*». Получили ли Вы его?

А когда же пришлете Ваши бумаги для зачисления Вас в Об<щест>во? Всего хорошего. Искренне преданный Вл. Биншток.

РГБ. Л. 23.

¹ См. п. 3, прим. 2. Приложенная к письму вырезка сохранилась в архиве Булгакова.

5.

Париж 20 / I / 28

Многоуважаемый Михаил Афанасьевич!

Я вам послал мое письмо, напечатанное, по Вашей просьбе, в «*Comoedia*». В сегодняшнем №-ре газеты «*Дни*» появился ответ Каганского¹, при сем прилагаемый².

В чем же дело. Если у него действительно есть такой договор (чего, конечно, после Вашего письма я не думаю), он может сделать неприятности, когда Ваша пьеса пойдет у Питовых.

Почему Вы мне до сих пор не отослали посланных Вам документов для Вашей записи в Общество? Это надо сделать возможно скорее. Жду Ваших писем.

Искренне преданный Вл. Биншток

Играли здесь (и очень плохо) Вашу «Зойкину квартиру»³. Спектакль повторяют. Но пока Вы не запишетесь в Об<щест>во, я не смогу получить Ваших авторских. Поэтому пришлите мне все документы возможно скорее. В.Б.

РГБ. Л. 25–25об.

¹ Слово подчеркнуто адресатом красным карандашом.

² 13 января 1928 г. выходившая в Париже под редакцией А.Ф. Керенского русская газета «Дни» упомянула письмо Булгакова и Бинштока, опубликованное в «*Comoedia*». Ответное «Письмо в редакцию» Каганского – заявление о том, что он законно обладает правами на «Белую гвардию»-«Дни Турбиных» (так в письме:

два заглавия через дефис) – опубликовано в «Днях» 20 января 1928 г. Приложенная к письму вырезка сохранилась в архиве Булгакова.

³ «Зойкину квартиру» поставил Новый русский театр, как с начала 1928 г. назывался Русский драматический театр; режиссер Михаил Николаевич Мартов (наст. Марк Фрейберг; 1880–1930); премьера состоялась в день его открытия 15 января 1928 г.: *Мишууровская М.В.* Два Булгакова и «Новый дом». К истории одной постановки в русском драматическом театре в Париже // Библиотечное дело. 2012. № 2 (164). С. 41–44.

6.

Париж 10 / II / 28. 236 Boul(evar)d Raspail XIV.

Многоуважаемый Михаил Афанасьевич!

Все присланные Вами бумаги для Об<щест>ва получил; и Вы зачислены в члены здешнего Об<щест>ва. Все в порядке, кроме bulletin de déclaration¹. Вы написали там, что Ваша пьеса шла такого-то числа в Художественном Театре. Это для здешнего Об<щест>ва неинтересно. Им нужны *здешние* театры. Поэтому посылаю Вам три экземпляра bulletin'a, которые прошу Вас только *подписать* (по-французски, конечно). Я уже сам вставляю текст. Для *каждой* пьесы нужен *отдельный* bulletin. Напишите также: какие у Вас условия с Питоевым? Заключили ли Вы вообще с ним какое-либо условие? В русском театре шла *два* раза Ваша «*Зойкина квартира*». Что же касается «*Дней Турбиных*», то это гнусная переделка какого-то Северского, а, к сожалению, не Ваша пьеса. Получил я от ВОКС'а Ваше письмо². В «Comœdia» вторично его трудно напечатать. А в Берлине я постараюсь это устроить через одного знакомого. Знаете ли Вы, что Каганский издал Вашу пьесу в Германии; и напечатал на заглавном листе, что все права принадлежат ему³. Я Вам перешлю экземпляр чрез г<осподи>на Дивильковского (представитель ВОКС'а)⁴. Спасибо, что разъяснили мне сущность Ваших договорных отношений к Каганскому⁵. Я вызову на этой неделе еще (т.е. завтра) его представителя и покажу ему Ваше письмо. Итак жду возможно скорее подписанных Вами бюллетеней. Преданный Вам Вл. Биншток

А что с моими авторскими? Можете ли Вы помочь чем-нибудь? Спасибо заранее. В.Б.

РГБ. Л. 37–38об.

¹ Бюллетень для декларирования (*франц.*). В данном случае документ, содержащий сведения о постановке пьесы с указанием театра и даты спектакля, необходимый для взыскания авторских отчислений.

«Я с удовольствием возьму на себя охрану Ваших интересов»

² Письмо Булгакова от 28 ноября 1927 г., посланное в ВОКС для публикации в заграничной прессе, – развернутый вариант заявления по поводу действий Каганского – опубликовано (с купюрами): *Яблоков Е.А.* Путь Турбиных // Булгаков М. Белая гвардия. М., 2015. С. 419–420. При публикации опущен абзац, в котором автор сообщал: «По вопросу о постановке моих пьес в Европе я вступил в переговоры за границей лишь с переводчиком Арнольдом Вассербауэром в Вене (на Австрию и Германию), переводчиком Владимиром Львовичем Биншток в Париже (через Московское общество драматических писателей), оказывающим мне любезное содействие для моего вступления во французское общество драматических писателей и композиторов, и театром (пропуск в оригинале; имеется в виду театр Mathurins – В.М.) в Париже, приславшим мне предложение с одновременным извещением об этом Народного Комиссара Просвещения о постановке “Дней Турбиных” на французском языке» (РГБ. Л. 15).

³ *Bulgakow M.* Die tage der geschwister Turbin. Die weisse garde. Autorisierte übersetzung von Käthe Rosenberg. Berlin-Charlottenburg; Verlag S. Kagansky, <1927>. Вторая редакция пьесы, напечатанная З.Л. Каганским без разрешения автора; титульный лист воспроизведен: *Мишуrowsкая М.* Борьба за роман «Белая гвардия» и издательские интриги 20-х годов. М., 2015. С. 81.

⁴ Иван Анатольевич Дивильковский (1901–1935), советский дипломат, в 1925–1927 гг. первый секретарь полпредства СССР во Франции.

⁵ Слово подчеркнуто адресатом красным карандашом.

7.

Париж 29 / II / 28

Многоуважаемый Михаил Афанасьевич!

Получил сегодня Ваше письмо, и спешу Вам на него ответить. Обществу не может хлопотать о визе. Да это и не нужно. Я буду в субботу в М<инистерст>ве Ин<остранных> Дел; и постараюсь, чтобы Вам выслали визу возможно скорее. Сделаю все возможное. Я несколько раз уже хлопотал; и до сих пор мне всегда это удавалось; надеюсь, что удастся и теперь. Буду очень рад Вас видеть в Париже. Посылаю Вам письмо Каганского¹, напечатанное три дня тому назад в газете «Дни». Спасибо за справку. Спешу, чтобы письмо ушло еще сегодня. Преданный Вам Вл. Биншток.

РГБ. Л. 41–42.

¹ Слово подчеркнуто адресатом красным карандашом.

В. Э. Молодяков, А. С. Александров

8.

Париж 7 / III / 28. 236 Boul(evar)d Raspail.

Многоуважаемый Михаил Афанасьевич!

Был *три* раза в М<инистерст>ве Ин<остранных> Д<ел>; и только *сегодня* прибыла Ваша просьба о визе¹. Мне обещали ее отослать обратно в Москву еще на этой неделе. Во всяком случае, в пятницу или субботу пойду еще раз справиться и тогда сейчас же Вам напишу. Буду очень рад видеть Вас скоро здесь в Париже. Искренне преданный Вл. Биншток.

ИРЛИ. Л. 4.

¹ В середине февраля 1928 г. Булгаков подал в Административный отдел Моссовета заявление о двухмесячной поездке за границу. В дополнение к нему 21 февраля он представил документ «Цель поездки за границу», в котором указал: «Еду, чтобы привлечь к ответственности Захара Леонтьевича Каганского, объявившего за границей, что он, якобы, приобрел у меня права на “Дни Турбиных”, и на этом основании выпустившего пьесу на немецком языке, закрепившего за собой “права” на Америку и т.д. <...> В Париж еду, чтобы вести переговоры с Театром Mathurins (постановка “Дней Турбиных”), вести переговоры с Société des auteurs dramatiques, в которое я вступил» (Булгаков М. Письма. Жизнеописание в документах. М., 1989. С. 126–127). 8 марта 1928 г. Административный отдел Моссовета не выдал Булгакову разрешение на выезд за границу, посчитав цель поездки недостаточно обоснованной.

9.

Париж 27 / III / 28.

Многоуважаемый Михаил Афанасьевич!

Ваше письмо послал в «Дни»; и газета сейчас же его напечатала. Пошлю Вам вырезку¹. Что касается с визой, то дело идет гораздо медленнее: Мин<истерство> Ин<остранных> Дел переслало Вашу просьбу о визе в la Sûreté générale². А Sûreté послала для анкеты³ в префектуру полиции, где она лежит уже целую неделю. Я был в префектуре, и мне обещали завтра переслать обратно с благоприятным заключением. И надеюсь, что через несколько дней виза будет послана в Москву.

Буду очень рад видеть Вас здесь в Париже. Это облегчит Вам возможность преследовать Каганского. Искренно преданный Вл. Биншток.

ИРЛИ. Л. 5–5 об.

¹ Письмо Булгакова (30 января 1928) – заявление о том, что «З.Л. Каганский никаких прав ни на “Белую гвардию”, ни на “Дни Турбиных” не имеет ни в СССР, ни за границей и оперирует ссылками на просроченный и аннулированный договор с ныне закрытым издательством “Россия”» – опубликовано в «Днях» 24 февраля 1928 г. Приложенная к письму вырезка сохранилась в архиве Булгакова.

² Direction de la sûreté générale – полицейская служба, подчинявшаяся МВД и выполнявшая роль политической полиции.

³ Т.е. для проверки.

10.

11 / VII 1928

Многоуважаемый Михаил Афанасьевич!

Мне очень жаль, что Вы не получили паспорта, так как я радовался случаю познакомиться с Вами. Надеюсь, что это только *partie réactive*¹. Я много говорил о Вас с Марковым², находящимся теперь в Париже. Он мне много рассказывал про Вашу пьесу «Бега». Очень бы хотелось ее иметь и поставить здесь на франц<узском> языке, а также в Англии и Америке. Не можете ли Вы мне прислать манускрипт? Его переслать очень просто – *заказным письмом*. Я перевел – и в будущем сезоне она пойдет – пьесу Киршона «*Константин Терехин*»³. Буду ждать Вашей пьесы.

Я видел Питоева. Он мне сказал, что именно теперь он занят составлением репертуара и на днях Вам напишет. Здесь теперь очень много советской артистической молодежи. Очень интересные и симпатичные люди.

Теперь у меня к Вам просьба личная. Посылаю Вам копию письма, которое я недавно послал А.В. Луначарскому⁴. Вы из нее увидите, в чем дело. Очень прошу Вас: поговорить с товарищем Новосельцовым⁵ и узнать, в каком положении это дело; и когда мне вышлют мои листы и деньги.

Заранее очень благодарен Вам и прошу передать привет Вашей жене. И надеюсь, до скорого свиданья. Преданный Вам Вл. Биншток.

ИРЛИ. Л. 8–8 об.

¹ инертная волокита (франц.).

² Павел Александрович Марков (1897–1980), театральный критик, историк театра, заведующий литературной частью МХАТ (1925–1949).

³ О постановке пьесы Владимира Михайловича Киршона (1902–1937) «Константин Терехин. (Ржавчина)» (совместно с А.В. Успенским; 1926, отд. изд. 1927)

в переводе Бинштока 22 ноября 1929 г. на сцене парижского театра Авеню (режиссер Н.Н. Евреинов): *Гудкова В.В.* К истории рецепции советской драматургии в Париже в 1920–1930-е годы. («Ржавчина» В. Киршона и А. Успенского на сцене театра Авеню) // От текста – к сцене. Российско-французские театральные взаимодействия XIX-XX веков. М., 2006. С. 149–177; *Балаховская Е.И.* Спектакль о советской жизни. Французские критики о постановке «Ржавчины» в театре мадемуазель Фальконетти // Там же. С. 178–192.

⁴ Письмо Бинштока наркому просвещения и почетному председателю МОДПиК (с 1928 г.) Анатолию Васильевичу Луначарскому (1875–1933), который мог знать его по дореволюционной парижской эмиграции, неизвестно; судя по контексту, Биншток хлопотал о получении из СССР причитавшихся ему авторских отчислений за театральные постановки.

⁵ В адресной книге «Вся Москва» на 1928 г. Новосельцев не значится (в книге на 1927 г. указан владелец частного гаража с такой фамилией); возможно, Биншток имел в виду Ивана Михайловича Новокшонова (1896–1943), писателя и сценариста, ответственного секретаря правления МОДПиК в 1927–1928 гг.

11.

Париж 16 / VIII / 28. 236 Boul(evar)d Raspail XIV

Многоуважаемый Михаил Афанасьевич!

Письмо Ваше, посланное воздушной почтой, получил. Спасибо за Ваши хлопоты. Копии моего письма к А.В. Луначарскому никому не передавайте. Я Вам ее послал, чтобы вы были au courant¹ и знали бы, в чем дело. Я обязан защите нашего симпатичнейшего А.В., что дело мое уладилось. А Вам большое спасибо за хлопоты и за справки. Книгу Вашу получу, вероятно, завтра или послезавтра и займусь ею с удовольствием. Зайду в эту самую Concordia² и поговорю с ними. Я вижу по адресу, что они не очень далеко от меня.

Когда прочту Ваш роман полностью, сообщу Вам, что можно сделать для перевода на французский язык. А может быть, смогу его поместить в одном очень серьезном журнале³, а издать потом.

А что же Ваша пьеса «Бег», о которой мне говорил А.П. <правильно: П.А.> Марков? Когда Вы мне ее пришлете? Мне говорили о ней также Судаков⁴ и Уманский⁵.

Передайте всем им мой привет. Искренне преданный Вл. Биншток.

Питоеву передам. Он теперь со своей семьей на море. Относительно S<ocie>té des auteurs dramatiques не беспокойтесь: Вы записаны; Ваши все

«Я с удовольствием возьму на себя охрану Ваших интересов»

права будут строго охраняться. Но Вы мне до сих пор не написали: на каких условиях Питоев играет Вашу пьесу. В.Б.

ИРЛИ. Л. 10–11об.

¹ В курсе (*франц.*).

² Парижское издательство, выпустившее «первую часть» «Белой гвардии», т.е. текст, ранее опубликованный в журнале «Россия».

³ Судя по дальнейшим письмам, это парижский ежемесячный журнал «La revue des vivants» (1927–1935), основанный и руководимый политическим деятелем и публицистом Анри де Жувенелем (1876–1935). О нем: *Медведева М.К.* Память о Первой мировой войне и основные проблемы французской внешней политики межвоенного времени на страницах журнала «Ла Ревю де Виван» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 1: История. С. 36–45. Почему Биншток выбрал это издание, неизвестно.

⁴ Илья Яковлевич Судаков (1890–1969), режиссер МХАТ, постановщик «Дней Турбиных».

⁵ Дмитрий Александрович Уманский (1901–1977), брат журналиста и дипломата К.А. Уманского, журналист, переводчик, издательский работник; в 1925 г. принимал участие в устройстве несостоявшегося перевода «Белой гвардии» на немецкий язык: *Мишуровская М.* Борьба за роман «Белая гвардия» и издательские интриги 20-х годов. М., 2015. С. 51–57. О его дальнейшей деятельности в качестве фактического руководителя АО «Литературное агентство»: *Медведева Т.В.* Центрархив и Литературное агентство: взаимодействие в деле подготовки публикаций архивных документов для заграницы в 1930-е гг. // Отечественные архивы. 2021. № 1.

12.

Париж 16 / VIII / 28.

Многоуважаемый Михаил Афанасьевич!

В жизни бывают иногда курьезы удивительные. Так как я остался еще на два дня в Париже, то я вчера поехал 11 Rue de la Convention, в эту самую «Конкордию» (Concorde), которая издала 1-ый т<ом> Ваших «Дней Турбиных». И ам я узнал, что «Concorde» – это фирма немецкая, и владельцем ее является... наш знаменитый... Каганский. Я говорил с его представителем, неким Альперовичем¹. И я узнал от него (а также еще от *двух русских сезрезных* издателей, с которыми я вчера же говорил), что Вам будет очень трудно издать Ваш *полный* роман за границей, и вот почему: 1) Первая часть разошлась; но довольно медленно; только осенью, кажется, приступят

к печатанию второй части. 2) И это самое главное: Ваш роман издан в Риге каким-то жуликом, который *сам сочинил* окончание; и продает его как *полный* Ваш роман; и продает его за *10 франков*. С такой ценой ни один заграничный русский издатель конкурировать не может. Русские книги продаются теперь по *40–50 francs*. Вот причины, по которым, как мне сказали сведущие лица, Вам будет трудно издать Ваш роман теперь за границей. Я этот ответ, конечно, не считаю еще окончательным; им по возвращении займусь Вашим романом. Во всяком случае, я постараюсь его напечатать в одном очень крупном журнале («La Revue des Vivants»), который нам за него заплатит 12–15 000 фр<анков>. А затем постараюсь его издать отдельной книгой по-французски. Я беру его с собою в деревню; и по прочтении напишу Вам. Во всяком случае, пока буду Вас просить: *не торопиться* с печатанием его в России.

Спасибо еще раз за хлопоты по моим делам. Как я Вам писал, копию моего письма к Луначарскому порвите или оставьте у себя. Дело мое, кажется, улажено, хотя фактически я денег еще не получил. Искренне преданный Вам Вл. Биншток

Питоевы на море. Как только вернусь, скажу ему. В Об<щест>ве Вы записаны (Agence A. Block); и права Ваши будут автоматически охраняться. В.Б.

РГБ. Л. 56–57.

¹ Александр Альперович (1878 – ?), уполномоченный издательства «Concorde», совладелец парижской фирмы «Imprimerie Pascal», в чьей типографии печаталась вторая часть «Белой гвардии».

13.

Париж 4 / X / 28

Многоуважаемый Михаил Афанасьевич!

Здесьнее издательство «Москва» (во главе стоит некий Бреннер¹) предложило мне издать окончание «Дней Турбиных»² на следующих условиях: 1) Издателем являетесь Вы сами. 2) Они принимают на себя *все* типографские расходы (печать, бумагу, корректуры, брошюровку, объявления и т.д.). 3) Вся прибыль, *за вычетом этих расходов*, идет *целиком* Вам.

Конечно, я не думаю, чтобы прибыль была бы интересной, в особенности при тираже 1500 экземпляров (это максимум для русской книги, печатающейся за границей). Интерес, который может эта комбинация для Вас

«Я с удовольствием возьму на себя охрану Ваших интересов»

представлять, – это то, что Ваши права *перевода* на иностранные языки будут гарантированы.

Мне кажется, что с изд(ательством) «*Москва*» можно иметь дело, так как они издают, *на тех же условиях*, Эренбурга³. Обдумайте: подходит ли Вам эта комбинация? Или нет. Конечно, без Вашего согласия я никаких условий заключать не буду.

Питоев выпустил свой репертуар; но в нем нет – не знаю почему – «*Дней Турбиных*». Его еще нет в Париже. Он приезжает на днях, и я буду ему телефонировать.

Из *Модрика* до сих пор ничего не получил, хотя у меня есть официальное разрешение Главискусства получать авторские. Но у Модрика нет нужной валюты. Весь вопрос: хлопочут ли они о ней с достаточной энергией. Не можете ли навести справки об этом. Вы меня очень обяжете.

Почему Вы мне не посылаете Вашей пьесы «*Без*», о которой мне с таким энтузиазмом говорили тов. Марков и Судаков. Передайте им мой привет. Преданный Вам Вл. Биншток.

P.S. Надеетесь ли в этом году поехать в Париж?

P.S.S. Чуть было не забыл. Единственным условием, которое ставит «*Москва*», это то, чтобы не выходило нигде другого *русского* издания Вашего романа. В.Б.

ИРЛИ Л. 13–15.

¹ Евгений Александрович Бреннер (1895–1954), издательский работник, после революции эмигрировал в Германию, в 1926 г. переехал в Париж, где создал книжный магазин «*Москва*» и издательство при нем; в 1934–1953 гг. жил в Марокко, занимался бизнесом.

² Т.е. романа, первая часть которого была издана в Париже в 1927 г. под заглавием «*Дни Турбиных (Белая гвардия)*»; в издании второй части это заглавие сохранено.

³ Возможно, имеется в виду роман Ильи Григорьевича Эренбурга (1891–1967) «*Бурная жизнь Лазика Ройтшванца*», изданный в Париже в 1928 г. без указания издательства (как и книга Булгакова).

14.

Париж 24 / I / 29. 236 Boul(evar)d Raspail XIV.

Многоуважаемый Михаил Афанасьевич!

Нельзя сказать, чтобы Вы меня баловали бы Вашими письмами. На два моих Вы до сих пор не ответили. Посылаю Вам заметку, которая Вас,

может быть, заинтересует¹. Мне телефонировал издатель (Альперович), тот, который хотел издать окончание Вашего романа «Дни Турбиных», что теперь он не прочь предложить Вам даже известный гонорар. Если это Вас интересует, сообщите: сколько приблизительно Вы хотите. Будьте, конечно, спокойны, я рукописи не передам, пока условие, предложенное Вами, <не>² будет исполнено. Почему Вы мне не прислали Вашей пьесы «Бег»? Сколько я про нее знаю, ее можно было бы поставить здесь или в Англии. Там в конце февраля, в переводе моем и одной англичанки, «Конст<антин> Терехин». Искренне преданный Вл. Биншток.

ИРЛИ. ЛЛ. 17–17об.

¹ В архиве Булгакова заметка не сохранилась; о чем идет речь, неизвестно.

² Конъектура публикаторов.

15.

Париж 8 / III / 29.

Многоуважаемый, дорогой Михаил Афанасьевич!

Не писал долго по двум причинам:

Болел гриппом. Лежал в постели 10 дней.

Действовал для Вас.

Результат посылаю при сем. Это *копия* договора относительно издания 2-го тома Вашего романа. 1000 фр<анков>, о которых упоминается в договоре, я уже получил; и посылаю Вам их при сем. Получите в Модпике. Прилагаю Вам для этого письмо. 1000 фр<анков> это 40 дол<ларов>, т.е. 80 р<ублей>. Привет Вашей супруге¹. Искренне преданный Вл. Биншток

Если увидите Маркова, передайте ему, а также Судаковым, мой привет. В.Б.

ИРЛИ Л. 19–19об.

¹ Любовь Евгеньевна Булгакова (урожд. Белозерская; 1895–1987), жена М.А. Булгакова в 1924–1932 гг.

16.

Париж 17 / III / 29. 236 Boul(evar)d Raspail XIV.

Многоуважаемый, дорогой Михаил Афанасьевич!

Вы, наверно, уже давно получили и копию договора, и 80 р. из Мод-пики. А теперь к Вам просьба издателя следующая. Вторая часть уже набрана. *Нужны еще две страницы*. Не могли бы Вы написать коротенькое предисловие ко II-ой ч<асти> на следующую тему. Вы, наверное, знаете, что какой-то прохвост издал в Риге вторую часть; причем *придумал* конец, которого у Вас нет. Вот не могли бы Вы написать на эту тему несколько строк. Если почему-либо Вы не хотели бы их подписать, то издатель подпишет его как предисловие от издателя¹. Пожалуйста, ответьте мне на это письмо *возможно скорее*. Как Ваши хлопоты с получением заграничного паспорта? Увенчались ли успехом? Не знаете ли Вы случайно: приехал ли уже из Берлина А. Свидерский²? Мне ему надо писать. Привет Вашей супруге. Душевно преданный Вам Вл. Биншток.

ИРЛИ. Л. 21–22.

¹ Книга открывается кратким предисловием «От издательства», дезавуирующим пиратское издание: *Мих. Булгаков*. Белая гвардия. (Дни Турбиных). Роман. Рига: Литература, 1927; написано оно Булгаковым или нет, не установлено: *Яблоков Е.А.* Путь Турбиных // Булгаков М. Белая гвардия. М., 2015. С. 458; титульный лист рижского издания воспроизведен: *Мишуровская М.* Борьба за роман «Белая гвардия» и издательские интриги 20-х годов. М., 2015. С. 84.

² Алексей Иванович Свидерский (1878–1933), революционер, партийный и государственный деятель, член коллегии Наркомпроса и начальник Главискусства в 1928–1929 гг.

17.

Париж 22 / III / 29

Многоуважаемый, дорогой Михаил Афанасьевич!

Получил сегодня Ваше письмо с «обратной распиской», и этим Вы меня очень огорчили¹. Вы спрашиваете: какую компенсацию я хочу за устройство Ваших «Турбиных»? Никакой, кроме именно этого небольшого одолжения, которым Вы оказали бы очень большую услугу. Дело в том, что вот уже больше года я не могу получить своих авторских. Поэтому этим

В. Э. Молодяков, А. С. Александров

путем я мог бы получить кое-что; и Вы оказали бы мне услугу, которая Вам ничего бы не стоила. Если, как Вы пишете, Вам невозможно получить из Модпика, то я могу сделать это для Вас гораздо проще. У меня в Москве имеется старый друг, больше 30-ти лет. Это мой лучший друг; Вы фамилию его наверняка знаете: *Р.З. Чинаров*²; его адрес: д<ом> 8 Центрально-Телеграфный пер<еулок> (быв<ший> Архангельский). У него имеется телефон. Он заведует всеми моими делами, моими деньгами и имеет полную доверенность. Зайдите к нему с этим письмом; и он Вам даст, за мой счет, восемьдесят (*80 р<ублей>*). А если Ваша супруга будет за границей и ей нужна будет помощь, мы ее не оставим. Будьте за это спокойны. Надеюсь, что она сможет привезти сюда «Бег». Судя по рассказам Маркова и Судакова, эта пьеса может отлично пойти на французской сцене. Надеюсь, что Вы мне в моей просьбе не откажете. Жду тех двух страниц, о которых Вам писал в предыдущем письме. Привет Вашей супруге. Искренне преданный Вам Вл. Биншток.

ИРЛИ. Л. 24–25.

¹ Булгаков отказался от предложенного Бинштоком взаимного зачета московских и парижских гонораров, о чем позднее (16 января 1930) писал брату Н.А. Булгакову: «Если бы Биншток предложил послать мне гонорар таким образом, как он хотел однажды – т.е. чтобы я после беготни здесь получил у кого-то взамен причитающихся мне 1000 франков – 80 целковых по его записке – то скажи, что я от этого *категорически отказываюсь*. Пусть записок не посылает. Он прислал мне однажды записку в МОДпис (Моск<овское> Общ<ество> Драм<атических> писателей). Я ее вернул ему» (*Булгаков М. Письма*. С. 161).

² Рубен Чинаров (наст. Рубенс Зармайрович Мсерианц; 1869–1943), драматург, актер, конферансье, заслуженный артист РСФСР (1935).

18.

Paris le 4 / IV / 29. 236 Boul(ear)d Raspail XIV.

Многоуважаемый, дорогой Михаил Афанасьевич!

Я писал Вам уже довольно давно *два* письма: в одном я просил Вас прислать *две* страницы предисловия к «Дням Турбиных»; это нужно возможно скорее. Первая корректура уже выправлена; и мы ждем этих двух страниц, чтобы верстать. Если Вы находите неудобным подписать, то их подпишет издатель.

«Я с удовольствием возьму на себя охрану Ваших интересов»

Во втором письме я просил Вас все-таки оказать мне услугу и получить эти 80 руб<лей> у моего друга Чинарова.

Я очень прошу Вас ответить мне на эти два письма.

Мой привет Вашей супруге. Душевно преданный Вл. Биншток.

ИРЛИ. Л. 26–26 об.

19.

Париж 25 / VII / 29. 236 Boul(evar)d Raspail XIV.

Многоуважаемый, дорогой Михаил Афанасьевич!

Хоть очевидно Вы дали «обет молчания», и мои письма превращаются в монологи, все-таки пишу Вам еще раз вот по какому поводу. Один немецкий журнал «Europäische Revue» напечатал (с моего разрешения) отрывок из 2-й ч<асти> «Дней Турбиных»¹; и прислал мне для Вас 400 фр<анков> гонорара. Таким образом, у меня Ваших денег теперь 1000 + 400 фр<анков> = 1400. Но мне пришлось заплатить 300 фр<анков> за чтение двух корректур. Так что у меня Ваших денег 1100 фр<анков>. Надо ли их держать или послать Вам в Москву; что для меня очень легко, так как могу дать Вам перевод на Модпик. Ответьте, во-первых, по этому вопросу. А во-вторых. Одна крупная немецкая издательская фирма желает издать Ваш роман на немецком языке². Но так как им нужно издать в *одном* томе, то текста Вашего романа очень много. Им надо его сократить на стр<аниц> 50–60. Я этой работы делать не хочу. Не можете ли Вы быть так любезны и произвести это «Кесарево сечение». Укажите: какие, по Вашему, места было бы лучше всего сократить. Я теперь в переговорах с издательством Calman-Lévy, которое очень расположено выпустить Ваш роман по-французски; но тоже требует сокращений, чтобы возможно было печатать в одном томе. Надеетесь ли Вы получить визу для поездки в Европу? Очень прошу Вас ответить мне на это письмо. А то ко мне обращаются как к Вашему представителю. И уверяю Вас, что мое положение, из-за Вашего молчания, не совсем удобное.

Мой привет Вашей супруге. Искренне преданный Вл. Биншток.

ИРЛИ. Л. 28–29 об.

¹ *Michael Bulgakow*. Aus den Tagen der Turbins. Flucht // Europäische Revue. 1929. Т. 5 (1929). № 4 (Июль). С. 259–271 (сообщил С.В. Машкевич).

² Издание не состоялось; о какой фирме идет речь, неизвестно.

20.

Париж 6 / VIII / 29.

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Получил Ваше письмо и очень рад, что Вы нарушили обет молчания. За Ваш гонорар будьте спокойны: я его буду хранить до Ваших распоряжений. Жду возможно скорее Ваших сокращений. Что касается пересылки Вам «Europäische Revue» и Вашей книги, то издательство «Москва» здесь не при чем. Оно мне дало для Вас 25 экземпляров, из которых я шесть роздал разным кружкам, а 19 у меня осталось в Вашем распоряжении. И я бы с удовольствием Вам их послал. Но мой опыт убедил меня, что книги посылаемые в URSS *частным лицам* редко к ним доходят. Дайте мне адрес какого-нибудь *учреждения* или *газеты*, на которые я мог бы Вам послать книги; и я Вам их немедленно вышлю. У меня есть для Вас *три* №-ра немецкого журнала. Не могли бы Вы мне написать письмо, протестующее против рижского издания Вашего романа; и которое я мог бы напечатать в здешних русских газетах. Адресуйте его ко мне. Я его напечатаю у себя¹. Надеюсь, что Ваши хлопоты увенчаются успехом; и что скоро будем иметь удовольствие видеть здесь Вашу супругу, которой прошу передать мой привет. Преданный Вам Вл. Биншток.

ИРЛИ. Л. 30–31.

¹ Вероятно, в газете «Comœdia», где Биншток регулярно печатался.

21.

Париж 16 / VIII / 29.

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Получил Ваше письмо от 10-го. Отвечаю только сегодня, потому что три дня был в отъезде. На Ваше предыдущее письмо я Вам давно ответил. Я Вам писал, что вышлю с удовольствием и три экземпляра II-й ч<асти> романа и три книжки «Europäische Revue», но укажите: на *какое учреждение* или на *какую газету* Вам их послать, так как мой опыт меня убедил, что книги, посланные в СССР *частным лицам*, в особенности книги, изданные в заграничье <так!>, редко доходят к ним. Как только получу от Вас точные указания, сейчас же пошлю Вам книги. Спасибо за сокращения; я их сегодня же посылаю в Берлин; и буду Вас держать au courant всех переговоров.

Буду очень рад познакомиться с Вашим братом¹; и, конечно, передам ему Ваши 1100 франков, согласно Вашего письма. Но когда Ваш брат

«Я с удовольствием возьму на себя охрану Ваших интересов»

[будет в Париже]? Дело в том, что я остаюсь в Париже до будущей среды; затем уезжаю в Биарриц на неделю. Напишите Вашему брату, чтобы он зашел ко мне в начале сентября (числа 3-4); или дайте мне его адрес, и я с ним спишусь. Рассчитываете ли Вы получить благоприятный ответ на Ваше ходатайство о паспорте? Мой привет Вашей супруге. Сердечно преданный Вам Вл. Биншток.

ИРЛИ. ЛЛ. 33–34а.

¹ Николай Афанасьевич Булгаков (1898–1966), ученый-бактериолог, с августа 1929 г. жил и работал в Париже; переписывался со старшим братом и представлял его интересы.

² Часть текста повреждена.

22.

Париж 17 / VIII / 29.

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Вчера я пошел на почту и опустил в ящик Вам письмо; а, вернувшись, застал у себя Вашего брата. Ужасно милый и симпатичный малый¹. Мы с ним проболтали с час; и я дал ему 1100 франков. Я от него узнал, что семья Турбиных – это Ваша семья; и что Николку Вы рисовали с него.

Ваши «сокращения» уже посланы в Германию. Конечно, как только получу оттуда известия, сейчас же Вас уведомя. Как Ваше ходатайство о паспорте, увенчалось ли успехом? Привет Вашей супруге. Сердечно Ваш Вл. Биншток.

ИРЛИ. Л. 35–36.

¹ Булгаков процитировал эти слова в письме к брату (24 августа 1929) в ответ на его письмо (17 августа 1929) с сообщением о том, что «Владимир Львович принял [его] весьма любезно» (*Булгаков М. Письма. С. 150, 152*).

23.

Париж, 4-ое февраля 1930 года. 236, Bd Raspail. XIV

Дорогой Михаил Афанасьевич!

У меня был Ваш брат и прочел мне Ваших два последних письма¹. Ваш издатель, как было условлено, дал мне отчет об издании в октябре

месяце. К сожалению, рижская гнусная перепечатка Вашего второго тома² испортила всё дело. Т.к. они продавали свое издание за 10 фр<анков> вместо 15-ти, то повсюду покупали это издание, а не Ваше. По октябрьскому расчету Вам еще, к сожалению, ничего не причитается. Но аванс покрыт. И в июле, я думаю, мы кое-что получим.

После этой грустной новости сообщаю Вам более приятную: один очень крупный здешний издатель Fayard выпустит Ваших *«Турбинных»* на французском языке³. Я с ним уже говорил, и он мне прислал проэкт договора, который я подпишу завтра. Условия довольно приличные, а именно: он платит за первые 5000 экземпляров 6000 франков, которые он мне даст при вручении ему манускрипта. От 5-ти до 10 тысяч он платит 8 % с валовой цены. Свыше 10 тысяч – 10 %. Издатель непременно настаивал, чтобы я переводил роман. Хотя у меня очень мало времени, но т<ак> к<ак> я Ваш роман люблю, то я согласился, и мы будем – надеюсь, что Вы возражений против этого не имеете – делить гонорар пополам.

Я постараюсь, хотя этого в договоре не сказано, получить завтра же 3000 фр<анков> вперед и половину пришлю Вам сам или дам Вашему брату, которому пишу сегодня же.

Очень грустно, что Вы не можете получить паспорта, чтобы приехать сюда.

Мой привет Вашей супруге. Душевно преданный Вам Вл. Биншток.

ИРЛИ. Л. 38–39 об. Написано другой рукой. Последнее из известных писем Бинштока Булгакову.

¹ Письма М.А. Булгакова Н.А. Булгакову от 28 декабря 1929 г. и 16 января 1930 г. с просьбой получить у Бинштока гонорар за «вторую часть» «Белой гвардии» (*Булгаков М. Письма. С. 159–161*).

² Пиратское издание: *Мих. Булгаков. Конец белой гвардии. (Дни Турбиных)*. Роман. Рига: Книга для всех, 1929.

³ Издание не состоялось.

Дата поступления в редакцию: 10.06.2023

Received: 10.06.2023

Дата публикации: 30.08.2023

Published: 30.08.2023

Советский школьник как читатель зарубежной литературы (по страницам дневника Ивана Хрипунова 1937–1941 гг.)

© 2023 С.И. Быкова

Soviet Schoolboy as a Reader of Foreign Literature: Ivan Khripunov's Diary, 1937–1941

© 2023 Svetlana I. Bykova

УДК 82.-01

https://doi.org/10.54791/27823792_2023_4_223_244

Информация об авторе:

Светлана Ивановна Быкова, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: sibykova@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется проблема читателя и чтения в свете дискуссий ученых и писателей, а также представлен конкретный опыт освоения литературных произведений советским школьником – активным читателем, мечтавшим стать писателем и художником. Для него литература – особенно зарубежная – была средством эстетического, нравственного и интеллектуального развития, способом выхода за пределы жизни, полной трудностей и проблем. В качестве материала исследования используется архивный эго-документ – дневник школьника Ивана Хрипунова.

Ключевые слова: «советское чтение», зарубежная литература, эго-документы, дневник, советская школа 1930-х гг., история крестьянства в 1930-е гг., советское детство 1930-х гг., Иван Хрипунов.

Information about the author:

Svetlana I. Bykova, PhD in History, Associate Professor, Department of Foreign Regional Studies, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. E-mail: sibykova@mail.ru

Abstract: The article focuses on the problem of the reader and the readings in the light of discussions between scholars and writers, and also analyzes the specific experience of comprehending and interpreting literary works by a Soviet schoolboy, an avid, interested reader who dreamed of becoming a writer and artist. For him literature, especially foreign literature, was a means of aesthetic, moral and intellectual development, a way of going beyond the limits of his everyday life full of difficulties and problems. The research is based on the archival ego-document – Ivan Khripunov's diary.

Keywords: “Soviet reading”, foreign literature, ego-documents, diary, Soviet school in 1930s, history of peasantry in 1930s, Soviet children in 1930s, Ivan Khripunov.

В гуманитарных исследованиях интерес к истории литературы и истории чтения имеет давнюю традицию. Одной из тем, активно обсуждавшейся учеными и писателями, являлась проблема читателя. В частности, Герман Гессе в статье «Магия книги» (1930), обратив внимание на всеобщее образование и массовое книжное производство, отметил: «Навык чтения сегодня могут приобрести все, но лишь немногие <...> станут читателями»¹. В одной из более ранних статей писатель характеризовал типы читателей: наивный, образованный (или «хороший») и самостоятельный. Подчеркнув, что «каждый из нас в какое-то время относился к одной, а в какое-то время – к другой группе», Г. Гессе сформулировал тезис о неразрывной связи уровня читательских навыков и личностной идентификации: по его мнению, только читатель третьего уровня является личностью, он «в такой мере самостоятелен, что в своем отношении к книге совершенно свободен»².

Роже Шартье, цитируя «блестящий текст» Мишеля де Серто о читателях-путешественниках, которые «кочуют по чужим землям, браконьерствуют на полях, написанных не ими», воспринял образ «читателя-браконьера», но выступил против прямой детерминированности культурных практик (в т.ч., практик чтения) социальными контрастами. Признавая относительность свободы читателей, он акцентировал внимание на их компетентности, горизонте восприятия текстов, индивидуальном читательском опыте: «Отнюдь не все, кто способен читать тексты, читают их одинаково: глубокая пропасть отделяет просвещенных читателей-виртуозов от читателей неискусных»³. Возражая Мишелю Фуко, ученый настаивал на применении термина «апроприация» в сфере социальной истории навыков и интерпретаций, уделяя главное внимание плюрализму использования и понимания культурных элементов, особенностям освоения текстов⁴.

Умберто Эко, признавая духовную, образовательную и практическую функцию литературы, с большим вниманием исследовал отношения в треугольнике «писатель-текст-читатель». Анализируя темы многозначности текста и уровней чтения, ученый ввел несколько категорий читателя – «обыкновенный» (или наивный), искусственный, образцовый семантический, образцовый семиотический, или эстетический⁵. Как и Р. Шартье, он отметил возможность изменения читательского статуса. Размышляя

¹ Гессе Г. Магия книги. Эссе о литературе. СПб.: Лимбус-пресс, 2022. С. 35–36.

² Там же. С. 49.

³ Шартье Р. Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006. С. 125, 127, 129–130, 133, 142.

⁴ Там же. С. 199, 203.

⁵ Эко У. О литературе. М.: Corpus, 2016. С. 268, 272–273, 275.

о функциях литературы, У. Эко предложил изобретательную игру с гипертекстом как возможность избежать двух форм репрессии – «подчинения чужим решениям и проклятого разделения общества на читателей и писателей»¹. Советская власть также ориентировалась на преодоление дистанции «читатель-писатель», но имела цель, противоположную идеям итальянского мыслителя, – ее главной задачей было формирование нового человека, имеющего мировоззрение и систему ценностей строителя социализма. Евгений Добренко, исследуя особенности функционирования литературы и практик советского чтения, обращает внимание на стремление власти сформировать не только идеального писателя, но и идеального читателя².

Илья Калинин, продолжая указанные направления исследований «советского чтения», акцентирует внимание на феномене культурной колонизации в раннее советское время – на практиках принуждения советского субъекта к речи и письму³. Йохен Хелльбек анализирует дневники 1930-х гг. как один из видов эго-документов, отражающих процесс формирования советского мировоззрения: по его мнению, записи, как правило, являлись средством конструирования себя, «Я-лабораторией»⁴. Илья Герасимов характеризует советский период как враждебный исповедальным записям⁵. Тем не менее, реальная ситуация была более мозаичной, а дневники советского периода имели множество вариаций. Вариативность предопределяли объективные и субъективные факторы: социальный статус и окружение автора, его желание и возможность делать регулярные записи, осознание автором цели и функций письма.

Например, Викторин Ефимов, будучи студентом Уральского индустриального института в 1932–1936 гг., начал вести дневник, так как «постоянная жизнь на виду» полностью лишала человека автономности:

¹ Эко У. О литературе. С. 9–26.

² Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997; Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академический проект, 1999.

³ Калинин И. Становление советского субъекта: колонизация колонизаторов // Транслит. Литературно-критический альманах. 2012. № 10-11. С. 30–41.

⁴ Хелльбек Й. Жизнь, прочтенная заново: самосознание русского интеллигента в революционную эпоху // Новое литературное обозрение. 2012. № 4 (116). С. 375; Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 25.

⁵ Герасимов И. «Удовлетворяя идеалу будущего»: дневники Екатерины Сахаровой как поиски будущего в прошлом (1905–1919) // Ab Imperio. 2015. № 1. С. 234.

записи в обычной тетради, по его мнению, создавали пространство личной свободы и предоставляли возможность быть наедине с собой¹. 14-летний школьник Иван Хрипунов начал в 1937 г. делать записи в блокноте, который подарил ему старший брат, с намерением наблюдать за погодой, но постепенно пришел к мысли о необходимости записывать и свои размышления, и события, происходившие в семье, в школе, в станице, в стране².

Иван характеризовал записи как «повествование о <...> жизни, в правдивости которого можно не сомневаться». Неоднократно он подчеркивал, что дневник содержит «самые точные факты» о его жизни, жизни семьи и «окружающих обывателей»: «Это не искусство, а самая реальная жизнь». Важной функцией записей Иван считал сохранение происходивших событий для будущего: «Я утешаю себя мыслью, что смогу прочесть когда-нибудь» о «прошедших днях моей жизни, которые, может быть, изглядятся временем»³. В одном из комментариев, он объяснил начало ведения записей удивившим его сообщением об открытии свободной торговли в соседнем селении. Особая историческая чувствительность Ивана, понимание им значимости происходившего очевидны во всех последующих записях. Кроме того, он воспринимал дневник как «товарища», который всегда был рядом и «верную службу служил». Следует предположить, что возможность поведать дневнику свои «горечи и немногочисленные радости» была для Ивана чрезвычайно важна, поскольку при переезде семьи он расстался с Анатолием, своим единственным настоящим другом.

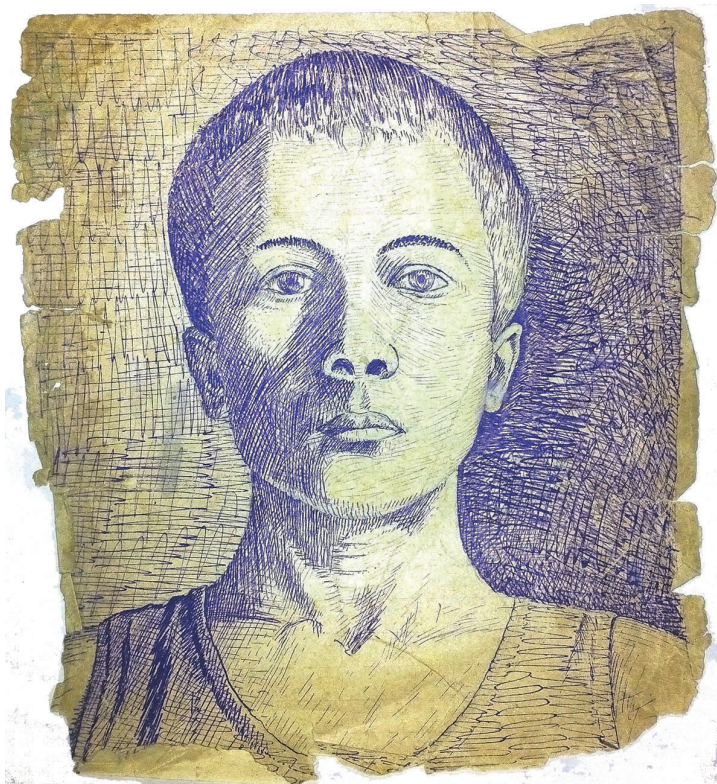
Иван родился в 1923 г. в семье крестьянина Ивана Ефремовича Хрипунова, жителя хутора Пришиб Царицынской губернии (позднее – Сталинградская область). Никаких особых биографических предпосылок, объясняющих, почему этот мальчик решил вести дневник, не было. Историки, изучающие судьбу российского крестьянства, отмечают, что даже воспоминания крестьян остаются исключительной редкостью, а дневники – совсем «маргинальное» явление крестьянской культуры⁴. Дневниковые записи Иван продолжал до 4 ноября 1941 г. – до момента его мобилизации на трудовой фронт по строительству оборонительных рубежей под Ростовом, а затем –

¹ Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20790 (конверт).

² Иван Хрипунов. Дневники 1937–1941 годов / авт.-сост., науч. ред., вступ. статья, сост. указ. С.И. Быкова. М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 488 с.

³ Здесь и далее текст дневника публикуется в аутентичном варианте.

⁴ На сердце пали все печали. Судьбы крестьян в XX веке. Воспоминания / Ред.-сост. А. Щербаков. М.: Издательство Agey Tomesh, 2019. С. 8; Кознова И.Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М.: РОССПЭН, 2016. С. 48.

Автопортрет. Рисунок И. Хрипунова.

в действующую армию. Согласно сведениям ОБД «Мемориал», Иван дважды числится пропавшим без вести: 8 марта 1942 г. на Миус-фронте и 3 июля 1942 г. в Севастопольском оборонительном районе.

Сохранившийся в семье Павла, старшего брата Ивана, архив включает два блокнотика дневников, тетради с его стихами, конспектами и рассказом «Как я учился в совхозе», альбом и отдельные листы с рисунками. Несколько рисунков, иллюстрирующих записи, размещены на страницах дневника. Рисунки были сделаны, по признанию Ивана, для того, чтобы запомнить «ту местность и общество, в которых жил». Для исследователей они являются не только свидетельством его несомненного художественного таланта, но, как и записи, – источником по истории чтения в 1930-е гг.: на рисунках Ивана – портреты писателей, события их жизни и фрагменты сюжетов литературных произведений. Самые многочисленные рисунки яв-

ляются иллюстрациями собственных стихов Ивана, которые он записывал в отдельную тетрадь, и они, к сожалению, не были включены в опубликованное издание дневников.

Историческая ситуация, с одной стороны, способствовала увлечению Ивана, как и его сверстников: школьные уроки литературы, активное открытие библиотек, пропаганда чтения оказывали сильное воздействие на подрастающее поколение. Влияние литературы на подростков было значительным и иногда – прямо противоположным ожиданиям педагогов. В частности, некоторые из школьников использовали свои знания о персонажах художественных произведений при создании тайных организаций. Например, в Ленинградской области в 1930-е гг. существовал «Отряд красных спартаковцев» – под флагом с серпом, молотом и надписью «Будь таким, как Спартак!» его участники отбирали деньги у детей, шедших в магазин без взрослых¹.

В истории советского чтения имеются уникальные случаи, когда арестованные подростки шокировали следователей, называя книги главным фактором их «антисоветской деятельности». Среди таких свидетельств об удивительных переплетениях судьбы человека и книг очень интересны воспоминания Ольгерда Волинского, родители которого, польские коммунисты, были репрессированы в 1937 г. После расстрела отца и ареста матери мальчика отправили в специальный детский дом в Ульяновске. Несмотря на трагедию, Ольгерд сохранил любовь к чтению и пытался писать стихи. Несправедливость в отношении родителей вызывала не только протест, но и ненависть к Сталину, сотрудникам НКВД. В одном из стихотворений, посвященных памяти родителей, он написал: «Всегда я буду мстить / Тем, кто смел вас посадить».

В 1942 г., когда Ольгерду было 13 лет, он начал вести «свою личную войну с советской властью»: на листах, вырванных из школьной тетради, он писал листовки и ночью расклеивал их на заборах и воротах разных учреждений. По почерку Ольгерда быстро нашли и арестовали. Во время допроса мальчик был честен:

На вопрос «Кто тебя толкнул на такую деятельность?» я ответил: «Книги». Следователь подскочил: «Какие книги?».

¹ Риттершпорн Г.Т. Формы общественного обихода молодежи и установки советского режима в предвоенном десятилетии // Нормы и ценности повседневной жизни в 1920-1930-е годы. СПб.: Журнал «Нева», 2000. С. 352.

Ольгерд совершенно искренне назвал «Как закалялась сталь», так как Павка Корчагин, боровшийся против несправедливости, был его любимым героем, как и у многих советских детей¹, включая Ивана².

С другой стороны, в жизни Ивана Хрипунова существовали реальные препятствия не только для ведения записей, но и для «читательской деятельности». Во-первых, крестьянская культура, несмотря на радикальные изменения в 1920–1930-е гг., сохранила многие традиционные черты. Например, Иван несколько раз отметил в записях, что не только родные, но и случайные люди, оказавшиеся в доме, выражали беспокойство о здоровье подростка, много времени проводившего за чтением и письмом. Например, 12 декабря 1938 г. он с сожалением и возмущением записал мнение одного из знакомых:

... перед уходом он при мне рассказал отцу неприятный рассказ, который не следовало бы и описывать. Но так как я описываю с 1937 г. все подробности моей жизни, то невольно придется описать. Он рассказал, что знал одного пацана, как я, который отлично занимался, вечера просиживал над книгами, но потом стал мешаться умом (сдувая воображаемую с предметов пыль) и сошел с ума.

Взрослый человек предупреждал Ивана, чтобы с ним не случилось такой же истории, «надо больше на воздухе быть».

Данный эпизод произошел после 21 ноября, когда Иван отметил в дневнике, что «мать и отец бранят» за чтение книг и переживают, «... будто я от этого потеряю зрение». Частое повторение предупреждений свидетельствует о том, что образ жизни Ивана не был принят в крестьянской среде. Иван понимал это и неоднократно на страницах дневника сравнивал себя с другими станичными подростками, которые «были большими озорниками и хулиганами, крали в огородах овощи, устраивали драки», не желали учиться, нарушали правила поведения в школе, грубо относились к девочкам. Чтение позволяло Ивану расширить горизонт жизненного мира, познакомиться с опытом многих персонажей и сфор-

¹ *Берберыуш Е.* Голос из ГУЛАГа. Беседы с Ольгердом Волынским. М.: Валент, 2000. С. 31–32, 36.

² Иван в одной из самых пространственных записей о литературных произведениях отметил, что второй раз прочитал «Как закалялась сталь» и вновь сравнивал себя с главным героем, умевшим согласовать «свою волю с действием», «быть выдержанным», твердым, – т.е. обладал чертами характера, о которых автор дневника только мечтал.

мировать представление о «правильных» нравственных ориентирах. В ответ на предостережения он не только заявлял о своем праве на чтение, но отмечал особое чувство радости и веселья после прочтения книг и посещения библиотеки.

Помимо предубеждений, свойственных крестьянской культуре, препятствием для увлечений Ивана были объективные условия существования. Во-первых, дефицит самого необходимого для письма: «... чернила плохие, расходятся на бумаге, а перо дерет бумагу, как хороший плуг землю: перо исписалось, стерлось в иголку, а перьев вот уже полгода нет в магазинах». Во-вторых, существовали и другие проблемы: в частности, Ивану приходилось писать в полумраке, поскольку лампа освещала очень малый участок стола – мощность имевшейся в доме семилинейной керосиновой лампы равна мощности современной электрической лампочки в 15 вт. Суммируя все сложности, он с огорчением констатировал: «Все тормозит моей работе в заполнении дневника, свирепо шепчет со всех сторон: “Брось писать. Ложись лучше, себя не мучай и керосин не жги”». Тем не менее, желание зафиксировать впечатление от прочитанной книги и перемены, произошедшие за последние дни, помогало преодолеть сон и другие трудности.

Описывая общий культурный и политический фон эпохи, Иван фиксировал новые законы, принятые высшими органами власти, записывал рутинные моменты школьной жизни, проблемы в профессиональной деятельности отца, сестры и брата, с вниманием и тревогой отмечал состояние здоровья родных. Одной из важных тем записей были переезды семьи: с января 1937 г. до августа 1940 г. Хрипуновы сменили четыре места проживания в поисках селения, где, по словам отца, «будет хлеб и школа». Можно предположить, что в дневнике не указана еще одна причина, – переезжали и из-за опасений нового ареста отца, сбежавшего из ссылки, куда он был отправлен в 1930 г. после раскулачивания семьи.

При переездах семье из шести человек приходилось снимать комнаты в домах у станичников, поэтому жизненное пространство, которым мог располагать каждый член семьи, было очень ограниченным. Тетради и книги школьников, Ивана и его сестры Раи, а также дневник находились на столе и могли быть доступны для чтения всем – это обстоятельство оказало сильное влияние на форму записи. С 20 июня 1939 г. Иван начал записывать самое важное, сокровенное, лично значимое на немецком языке (стоит уточнить: многие русские слова, которые он не мог перевести на немецкий, написаны латинскими буквами). Однажды для записи был использован метод зеркального отражения.

В отличие от взрослых авторов дневников, понимавших опасность своего занятия¹, Иван с непосредственной откровенностью описывал негативные факты советской повседневности, называя дневник свидетелем и ориентируясь на достоверную фиксацию происходившего. Описывая трудное существование своей семьи и односельчан, несправедливое отношение колхозников к матери и сестре как к «кулакам», опасные поездки за хлебом в Ростов и Краснодар, постоянное недоедание и связанное с этим подавленное состояние, Иван считал одной из важнейших ценностей и тем дневниковых записей чтение, книги и свое «литературное творчество». С этой точки зрения дневник Ивана представляет собой уникальное явление, на страницах которого отражены сложные взаимосвязи между литературными произведениями и социальным миром, между символическим господством и читательскими практиками. Р. Шартье, продолжая сравнение чтения и письма, начатое Мишелем де Серто, характеризовал чтение как культурную практику, «которая редко оставляет следы»: «...письмо, консервативное, фиксированное, устойчивое, противопоставлено чтению, всегда эфемерному, ускользающему»². Текст дневника школьника позволяет исследовать особенности чтения и рецепции литературных произведений в раннее советское время. Игорь Гулин, поэт, литературный критик, отметил второй аргумент, подтверждающий уникальность дневника Ивана: это дневник мальчика, который мечтает стать писателем³.

На страницах дневника представлена история Ивана как читателя. Он признался в одной из записей, что начал активно читать в июле 1938 г. благодаря своему другу Анатолию. До этого Иван считал, что чтение книг мешает заниматься школьными предметами:

Но потом увидел, что книги не только не мешают учебе, но даже помогают ей. Когда же я прочел в библиотеке первые книги, я увлекся ими и с этого времени стал читать их всегда. Чтение книг стало моей болезнью. Я даже за едой читал книги.

Действительно, в тексте дневника часто повторяются фразы: «читал книгу до рассвета»; «придя домой, я сел читать книгу и читал до утра»; «во время летних каникул помогал отцу сапожничать, выполнял домашние

¹ *Аржиловский А.А.* Дневник 36–37 годов // Урал. 1992. № 3. С. 159; *Маньков А.Г.* Дневники 30-х гг. СПб.: Европейский Дом, 2001. С. 197.

² *Шартье Р.* Письменная культура и общество. С. 125.

³ *Гулин И.* Лучшие дневники. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5218773>.

работы, читал книги»; «за 7 дней взял [в библиотеке] 8 книг»; «вечером долго сижу за книгами».

При переездах семьи Иван в первые же дни пребывания в новом месте записывался в библиотеку. Посетив ее, он описывал в дневнике правила и режим работы, сравнивал с библиотекой прежнего места жительства. В одной из школьных библиотек приходилось стоять в очереди – Иван считал главной причиной такой ситуации медленную работу библиотекаря и выражал на страницах дневника недовольство. Ценностные приоритеты Ивана отражает фраза о комсомольском собрании, на которое он пошел с книгой: «надо же чем-нибудь развлечь себя на шесть, а то и больше часов».

Навыки чтения и умение формулировать мысли помогали Ивану учиться на «отлично» – по окончании каждого учебного года он получал похвальную грамоту. Несмотря на смену школ и необходимость адаптироваться к новому коллективу и новым требованиям учителей, Иван быстро завоевывал авторитет одноклассников и уважение учителей. В дневниковых записях 8 февраля 1939 г. и 30 декабря 1940 г. Ивана зафиксировал требования учителей написать заметки о его успехах в газету (в т.ч., для областной газеты «Дети Октября»). Отличавшийся скромностью Иван отказывался, но после повторных требований ему приходилось писать, «как добился отличной учебы». Иван признавался в дневнике, что «очень утомился», работая над первой статьей. Кроме того, он был редактором и художником школьных стенных газет – такие разные формы деятельности способствовали повышению грамотности, развитию творческих навыков и собственного стиля.

Важным стимулом активного чтения и расширения кругозора была мечта поступить в художественное училище, стать художником, как Ивану советовали многие, видевшие его рисунки. Параллельно он писал о желании стать писателем. Дневник Ивана свидетельствует, как изменялась его риторика и взгляд на мир. Одним из главных факторов интеллектуального развития и ироничного восприятия официального дискурса была литература, отношение к которой в Советском Союзе изменялось в течение 1930-х гг. неоднократно. В 1932 г. после запрета деятельности Российской ассоциации пролетарских писателей, отрицавшей значение всей классической литературы по причине ее «классовой враждебности», произошли значительные перемены в отношении к литературе прошлых эпох и к зарубежной литературе – началось издание журнала «Иностранная книга»; в «Литературной газете» появились публикации о культуре и литературе зарубежных стран (в т.ч., в постоянной рубрике «Литературный Нью-Йорк»),

печатались даже восторженные статьи о представителях западного авангарда (Джойс, Дос Пассос, Пикассо, французские сюрреалисты). В переводной статье газеты «Правда» «О стиле советского искусства» 29 апреля 1935 г. в качестве образцов для советских писателей назывались Бальзак, Гёте, Шекспир и Толстой¹.

Однако изменения в профессиональной литературе практически не отразились на преподавании литературы в школе – учебники по литературе, изданные во второй половине 1930-х гг., ориентировали на изучение русской классики, содержали канонизированный набор имен, представляя историю литературы как часть идеологической борьбы, а тексты художественных произведений – как политические декларации. О значимости литературы как средства идеологического влияния на подрастающее поколение свидетельствовало издание журнала «Литература в школе»². В школьной программе помимо классических произведений русских и советских писателей было предусмотрено изучение Ж.-Б. Мольера, Дж. Г. Байрона, О. Бальзака.

Дневниковые записи Ивана Хрипунова подтверждают внимание в школьной программе к русской классике – он называет темы некоторых сочинений, предлагаемых учителями на обычных уроках и на испытаниях: в частности, за сочинения «Биография Ленского» и «Образ Чичикова» он единственный в классе получил «отлично»; из двух тем контрольного сочинения («Второстепенные члены романа “Отцы и дети” и их роль в композиции романа» и «Образ Базарова») Иван выбрал первую. Интересны его размышления в 8 классе по теме «Параллель между молодежью 30-х годов XIX века и молодежью 30-х годов XX века» – понимая ее сложность, Иван сразу же отметил, что стихотворения М. Лермонтова «Дума» и «1-е января» «можно будет связать с нашей действительностью». В данном выборе очевидна критическая интенция, предопределенная особенностями жизни и характера Ивана, осознававшего противоречивость советской действительности на собственном опыте.

На страницах дневника Ивана встречаются упоминания книг всех русских классиков; для характеристики актуальной ситуации или описания собственного настроения он использует цитаты М. Лермонтова, Л. Толстого, Д. Бедного. Именами персонажей, ставших нарицательными, – «Подхалюзин», «Хлестаков», «Липочка» – он называет школьников,

¹ *Кларк К.* Москва, четвертый Рим. Сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941). М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 202–204.

² *Добренько Е.* Формовка советского читателя. С. 71, 130–131, 137–139, 142; *Пономарев Е.Р.* Созидание советских учебников по литературе. От М.Н. Покровского к Г.А. Гуковскому // Вопросы литературы. 2004. № 4. С. 39–77.

как мальчиков, так и девочек, не вызывавших у него симпатий. К себе Иван не менее критичен – сравнивает себя с Обломовым и Онегиным, мечтает иметь характер как у Павки Корчагина. Однако, за исключением повести Н. Островского «Как закалялась сталь», произведения русских и советских писателей не являются предметом серьезной рефлексии Ивана. В тексте дневника пространные комментарии относятся к произведениям зарубежных авторов. Впрочем, стоит отметить, что в большинстве случаев Иван указывал лишь названия как русских, так и иностранных книг, констатируя – «взял в библиотеку» / «сдал в библиотеку» или «прочитал» / «сейчас читаю». Иногда комментарий предельно лаконичен: например, о комедиях Ж.-Б. Мольера – «очень понравились», а о романе Ч. Диккенса «Домби и сын» – «это такая скучная, неувлекательная книга».

Советская власть стремилась контролировать процесс формирования мировоззрения, не только регламентируя подбор книг для издания, определяя авторов подписных и серийных изданий, но и изучая читателя. По результатам исследования читательских предпочтений подростков, проведенного в 1926–1927 гг., среди любимых тем мальчиков на первом месте – приключения и путешествия; общие любимые книги – «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Приключения Тома Сойера» М. Твена, «Дети капитана Гранта» Ж. Верна, «Кожаный чулок» Ф. Купера¹. Если принять во внимание опыт чтения Ивана, то во второй половине 1930-х гг. ситуация практически не изменилась. Вспоминая свои читательские пристрастия, он записывает в сентябре 1941 г.:

Особенно я увлекся приключенческой литературой – признак моих, еще детских, взглядов и интересов. Я был поклонником Жюль Верна и считал его самым гениальным писателем во всем мире. Я с замиранием сердца читал «Детей капитана Гранта», «Таинственный остров», «Из пушки на луну», «Шесть недель на воздушном шаре», «Пятнадцатилетний капитан», «Вверх дном»....

Помимо произведений Ж. Верна, на страницах дневника Иван указывает много других прочитанных книг о приключениях и путешествиях, среди прочих: «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо, «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Фина» Марка Твена, «Гулливер в стране лилипутов и великанов» Джонатана Свифта, «Всадника без головы» Майна Рида, «Остров сокровищ» Ричарда Стивенсона, «Юный бур из Трансвааля»² Августа Нимана, «Северные рассказы» и другие произведения Джека Лондона.

¹ Добренко Е. Формовка советского читателя. С. 70.

² Такое название книги указано в дневниковой записи. Полное название: «Питер Мариц – юный бур из Трансвааля».

Иллюстрации к роману «Следопыт» Ф. Купера. Рисунки И. Хрипунова.

В дневнике не назван «Следопыт» Фенимора Купера, но сохранился рисунок Ивана по сюжету книги. Приключенческая литература выполняла образовательную функцию, расширяя кругозор читателей, и позволяла выйти за пределы реальности, полной трудностей и лишений. Дети в разных регионах страны читали и перечитывали такие книги. Андрей Аржиловский, раскулаченный крестьянин, после ссылки переселившийся с семьей в Тюмень, наблюдая за своими детьми (которые, как и Иван, не имели нормальных условий проживания, хорошего питания, необходимых одежды и обуви), отметил в дневнике 18 января 1937 г., что сын Геннадий «зачитывается Ж. Верном. Грубая жизнь немного сглаживается хорошими фантазиями»¹.

Иван, открыв для себя Жюль Верна, возвращается к его творчеству в дневниковых записях несколько раз. В частности, прочитав в августе 1941 г. романы Г.Дж. Уэллса «Когда спящий проснется», «Первые люди на Луне» и «Война миров», он записал свои впечатления: «Романы показались мне увлекательными, однако не такими, как романы Жюль Верна». 10 сентября 1941 г. Иван, вспоминая, как ему понравилась книга, отправился на фильм «Дети капитана Гранта» с надеждой получить удовольствие, но был очень разочарован увиденным и после просмотра записал: «Мои ожидания не оправдались... Много интересных мест из книги не было показано на экране».

В сентябре, получив повестку, Иван решил написать автобиографию, в которую было включено эмоциональное описание судьбы отца, сосланного после раскулачивания в Сибирь, «к северу от Томска», где на тяжелых работах он стал инвалидом. С трудом передвигаясь и не имея возможности самостоятельно вернуться домой, отец просил родных приехать за ним. По свидетельству Ивана, с большим трудом сестра отца, «тетя Дарья нашла этого Гранта». Примечательно, что для характеристики отца он использует имя любимого героя из любимого произведения любимого писателя. Тем не менее, продолжая размышлять о реальной жизни и литературе, Иван приходит к огорчительному выводу:

Отец много раз рассказывал о своей ссылке, о тех мучениях, которые он там перенес. Я прочел уже много книг и нигде не видел таких страданий, которые были бы равны страданиям отца. Если бы кто написал об этом книгу, она была бы лучше надуманных романтических походов героев Жюль Верна.

¹ *Аржиловский А.* Дневник 36–37 годов. С. 150. 18 января 1937 г.

Весьма жесткую критику в марте 1940 г. записал Иван в отношении авторского стиля и сюжета «Истории Тома Джонса, найденыша» Генри Филдинга. Сатирическая направленность романа не была воспринята Иваном: «слишком много внимания уделяется» любовным интригам, другим похождениям, вкусным обедам, пьянству – «о чем-нибудь дельном ничего не говорится». Герои показались Ивану «какими-то нереальными». В обращениях автора к читателям он не увидел никакой ценности – по мнению Ивана, они «разрывают целостность произведения». В результате одному из интересных романов XVIII в. юный советский читатель вынес суровый приговор: «...я никак не дождусь того дня, когда [эта книга] наконец будет прочитана». На мой взгляд, приоритет реализма, пропагандируемый на школьных уроках литературы, не позволил Ивану оценить талант Г. Филдинга.

Совершенно противоположное мнение Иван записал в апреле 1940 г. после прочтения «Отца Горио» Бальзака. Начиная описание своих впечатлений, он отметил, что французский писатель является современником Пушкина – видимо, этот факт был важен с его точки зрения. Книга, несмотря на печальный конец, очень понравилась Ивану «своим реализмом», оставила «чувство презрения к высшему кругу и глубокого уважения и сочувствия к бедному Горио», разорившемуся ради своих дочерей. Краткий отзыв свидетельствует об эмоциональной вовлеченности Ивана в судьбу персонажей книги: «Когда я читал ее, я глубоко переживал невзгоды и редкие удачи главных героев. Особенно тяжелое впечатление произвел на меня печальный конец Горио». Учитывая жизненный опыт Ивана, можно предположить, что ему оказались очень близки не только тема отцовской любви, но и проблема социальной несправедливости и сложности человеческих отношений, представленные в романе Бальзака и актуальные для советского подростка.

Другая важная тема, волновавшая Ивана, – формирование характера, воспитание самостоятельности, ответственности, смелости и решительности, нашла отражение во внимательном прочтении не только романа Н. Островского «Как закалялась сталь», но и романа «Овод». Отметив, что «книга, написанная английской писательницей Этель Лилиан Войнич, описывает борьбу общества “Молодая Италия”, организованного Мадзини, за изгнание австрийцев и воссоединение Италии», Иван много строк посвятил целеустремленности и выносливости Артура в его борьбе за свободу Италии.

Анализируя литературные произведения, Иван проводил параллели или противопоставление творчества русских и зарубежных писателей.

Ответ на один из самых волновавших его вопросов – отношение к девушкам, проблемы влюбленности, о которых он писал на страницах дневника, – был сформулирован через сравнение русской и зарубежной культурной традиции:

Любовь – веселый дар природы и без любви нет смысла жить. Любовью все живут народы, – говорит песня. Это будет правильно, если говорить о любви мужчины к женщине, о любви юноши к девушке. Но и эта любовь также разная. За границей любовь – главная цель жизни. Там любят открыто, не стыдятся называть слово «Любовь». Там любят объясняться в любви, устраивать любовные свидания, целоваться много раз, говорить пылкие слова, клясться, не спать ночей и думать о любимом человеке. Так описывают любовь западные писатели. У нас любовь – второстепенное дело. Главное – общественная работа. Здесь слово «Любовь» называют редко. Нет здесь настоящей любви.

Именно данный фрагмент был записан Иваном в зеркальном отражении.

Чтение книг было важным занятием для самообразования Ивана. В частности, прочитав книгу американского писателя Джеймса Уилларда Шульца «В скалистых горах», он выписывает в дневник новые слова и оригинальные географические названия:

Скальпы (кожа человека, снимаемая индейцами-победителями с голов побежденных), бизоны (звери вроде коров), медведи гризли (серые, нападающие на людей медведи), койоты (волки прерий), обсидиан (вулканический камень наподобие стекла, из него делают наконечники для стрел), лоси, куницы, кролики, путешествие по Спинному Хребту Мира (так индейцы называли Скалистые горы), вигвамы (шатры у индейцев из кожи), плавание по Большой реке (Миссури).

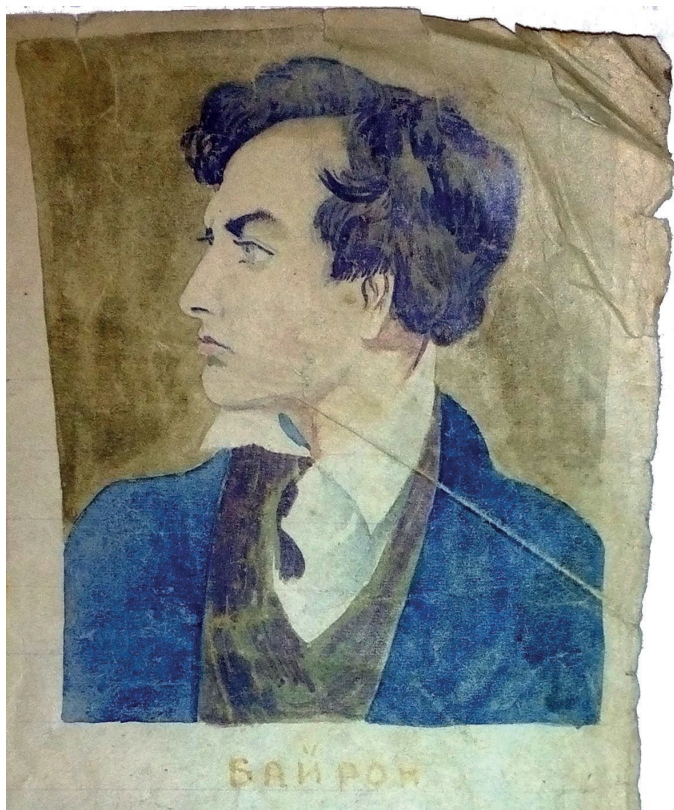
Выписанные слова и их объяснения не могут не вызывать удивления у современного читателя, т.к. Иван учился уже в 9 классе. В дневниковых записях он признавался, что стремился постоянно расширять свой лексикон и выражал сожаление, что освоение русского языка оказывается очень трудным – его изучением он занимается в школе, а дома говорит «как попало». Причина такой ситуации заключалась в особенностях семейной коммуникации – родители, общаясь с детьми, как правило, говорили на украинском языке. Чтение классической литературы и записи в дневнике были для Ивана дополнительным ресурсом в решении проблемы с осво-

ением русского языка. Свидетельством его целеустремленности является записанный в дневник словарь философских, политических, литературоведческих и исторических терминов, а также конспекты всего прочитанного, о которых Иван упоминает в записях (к сожалению, из них сохранились только конспекты по истории).

Перечисляя на страницах дневника иностранные книги, которые произвели на него впечатление, Иван указывает, что помимо приключенческой литературы с большим увлечением читал и исторические романы, в т.ч., «Марсельцы» Феликса Гра, «Айвенго» Вальтера Скотта, «Лже-Нерон» Лидона Фейхтвангера, «Труженики моря» и «Человек, который смеется» Виктора Гюго, «Борьба за огонь» Жозефа Рони-старшего, «Жерминаль» и «Разгром» Эмиля Золя. Иногда на страницах дневника появляются названия книг, запрещенных в Советском Союзе: такие свидетельства позволяют приоткрыть тайные (для многих) страницы истории «советского чтения». В частности, в записи 6 октября 1941 г. Иван отметил, что взял в библиотеке сборник новелл западноевропейского писателя N («Амок», «Легенда о сестрах-близнецах», «Письмо незнакомки» и др.). Установить автора не составляет особого труда – сборники новелл Стефана Цвейга издавались в СССР дважды – в 1929 г. и в 1936 г. После того, как писатель в 1937 г. выступил с критикой репрессий, организованных Сталиным, его произведения были запрещены. Благодаря записанному Иваном названию новеллы «Мендель-букинист» можно утверждать – он читал сборник 1936 г., т.к. в предыдущее издание указанную новеллу включить не успели.

Второй пример книги без автора в этой же записи – роман «Стальные ребра», написанный в 1928 г. Иваном Макаровым (1900–1937) и посвященный электрификации села. Именно после этого издания писатель стал известным, но его произведения 1930-х гг. не соответствовали официальной точке зрения (особенно роман «Миша Курбатов» 1936 г. о строительстве Магнитки). В 1937 г. И.И. Макаров был объявлен врагом народа и расстрелян. Некоторые исследователи считают, что он стал жертвой целенаправленной акции уничтожения крестьянских поэтов и писателей «есенинского круга». И.И. Макарова реабилитировали только в 1956 г., после этого некоторые его произведения были переизданы («Записки тюремного надзирателя», «Рейд Черного Жука», «Миша Курбатов»).

Ивану Хрипунову удалось прочесть его роман в 1941 г., как и новеллы С. Цвейга, так как сельский библиотекарь догадался удалить обложки книг, титульный лист и страницы с фамилией автора. На мой взгляд, наличие двух книг запрещенных авторов в таком виде не предполагает случайности. Понимая политику власти и методы деятельности НКВД, авторы, читатели

Дж.Г. Байрон. Рисунок И. Хрипунова.

и сотрудники библиотек стремились сохранить запрещенные книги – одним из вариантов было сокрытие авторства. Подобная практика, как и другие, была распространена в ситуации регулярных чисток библиотек, проводившихся в конце 1920-х – 1930-е гг.¹

Стоит отметить, что среди книг, прочитанных Иваном и указанных на страницах дневника, названы биографии писателей (Ж.-Б. Мольера, Дж. Г. Байрона, В. Гюго, Г.Дж. Уэллса) и ученых. Желая выяснить методи-

¹ Быкова С.И., Демаков И.Н. Особенности практик «советского чтения» в 1930-е годы // Homo legens в прошлом и настоящем : сборник материалов IV Международной научно-практической конференции 23–25 марта 2023 г. Нижний Тагил, Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2023. С. 20–25.

ку писательского ремесла, он читал не только биографии, но и специальные журналы (в т.ч., «Творчество», изданные в 1918–1920 гг.). Он стремился стать всесторонне образованным человеком и целенаправленно готовил себя к труду писателя и художника, понимая необходимость энциклопедичности кругозора: «Жажда к знаниям у меня была необычайно большой. Ее может понять тот, кто любит науку». На страницах дневника упоминаются не только научно-популярные издания (в т.ч., «Знаете ли Вы физику?» Якова Перельмана, «Тайны стекла», «Враг под микроскопом»), но и книги зарубежных ученых (например, «Стоит ли им жить?» известного американского бактериолога Поля де Крюи, переведенная и изданная в СССР в 1937 г.).

Иван Хрипунов, мальчик из крестьянской семьи, мечтая стать писателем и художником, осознал значимость чтения и использовал все возможности для получения доступа к книгам: большую их часть он получал в библиотеках, записываясь как в школьную, так и в другие библиотеки, имевшиеся в селении; некоторые книги Ивану давали учителя и знакомые; редкие книги были куплены. В калейдоскопическом собрании прочитанных им книг – не только произведения, входившие в советскую литературную антологию, но и не являвшиеся широко известными и популярными. Особенное значение имела для Ивана иностранная литература. На последних страницах дневника в рассказе «Смерть Василия Реброва», написанного Иваном под впечатлением от поездки в военкомат г. Ростова, главная героиня Юлия Карнес восторженно отвечает юноше, признавшемуся ей, что он мало читал:

Жаль, жаль! Не знать сочинения Вальтер Скотта, Дюма, Марк Твена, Стендаля, Гюго, Жюль Верна, Бальзака, Лондона, Толстого – ведь это значит жить в темноте и не видеть вокруг себя ничего. Я даже не представляю, как можно жить без книг!

Среди перечисленных в цитате писателей преобладают зарубежные авторы, и данное соотношение не случайно – словами героини своего рассказа Иван вновь смог признаться в особом отношении к их творчеству. Несмотря на встречающиеся факты действительности официального дискурса в восприятии литературных произведений, в дневниковых записях отражено стремление Ивана к самостоятельному осмыслению прочитанного. Дневниковый текст свидетельствует также о практическом значении литературы – ее роли в повышении уровня грамотности, расширении словарного запаса, в изменении мировоззрения и даже в мечте о будущей профессии. Кроме того, важен и коммуникативный аспект: описывая свой

опыт преодоления замкнутости и стеснительности, Иван отметил значение литературных персонажей – как героя советского романа Павла Корчагина, так и борца за свободу Италии Артура Бертон из романа английской писательницы.

Лишь упоминание названий двух книг в дневнике Ивана позволяет реконструировать не только историю «опасного письма», но и опасного «советского чтения» в 1930-е гг.: книги запрещенных авторов должны были передаваться в спецхраны или уничтожаться. В случае обнаружения запрещенных произведений в личном пользовании или в публичной библиотеке владельцу, читателю или сотрудникам библиотеки могли быть предъявлены обвинения в антисоветской агитации или контрреволюционной деятельности, за которые закон предусматривал лишение свободы или даже высшую меру наказания¹. Тем не менее, любовь к книге и понимание важности чтения помогли современникам Ивана найти способы сохранения запрещенных изданий. Таким образом, дневник советского школьника позволяет изучить не только «потаенные практики простолюдина-одиночки», как об этом мечтал Р. Шартье², но и модели читательского поведения других людей в сложную эпоху.

Литература

Берберыуи Е. Голос из ГУЛАГа. Беседы с Ольгердом Волинским. М.: ТОО «Валент», 2000.

Быкова С.И. «Мир чтения» в условиях несвободы // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2009. № 6 (68). С. 51–68.

Быкова С.И., Демаков И.Н. Особенности практик «советского чтения» в 1930-е годы // Ното legens в прошлом и настоящем : сборник материалов IV Международной научно-практической конференции 23–25 марта 2023 г. Нижний Тагил, Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2023. С. 20–25.

Герасимов И. «Удовлетворяя идеалу будущего»: дневники Екатерины Сахаровой как поиски будущего в прошлом (1905–1919) // *Ab Imperio*. 2015. № 1. С. 213–246.

Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб. Академический проект, 1999.

Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997.

¹ *Быкова С.И.* «Мир чтения» в условиях несвободы // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2009. № 6 (68). С. 51–68.

² *Шартье Р.* Письменная культура и общество. С. 142.

Калинин И. Становление советского субъекта: колонизация колонизаторов // Транслит. Литературно-критический альманах. 2012. № 10-11. С. 30–41.

Кларк К. Москва, четвертый Рим. Сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931-1941). М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Кознова И.Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М.: РОССПЭН, 2016.

Маньков А.Г. Дневники 30-х гг. СПб.: Европейский Дом, 2001. С. 197.

На сердце пали все печали. Судьбы крестьян в XX веке. Воспоминания / Ред.-сост. А. Щербаков. М.: Издательство Agey Tomesh, 2019.

Пономарев Е.Р. Созидание советских учебников по литературе. От М. Н. Покровского к Г. А. Гуковскому // Вопросы литературы. 2004. № 4. С. 39–77.

Руттершпорн Г.Т. Формы общественного обихода молодежи и установки советского режима в предвоенном десятилетии // Нормы и ценности повседневной жизни в 1920–1930-е годы. СПб.: Журнал «Нева», 2000. С. 347–367.

Хельбек Й. Жизнь, прочтенная заново: самосознание русского интеллигента в революционную эпоху // Новое литературное обозрение. 2012. № 4 (116). С. 374–384.

Хельбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Шартье Р. Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006.

References

Berberyush, E. *Golos iz GULAGa. Besedy s Ol'gerdom Volynskim [Voice from the Gulag. Conversations with Olgerd Volynsky]*. Moscow: Ltd. Valent Publ., 2000. (In Russ.)

Bykova, S.I. “Mir chtenija’ v uslovijah nesvobody.” [“The world of reading’ under the conditions of lack of freedom.”] *Neprikosnovennyj zapas: debaty o politike i kul'ture* 6 (2009): 51–68. (In Russ.)

Bykova, S.I., Demakov, I.N. “Osobnosti praktik ‘sovetskogo chtenija’ v 1930-e gody.” [“Specific features of ‘Soviet reading’ in the 1930s.”] *Homo legens v proshlom i nastojashhem : sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 23–25 marta 2023 g. [Homo legens in the past and present. Proceedings of the IV International scholarly and practical conference, March 23–25, 2023]* Nizhnij Tagil, Ekaterinburg: UrGPU Publ., 2023: 20–25. (In Russ.)

Chartier, R. *Pis'mennaja kul'tura i obshhestvo [Written culture and society]*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, publ., 2006. (In Russ.)

Clarke, K. *Moskva, chetvertyj Rim. Stalinizm, kosmopolitizm i jevoljucija sovetskoy kul'tury (1931–1941) [Moscow, the fourth Rome. Stalinism, cosmopolitanism and the evolution of Soviet culture (1931–1941)]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. (In Russ.)

Dobrenko, E. *Formovka sovetского chitatelja. Social'nye i jesteticheskie predposylki recepcii sovetской literatury* [Molding of the Soviet reader. Social and aesthetic prerequisites for the reception of Soviet literature]. Saint-Petersburg: Akademicheskij proekt publ., 1997. (In Russ.)

Dobrenko, E. *Formovka sovetского pisatelja. Social'nye i jesteticheskie istoki sovetской literaturnoj kul'tury* [Molding of a Soviet writer. Social and aesthetic origins of Soviet literary culture]. Saint-Petersburg: Akademicheskij proekt publ., 1999. (In Russ.)

Gerasimov, I. “Udovletvorjaja idealu budushhego’: dnevniki Ekateriny Saharovoj kak poiski budushhego v proshlom (1905-1919).” [“Meeting the ideal of the future’: Ekaterina Sakharova’s diaries as a search for the future in the past (1905–1919)”] *Ab Imperio* 1 (2015): 213–246. (In Russ.)

Hellbeck, J. *Revoljucija ot pervogo lica: dnevniki stalinskoj jepohi* [Revolution from the first person: diaries of the Stalin era]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. (In Russ.)

Hellbeck, J. “Zhizn’, prochtennaja zanovo: samosoznanie russkogo intelligenta v revoljucionnuju jepohu.” [“Life read a new : the self-awareness of the Russian intellectual in the revolutionary era.”] *Novoe literaturnoe obozrenie* 4 (2012): 374–384. (In Russ.)

Kalinin, I. “Stanovlenie sovetского sub'ekta: kolonizacija kolonizatorov.” [“Formation of the Soviet subject: colonization of the colonialists.”] *Translit. Literaturno-kriticheskij al'manah* [Translit.Literary Critical Almanach] 10-11 (2012): 30–41. (In Russ.)

Koznova, I.E. *Stalinskaja jepoha v pamjati krest'janstva Rossii* [The Stalin era in the memory of the Russian peasantry]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2016. (In Russ.)

Man'kov, A.G. *Dnevniki 30-h gg* [Diaries of the 30s]. Saint-Petersburg: Evropejskij Dom Publ., 2001. (In Russ.)

Na serdce pali vse pechali. Sud'by krest'jan v XX veke. Vospominanija [All the sorrows fell on my heart. The fate of peasants in the twentieth century. Memories], ed. A. Shherbakov. Moscow: Agey Tomesh Publ., 2019. (In Russ.)

Ponomarev, E.R. “Sozidanije sovetских učebnikov po literature. Ot M.N. Pokrovskogo k G.A. Gukovskomu” [“Creation of Soviet textbooks on literature. From M.N. Pokrovsky to G.A. Gukovsky.”] *Voprosy literatury* 4 (2004): 39–77. (In Russ.)

Rittershporn, G.T. “Formy obshhestvennogo obihoda molodezhi i ustanovki sovetского rezhima v predvoennom desjatiletii.” [“Forms of social behavior of young people and the attitudes of the Soviet regime in the pre-war decade.”] *Normy i cennosti povsednevnoj zhizni v 1920–1930-e gody*. Saint-Petersburg: Zhurnal Neva Publ., 2000: 347–367. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию: 02.07.2023

Received: 02.06.2023

Дата публикации: 30.08.2023

Published: 30.08.2023

Читатель! Требуй во всех киосках «Союзпечати»

книги серии

ROSSICA. Россия и Запад. Литературные связи и контакты

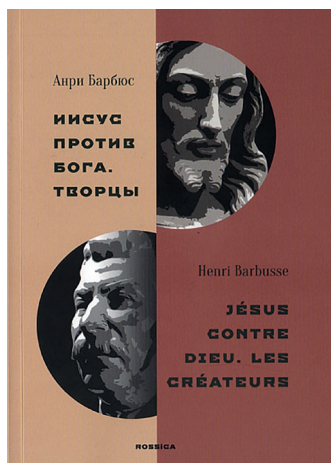
(Издательство «Литфакт», 2019–2023)

Выпуск 1

Анри Барбюс. Иисус против Бога. Творцы / *Jésus contre Dieu. Les Créateurs*

Издание подготовил Александр Строев

Подготовленная профессором Новой Сорбонны (Париж) Александром Строевым книга представляет произведения Анри Барбюса, написанные в жанре «социалистической агиографии»: мистерию о жизни революционера Иисуса, оболганного и погубленного христианами (*Jésus contre Dieu*, 1927), и сценарий кинофильма о Сталине (*Les Créateurs*, 1935), кующий легенду о вожде народов. Тексты публикуются на французском и русском языках по оригиналам из Французской национальной библиотеки и московских архивов (ОР ИМЛИ РАН, РГАСПИ).

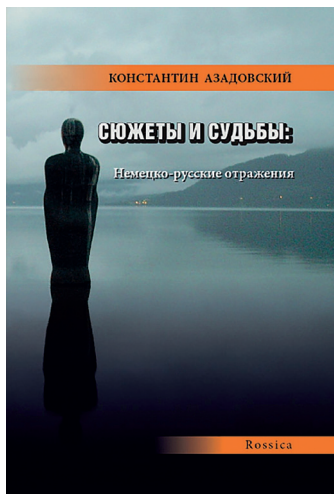

Выпуск 2

Константин Азадовский

Сюжеты и судьбы: Немецко-русские отражения

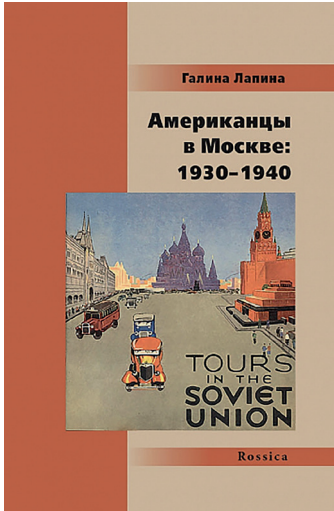
Новая книга выдающегося историка литературы Константина Азадовского состоит из работ, посвященных взаимным «отражениям» русской и немецкой культур. Хронологический диапазон сюжетов охватывает два века – XIX и XX, а ее герои – философы (Шеллинг, Ницше), поэты (Грильпарцер, Блок, Ст. Георге, Вяч. Иванов), прозаики (М. Горький, Ст. Цвейг, Г. Гессе, Г. Бёльль), а также яркие посредники и культуртрегеры (Александр Тургенев, Максимилиан Шик). Все статьи объединены общей авторской установкой – выявить содержательный немецко-русский культурный пласт, обогатить его новым материалом и предложить читателю свое видение неизвестных или мало изученных историко-литературных событий.

Выпуск 3

Галина Лапина

Американцы в Москве: 1930–1940

Книга литературоведа Галины Лапиной (США) посвящена американско-советским контактам и совместным проектам 1930-х годов – театральным, кинематографическим, образовательным; ее герои американские писатели, журналисты, артисты, дипломаты, работавшие в Москве или приезжавшие в советскую столицу как творческие работники, студенты, зрители театральные декад. Посол Джозеф Дэвис и его шофер Чарли, писатели Ленгстон Хьюз и Софи Тредуэлл, актриса Бланш Юрка, репортер Уолтер Дюранти по-разному рассказали об увиденном в СССР.

Выпуск 4

Александр Строев

Литературные судьбы русских писателей во Франции

Книга профессора Новой Сорбонны (Париж) Александра Строева посвящена литературной и политической репутации русских писателей во Франции в первой половине XX века (Максимилиан Волошин, Дмитрий Мережковский, Иван Бунин, Андрей Белый, Евгений Замятин). Показывается, что творчество и жизнетворчество приносит им успех лишь при энергичном взаимодействии с журналистами и переводчиками. Исследование построено на архивных материалах, мемуарах, письмах и, в первую очередь, на статьях из французской прессы.

Выпуск 5

Зоя Копельман

Еврейские скрижали и русские вериги: Статьи о следах русской культуры в ивритской словесности

Книга израильского филолога, переводчика Зои Копельман посвящена русско-ивритскому литературному диалогу конца XIX в. – начала XXI в. В сборник вошли очерки о Владимире (Зееве) Жаботинском, поэтессах Элишеве и Рахели, статьи об источниках и подтекстах стихов Х. Бялика и И. Бродского, экскурс «Иерусалим в литературе», обзор «О русском подтексте современной израильской литературы», а также публикация большого корпуса писем Л.О. Пастернака к Х. Бялику, М. Усышкину и А. Эйнштейну.

Выпуск 6

Анастасия Голубцова

Итальянские гости СССР: Русский и советский миф в травелогах иностранных писателей

В книге литературоведа-итальяниста Анастасии Голубцовой рассматривается образ советской России в травелогах итальянских литераторов, посещавших СССР в 1920–1980-е годы (К.Малапарте, К.Альваро, И.Кальвино, А.Моравиа, П.П.Пазолини и др.), и влияние на него элементов «русского» и «советского» мифов, которые, многообразно изменяясь и взаимодействуя, на протяжении десятилетий определяли зарубежную рецепцию советского общества, а до некоторой степени сохраняют свое значение и сегодня.

+ 16

ROSSICA. Литературные связи и контакты

Рецензируемый научный журнал

2023 № 4

Основан в 2021 г.
Выходит 2 раза в год

Учредитель, издатель: ООО «Литфакт».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-81839 от 16 сентября 2021 г.
ISSN 2782-3792

Адрес редакции:
117624, Москва, ул. Скобелевская, д. 20, оф. 122.
Телефон: +7 495 716-73-79
e-mail: litfakt_rossica@mail.ru
сайт: <http://lfizdat.ru/>

Компьютерная верстка Е.Ю. Дроздовой
Обложка Н.Э. Чайковской

Подписано в печать 30.08.23.
Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 15,5
Тираж 500 экз.

Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

